

В. Ю. КУКУШКИН

НЕФТЬ И РАЗВИТИЕ:

Ливия, Алжир

32И

W105

K-89

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АФРИКИ

В. Ю. КУКУШКИН

**НЕФТЬ
И РАЗВИТИЕ:****Ливия, Алжир**

14694

*Глубокоуважаемому
Николаю Станесовичу Станескичу
с наилучшими пожеланиями и
надеждой на дальнейшее сотрудничество
от автора**В. Кукушкин**Л. 25*ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985*В. Кукушкин, Сергеев, Золот*

Ответственный редактор
Р. Н. АНДРЕАСЯН

В монографии рассматриваются проблемы национально-энергосырьевого хозяйства Ливии и Алжира — арабских нефтеэкспортирующих стран с радикально антиимпериалистическими режимами, их усилия по использованию углеводородного сырья и доходов от нефтегазовой промышленности в интересах ускоренного экономического и социального развития.

К 0604030000-113
013(02)-85 27-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ВВЕДЕНИЕ

К основным тенденциям современности, которые неоднократно подчеркивались в документах КПСС и находятся в центре внимания исследователей, относится все более активное участие развивающихся стран в мировом историческом процессе. «Одна из коренных черт современного мира, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — это растущая роль стран Азии, Африки, Латинской Америки, освободившихся от колониальной или полуколониальной зависимости» [354, 16.06.1983]. В политическом аспекте данным необратимым процессом охвачено в различной степени подавляющее большинство независимых государств. Однако в экономическом плане их значение возрастает гораздо более неравномерно, а у некоторых развивающихся стран даже относительно снижается.

К наиболее существенным причинам, обуславливающим усиление неравномерности экономического развития, относится его значительная зависимость от природных факторов производства. Совокупность производительных сил самой природы, если воспользоваться определением К. Маркса, включает такие естественные элементы [5, ч. III, с. 47; 6, с. 472], как минерально-сырьевые, сельскохозяйственные и другие ресурсы, непосредственно применяемые в качестве предметов или средств труда, наряду с элементами географической среды, которые, не выполняя самостоятельно этих функций¹, начинают все шире участвовать в формировании необходимых условий хозяйственной деятельности и в особенности влиять на их качество. Именно присущая природным факторам неравномерность размещения, различия политической, геологической, физико- и экономико-географической карт мира и, наконец, изменчивая относительная ценность каждого отдельного элемента в натурально-ресурсном потенциале усиливают свое воздействие на экономическую дифференциацию развивающихся стран.

В рамках существующей системы мирохозяйственных связей и хозяйственной специализации освободившихся государств ценность их натуральных факторов производства определяется преимущественно импульсами, исходящими из центров развитого капитализма. Использование естественных ресурсов несоциалистического мира поставлено на службу в первую очередь современным с технико-экономической точки зрения производительным силам. В этой связи следует отметить, что к началу 70-х годов резко возросло и в целом сохраняется большое значение минеральных

ресурсов стран — крупных экспортеров углеводородного сырья и продуктов его переработки, прежде всего благодаря ключевым позициям топливно-энергетического комплекса в народном хозяйстве и существующей структуре энергобаланса. В результате ископаемое топливо и ныне основные его компоненты — нефть и природный газ прочно удерживают первенство в стоимостном объеме продукции горнодобычи². Вместе с тем обратное воздействие экспортеров жидкого и газообразного топлива остается более ограниченным не только на общие закономерности и темпы технико-экономической эволюции, но и на частные ее формы в конкретных отраслях энергопроизводства и потребления. Оно сводится почти исключительно к сферам ценообразования и объема поставок на мировой топливный рынок, где роль независимых государств весьма заметно повысилась, не став, однако, решающей, к формированию ценовых пропорций и через них — совокупного спроса.

Несмотря на усиливающуюся тенденцию к снижению материало- и энергоемкости машин, механизмов и технологических процессов в ходе НТР, сохраняют свое значение и другие, не менее важные факторы — сужение масштабов легкодоступной части натурально-ресурсного потенциала, особенно в зоне развитого капитализма, и абсолютный рост ресурсопользования, — что обуславливает растущую важность природных, в первую очередь минерально-сырьевых, ресурсов развивающегося мира. Относительно раннее и экстремальное проявление эта тенденция нашла в нефтегазовой промышленности. И хотя аналогичные по глубине энергетическому кризису потрясения в других сырьевых отраслях капиталистического хозяйства труднопредсказуемы, сам по себе долгосрочный характер последней тенденции почти не вызывает серьезных сомнений, как и то, что в перспективе она окажет свое различное по интенсивности воздействие на основные области ресурсопользования.

Повышение роли естественных богатств, расположенных на территории освободившихся государств, стимулировалось параллельным процессом упрочения их суверенитета над этими богатствами. Общее экономическое содержание последнего состоит в возможностях реализации государственной монополии отдельных стран на значительную часть планетарного ресурсного потенциала. По сути эти возможности впервые начали раскрываться практически, постепенно выходя за свои прежние формально-юридические рамки. При сравнительно более благоприятных объективных предпосылках независимые государства обретают способность осуществлять действительно самостоятельную стратегию, которая сама становится существенным условием функционирования ресурсоемких отраслей и хозяйственных комплексов.

На современном этапе возрастает значение прежде всего экспортной энергосырьевой политики развивающихся стран как результат внешней ориентации их сырьевого хозяйства и усиливающейся интернационализации ресурсопользования в мировой

экономике. В данной связи нефтегазовая промышленность обращает на себя особое внимание не только в качестве крупнейшей, но и одной из наиболее интернационализированных отраслей. Экспортная квота в нефтедобыче капиталистического мира только за 1960—1979 гг. повысилась от менее 40% до более 64%, составив 62% в 1980 г. (рассчитано по [115, с. 156; 182, с. 48]), и несколько снизилась лишь в кризисные для отрасли 1981—1983 гг. В нефтяной политике сосредоточен почти весь широкий спектр актуальных проблем стратегии ресурсопользования, которые предстали здесь в наиболее зрелой форме, тогда как в отношении других видов сырья пока не получили столь полного развития.

Исследование этой проблематики в предлагаемой читателю работе ведется преимущественно по трем взаимосвязанным направлениям. Первым предметом изучения стали объективные экономические условия, в рамках которых формируется и реализуется энергосырьевая политика нефтеэкспортирующих государств или, иначе говоря, в рамках которых разворачивается деятельность данного субъективного фактора, условия, составляющие инвентарий этой политики и определяющие пределы его эффективности. Эксплуатация нефтегазовых ресурсов, как и прочих средств производства, являющихся продуктами не труда, а стихийных природных процессов и одновременно поддающихся монополизации, в рыночном хозяйстве связана с рентными производственными отношениями. Поэтому вполне естественно, что современные особенности рентиобразования и распределения рентных доходов более или менее подробно рассматриваются в большинстве исследований, специально посвященных сырьевым проблемам или затрагивающих их. Однако в советской специальной литературе пока не сформировалось единой точки зрения на политико-экономическую природу нефтяной ренты на различных этапах развития данной отрасли добывающей промышленности. Некоторые исследователи, в частности В. В. Бирюлин и М. М. Голанский, склоняются к мнению, что она практически целиком состоит из дифференциального горного дохода. Большинство других авторов — Р. Н. Андреасян, А. И. Бельчук, Р. О. Инджикян, С. М. Никитин, В. Г. Павлов, И. Л. Пиотровская, А. Е. Примаков и другие — в современной стоимостной структуре поступлений от экспорта углеводородного сырья выделяют также иные виды ренты недифференциального типа. Однако и здесь наблюдается значительное разнообразие как в определении преобладающей разновидности (монопольная, абсолютная, государственная абсолютная, межпродуктовая рента), так и в истолковании сущности рентных доходов последнего типа.

Сама дискуссионность вопроса свидетельствует в пользу его дальнейшего исследования. Причем помимо теоретического он представляет и немалый практический интерес. Без его решения невозможно выявить степень воздействия государственной ресурсной монополии нефтеэкспортеров на формирование стоимостных и ценовых пропорций мирового топливного рынка: ограничено ли

это воздействие лишь перераспределением доходов, целиком объясненных своим возникновением объективным факторам, или же вмешательство таких субъективных действующих сил, как государства-производители и потребители с их сырьевой политикой, затрагивает процесс рентообразования, способствуя или препятствуя ему. И далее: зависит ли эффективность государственного вмешательства лишь от степени монополизации конкретного естественного ресурса и от концентрации спроса на него, т. е. опирается ли на социально-экономическую основу или на более фундаментальные технико-экономические свойства различных сырьевых отраслей.

Автор стремился проанализировать не только качественную, но и количественную сторону этих вопросов, однако он вполне сознает, что полученные результаты нередко все еще ближе к гипотезам и прогнозам, чем к закономерностям, нуждаясь в более развернутой аргументации и практической проверке.

Вторая группа проблем, занимающих центральное место в работе, связана со спецификой конкретной энергосырьевой политики, которую проводят арабские прогрессивные государства, находящиеся на этапе национально-демократической революции, — мировые экспортеры жидкого топлива. Как центральное звено в их общенациональной стратегии хозяйственного и социально-культурного строительства, а также в качестве внешнеполитического инструмента нефтяная политика формируется с учетом разнообразных многочисленных параметров, макроэкономических и отраслевых, испытывая одновременно воздействие целого ряда неэкономических факторов. Возможно более полный охват этого сложного комплекса причинно-следственных связей — важнейшая гарантия глубины его анализа и надежности прогнозирования. Эти элементы несомненно нуждаются в систематизации. Но излишняя схематичность, увлеченность моделированием иногда опаснее чрезмерной осторожности в обобщениях. Нередко аналогичные, а порой и идентичные объективные предпосылки служат основой принципиально различных сырьевых стратегий, что весьма наглядно прослеживалось в Ираке 60-х и Ливии на рубеже 70-х годов. Это еще раз убедило автора в необходимости особого внимания к социально-классовым истокам нефтяной политики, при прочих равных условиях зачастую определяющим ее характер, как и характер субъективных факторов вообще. Тот же момент существенно повлиял на выбор стран — основных предметов изучения в данной работе.

Именно на примере семи арабских государств из числа тринадцати участников Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК)³ заметно раньше и глубже обозначились противоположности радикально-антиимпериалистического и умеренно-консервативного течений в энергосырьевой стратегии практически по всем основным направлениям инвестиционной, производственной, экспортной и ценовой нефтяной политики. В Ливии было положено начало процессу «революции» мировых цен на жидкое топ-

ливо, а вскоре Алжир, Ливия и Ирак также первыми среди членов ОПЕК завершили ликвидацию системы традиционных концессий в своей нефтегазовой промышленности не только формально-юридически, но и фактически.

Автор поставил задачу выявить, насколько различия в социально-экономической и политической ориентации воздействуют на возможности сотрудничества развивающихся стран в рамках их отраслевой ассоциации; проследить роль индивидуальных, групповых и коллективных мероприятий в механизме функционирования ОПЕК как целого наряду с самостоятельным значением отдельных ее участников.

В опубликованных работах основное внимание авторов было сосредоточено на общих признаках и закономерностях энергосырьевой стратегии развивающихся стран-нефтеэкспортеров. Однако по мере углубления дифференциации этих государств возрастает необходимость анализа индивидуальных особенностей их нефтяной политики, которым и отведено центральное место в данной монографии.

В советской и зарубежной литературе пока еще отсутствуют специальные исследования, посвященные ресурсной стратегии «радикальной» группы государств — участников ОПЕК, их противоречиям и коллизиям с консервативными членами этой организации. Кроме того, предлагаемая читателю работа выходит в свет через несколько лет после издания книг об ОПЕК, принадлежащих перу Р. Н. Андреасяна и А. Д. Казюкова, а также Р. О. Инджикяна. Прошедшие годы оказались насыщены событиями, существенными для понимания ситуации в топливно-энергетическом комплексе мирового капиталистического хозяйства. Анализируя накопленные факты, автор попытался по-новому оценить ряд явлений, и в частности принципы взаимодействия нефтеэкспортирующих государств до конца 1984 г.

Состав группы «радикалов» в рамках ОПЕК подвержен изменениям. Наиболее постоянными ее участниками на протяжении 70-х и начала 80-х годов были Алжир и Ливия, а также Ирак и, с учетом ряда оговорок, Иран. В последнем случае необходимо отметить в значительной мере случайный и ограниченный характер «нефтяного радикализма» шахского режима, который сводился почти исключительно к ценовой политике, но даже и в этой узкой области к концу 70-х годов сменился реакционным империалистическим курсом, гораздо более естественным для социально-классовой природы свергнутой персидской монархии. Непосредственно после исламской революции республиканский Иран вновь активно включился в радикальную группу нефтеэкспортеров. Однако в условиях военного конфликта с Ираком новый радикализм, вернее экстремизм, иранской нефтяной политики был доведен до своей противоположности, до такого противодействия «умеренному» курсу Саудовской Аравии, которое фактически угрожало организационной целостности ОПЕК. Тот же вооруженный конфликт оказал влияние, по преимуществу обратное, на

нефтяной радикализм Ирака. Финансовые трудности и военно-политические соображения сделали его линию «эластичнее», вынуждая считаться с саудовской позицией. Североафриканские участники ОПЕК — Ливия и Алжир продолжают активно антиимпериалистический курс в своей энергосырьевой политике. Этим странам и посвящается данная работа.

Ливийская нефтяная политика ранее не становилась объектом комплексного исследования в советской литературе, хотя отдельные ее аспекты затронуты в следующих работах [29; 79; 138; 157]. Более подробно и разносторонне изучено это направление экономической стратегии АНДР (см. [98; 101; 102; 131; 150; 169]), однако главным образом на материалах периода 60-х и начала 70-х годов. Стремясь показать нефтяную политику Ливии и Алжира на широком фоне деятельности ОПЕК, в которой они принимают самое активное участие, автор часто сравнивает линии этих стран в организации с курсом их консервативных антиподов, прежде всего Саудовской Аравии. Одновременно анализируются те аспекты функционирования ОПЕК, которые, по нашему мнению, не получили еще достаточного освещения в опубликованных советских работах.

Третью группу проблем составляют некоторые общие результаты энергосырьевой стратегии, ее воздействие на социально-экономическое развитие нефтеэкспортирующих государств. Поскольку это воздействие в настоящее время оказывается преимущественно через освоение валютных доходов от нефтяного экспорта, анализу подверглись в первую очередь государственные планы программы развития, внутренняя и внешняя финансово-экономическая политика.

Способность леворадикальных национально-демократических кругов распорядиться нефтяной рентой заслуживает пристального внимания как своего рода исторический прецедент. Национальная демократия не только сосредоточила реальную политическую власть, но и получила в свое распоряжение на продолжительный период мощный экономический рычаг для реализации собственных интересов.

На примере Алжира обширный круг экономических и социально-политических проблем, связанных с использованием нефтяных доходов, достаточно полно охвачен исследованиями, в том числе монографическими (см. [58; 59; 82; 104; 149; 61; 153; 154]). Поэтому в данном разделе монографии внимание автора сконцентрировано по преимуществу на опыте Ливии, не только гораздо менее изученном, но и со стороны фактической менее известном советскому читателю. Отдельные аспекты этой проблематики в ливийских условиях затронуты в работах [44; 86; 157; 168], тогда как другие, например особенности внешней финансово-экономической политики страны, пока еще специально не анализировались.

Часть I

РЕСУРСОПОЛЬЗОВАНИЕ И НЕФТЯНАЯ РЕНТА: ПРОБЛЕМЫ И ОЦЕНКИ

Среди ведущих тенденций современного национально-освободительного движения выделяется активизация борьбы государств, освободившихся от колониальной или полуколониальной зависимости, за ликвидацию своего неравноправия в системе мирового капиталистического хозяйства. Особенно широкий размах этот чрезвычайно трудный, но постоянно развивающийся процесс приобрел в первой половине 70-х годов. Именно тогда важные позитивные сдвиги, и прежде всего дальнейшее упрочение международных позиций социалистического содружества, а также укрепление государственно-политической самостоятельности освободившихся государств, создали объективные условия для практического решения проблем экономической деколонизации. «Теперь уже ясно, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду, — что при нынешнем соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, то есть равноправных экономических отношений» [15, с. 13]. Первоочередность данного круга проблем в антиимпериалистическом движении свидетельствует о растущем признании в развивающихся странах того объективного факта, что именно неоколониальная эксплуатация их хозяйственного потенциала, и в первую очередь природных и трудовых ресурсов, служит одним из основных препятствий на пути социально-экономического прогресса.

Наиболее заметных успехов в преодолении этого препятствия, в установлении государственного суверенитета над своим минерально-сырьевым потенциалом добился ряд стран — экспортеров углеводородного сырья (нефти, газового конденсата, природного газа) и некоторых продуктов его переработки. В данной части автор ставит перед собой задачу прежде всего проанализировать экономическое содержание суверенитета над природными ресурсами применительно к нефтегазовой промышленности развивающихся стран, международные производственные отношения на рынке углеводородного сырья, в особенности ту трансформацию, которую они претерпели в 70-е годы, и их современное состояние.

Суверенитет развивающихся стран — производителей и экспортеров минерального топлива над их ископаемыми ресурсами ха-

рактируется прежде всего участием и свободой действий в решении следующих ключевых проблем:

— определение общих условий разработки этих ресурсов: самостоятельной или с привлечением в той или иной форме иностранного капитала, зарубежных специалистов, технологии. Причем во втором случае особенно важна эффективность контроля за деятельностью зарубежных инвесторов. С данной конкретной точки зрения разработка природных ресурсов национальными государственными предприятиями является оптимальным вариантом. Она существенно облегчает решение других вопросов экономической политики в этой области. Поэтому рассматриваемое первое условие включает национализацию как самую радикальную меру изменения способа эксплуатации природных богатств, а также участие в различных смешанных предприятиях;

— использование полезных ископаемых в качестве сырья для национальной промышленности или экспортных товаров, определение глубины их переработки, способов и форм реализации их на международных рынках;

— установление уровня производства (конечно, с учетом рыночной конъюнктуры). В большинстве стран — членов ОПЕК вывоз углеводородного сырья пока значительно превосходит его внутреннее потребление. По мере индустриализации этих государств такое положение, вероятно, модифицируется, распространяясь на продукты переработки жидких и газообразных углеводородов либо на энергоемкую продукцию, произведенную с их использованием. Вывоз этих товаров на ближайшие 20—30 лет, а возможно и дольше, останется важнейшим источником поступлений иностранной валюты, необходимой в первую очередь для оплаты весьма значительного импортного компонента капитальных вложений и прочих затрат.

Следовательно, минимальный уровень добычи нефти и газа определяется реальной покупательной способностью экспортных поступлений, которые необходимы для поддержания достаточных темпов расширенного воспроизводства, для финансирования структурных преобразований в народном хозяйстве, социального развития и всех других статей государственных расходов. Перестраивая национальную экономику подчас принципиально различными методами, почти все освободившиеся государства-нефтеэкспортеры непременно преследуют такие общие стратегические цели, как всемерная отраслевая диверсификация, преодоление в конечном итоге чрезмерной зависимости от эксплуатации своих невозобновимых ресурсов углеводородного сырья и прежде всего поиск альтернативных источников экономического роста, денежно-валютных и (или) реальных накоплений, способных заменить доходы от нефтегазовой промышленности. С точки зрения государственных интересов стран-производителей минимальное экспортное производство в данной отрасли регламентируется как изнутри — текущими и инвестиционными потребностями в инвалюту, так и извне — условиями торговли.

По мере все более полной утилизации попутного нефтяного газа, которая требует весьма капиталоемкого оборудования и занимает иногда существенное место во внутреннем энергетическом и сырьевом балансе нефтеэкспортеров, на нижнюю границу добычи нефти начинают сильнее влиять и технико-экономические факторы. Однако их воздействие обычно поддается контролю и может быть ослаблено, например, при наличии ресурсов свободного природного газа, пригодных для компенсации дефицитов в газовом балансе ввиду нестабильности нефтедобычи и соответственно производства попутного газа. Таким образом, в процессе определения нижних пределов нефтедобычи решающая роль принадлежит экономическим, а иногда и политическим факторам, поскольку поступления от экспорта углеводородного сырья ассигнуются и на военные расходы, и на финансовое содействие за рубежом (см. также [286, с. 28—30]).

Гораздо жестче технические факторы фиксируют максимальный предел добычи нефти из традиционных источников так называемыми первичными методами. Оптимальным обычно считается годовой темп производства до 4—5% от остаточных доказанных извлекаемых запасов, если преследуется цель возможно лучше сохранить и полнее использовать естественные эксплуатационные характеристики месторождений, продлить сроки их продуктивной разработки и увеличить общую отдачу, прежде чем неизбежно возникнет необходимость вводить все более сложные и дорогостоящие технологические процессы для искусственного повышения этих показателей (см. [158, с. 106—107; 289, с. 78—80; 338, с. 93—95, 106—113]).

Стратегия развития и соображения утилизации попутного газа также влияют на верхнюю границу нефтедобычи, как и на нижнюю;

— использование внешней нефтяной политики как регулятора предложения на мировом капиталистическом рынке жидкого топлива, как весьма существенного средства воздействия на его конъюнктуру и прежде всего на ценообразование. Чаше это средство используется для сдерживания поставок с целью повысить или стабилизировать цены. В таком качестве оно относится к условиям, лимитирующим «потолок» производства. Однако встречаются и факты противоположного применения экспортной тактики, наиболее характерные для Саудовской Аравии, которая временами максимизировала нефтедобычу для сбивания цен, хотя это и противоречило официально объявленной ею долгосрочной производственной и финансово-экономической стратегии. Но в данном конкретном случае, как и в ряде других, правящие круги этой нефтяной монархии руководствовались скорее своими узкоклассовыми, чем общенациональными интересами.

Возможность более или менее свободно маневрировать уровнем добычи и экспорта углеводородного сырья в очерченных здесь границах в соответствии с подлинно национальными интересами стран-производителей и определяет, на наш взгляд, степень незави-

симости их сырьевой политики в данной области. Далее, анализируя мероприятия в этой сфере, мы постараемся показать, что здесь понятие независимости конкретного отдельно взятого нефтедобывающего государства более относительно, сильнее проявляется интегрированность нефтегазовой промышленности в мировое капиталистическое хозяйство, влияние мирового капиталистического рынка, политики стран—импортеров жидкого топлива, с одной стороны, а с другой — политики иных крупных экспортеров этого сырья. Для эффективного воздействия на эти факторы требуется высокая степень согласованности между странами-нефтеэкспортерами. В то же время именно в области производственной и экспортной стратегий, пожалуй, труднее всего скоординировать их интересы, наиболее сильно проявляется противоречивость последних. Хотя и возможны успехи некоторых односторонних мероприятий, но обычно они дают ограниченный эффект, а более отдаленные их последствия могут противоречить поставленным целям;

— участие развивающихся стран в процессе ценообразования на мировом капиталистическом рынке углеводородного сырья и в определении условий расчетов с действующими на их территории иностранными компаниями. Исследование этой проблемы выходит далеко за рамки странового, регионального или отраслевого анализа, представляя особый интерес в связи с последствиями «революции цен» на жидкое топливо 1973—1974 гг., которые оказались гораздо более глубокими и устойчивыми, чем результаты общего сырьевого кризиса в капиталистическом мире того же периода. Долгосрочные тенденции, формирующие стоимостные пропорции, связаны с важным и до сих пор дискуссионным вопросом о международных производственных, в данном случае рентных, отношениях на мировом капиталистическом рынке топливно-сырьевых товаров. Причем именно в пропорциях международного обмена сконцентрировано экономическое выражение конкретных суверенных прав освободившихся государств распоряжаться сырьевым потенциалом, демонстрируются результаты практического использования этих прав.

Производство нефти и газа, как и подавляющего большинства всех видов сырья, основано на использовании общественно ограниченных средств производства. По определению К. Маркса, это «естественный фактор производства», или «естественная сила», которую «можно монополизировать», поскольку «это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом... а с определенными природными условиями определенной части земли» [4, ч. 2, с. 193, 195, 196]. Это объективно обуславливает рентные принципы формирования стоимостных пропорций и цен в нефтегазодобывающей промышленности, для которой главным ограниченным средством производства остаются запасы земных недр. Но по мере разработки шельфовых и других морских месторож-

дений к ним все активнее подключаются также ресурсы Мирового океана.

Возможности монополизации общественно ограниченных элементов производительных сил реализуются различным образом в соответствии с конкретно-историческими условиями развития капиталистического способа производства, в первую очередь с формами земельной собственности и со степенью зрелости ее институтов. Именно характер монополии и зависимость от него роль собственников природных ресурсов в процессе рентообразования — одни из главных факторов, определяющих основные виды ренты — дифференциальную, с одной стороны, абсолютную и монопольную — с другой. Обобщая и развивая положения марксистской теории о рентных производственных отношениях, В. И. Ленин подчеркивал наличие «двойной монополии» на естественные средства производства: «...во-первых, мы имеем монополию хозяйства (капиталистического) на земле. Эта монополия вытекает из ограниченности земли, являясь поэтому необходимой во всяком капиталистическом обществе... Во-вторых, мы имеем монополию частной собственности на землю... Ничего *необходимого* для капиталистического общества... эта монополия из себя не представляет» [9, с. 119—120].

Связывая возникновение дифференциальной ренты с монополией первого рода, В. И. Ленин сжато, но исчерпывающе определял этот вид ренты как «результат ограниченности земли, занятости ее капиталистическими хозяйствами совершенно независимо от того, существует ли собственность на землю и какова форма землевладения» [10, с. 274]. Применительно к нефтегазодобывающей промышленности это положение характеризует ограниченность запасов углеводородного сырья в земных недрах. Она сочетается с весьма сильными различиями в условиях разработки конкретных месторождений, которые определяются в основном горно-геологическими и географическими факторами, а также в качественных характеристиках добываемого оттуда минерального сырья. Эти различия вызывают, во-первых, значительную разницу в затратах живого и овеществленного труда, т. е. переменного и постоянного капитала, на производство, транспортировку, а в дальнейшем и на использование единицы продукции. Тем самым предопределяется разность индивидуальных цен производства. Во-вторых, что касается только качественных факторов, они воздействуют на потребительную стоимость углеводородного сырья, а через нее также и на рыночную стоимость первичных энергоносителей и продуктов их переработки. Действию природных факторов помимо стоимостного можно придать и натуральное выражение, если рассматривать результат как различный выход продукции на единицу капитальных и трудовых затрат, различную их производительность.

Именно сочетание ограниченности «естественных факторов производства» с весьма неоднозначным их воздействием на производственный процесс и его результаты составляет материальную ос-

нову для формирования нескольких разновидностей дифференциальной ренты. Одно из принципиальных отличий рентообразующих отраслей хозяйства от других состоит, как известно, в том, что стоимостные пропорции и рыночные или общественные цены производства определяются наивысшими, а не средними издержками, с которыми сопряжено производство товаров при наихудших условиях, а не при тех, которые характерны для основной массы выпускаемой продукции.

Обобщая этот рентный принцип ценообразования, В. И. Ленин отмечал неизбежность различий между хозяйствами, основанными на применении естественных средств производства. Эти различия имеют несколько источников. Цена производства в худших условиях является определяющей, поскольку объем товаров, произведенных в лучших условиях, «недостаточен для покрытия спроса. Разница между индивидуальной ценой производства и высшей ценой производства и составляет дифференциальную ренту» [10, с. 275]. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что от формы собственности на землю зависит лишь способ распределения дифференциальной ренты, но не факт возникновения: «При существовании поземельной собственности эту ренту получит землевладелец, ибо конкуренция капиталов заставит... (арендатора) удовлетвориться средней прибылью на капитал. При отмене частной собственности на землю эту ренту получит государство». Далее особо отмечено, что в рамках капиталистической экономики «уничтожение этой ренты невозможно» [10, с. 275].

Однако данные закономерности проявляются достаточно полно лишь при наличии нескольких необходимых условий, которые существуют, как правило, в рамках зрелого классического капитализма свободной конкуренции. Одним из наиболее важных среди рассматриваемых принципов является равенство цен на одинаковые или эквивалентные (с учетом взаимозаменяемости нескольких товаров) потребительские стоимости. Формулируя эту закономерность, К. Маркс писал: «Рыночная цена именно предполагает, что за все товары данного вида уплачивается одинаковая цена, несмотря на то, что товары эти могут быть произведены при очень различных индивидуальных условиях и могут, следовательно, иметь очень различные издержки производства» [4, ч. 1, с. 217, 218]. Соблюдение этого условия определяет, насколько полно рентообразующие факторы смогут реализоваться в фактической цене конкретной продукции.

Вместе с тем на распределение рентных доходов решающее воздействие оказывает степень зрелости институтов земельной собственности. От уровня развития последних зависит прежде всего форма разрешения противоречий между капиталистами-арендаторами и собственниками природных ресурсов. Для капиталистических предпринимателей полная или частичная выплата ренты входит составным элементом в издержки производства, понижая возможную или, вернее, желаемую норму прибыли, максимальное увеличение которой является самодовлеющим мотивом,

а источники совершенно безразличны. Напротив, собственникам «естественных факторов производства» важно наиболее полно реализовать экономически все выгоды и преимущества от их эксплуатации, особенно если эти природные элементы производительных сил представлены невозобновимыми ископаемыми запасами минерального сырья.

При анализе процесса капиталистического воспроизводства в его конкретной целостности, включая вторичные производственные отношения, К. Маркс вскрывает политико-экономическую сущность столкновений между противоречивыми интересами участников данного процесса по поводу распределения прибавочного продукта. Применительно к взаимоотношениям между предпринимателем и земельным собственником эти противоречия сводятся к тому, что если функционирующему капиталисту «удастся, например... уплачивать арендную плату ниже нормального уровня ренты, то для него совершенно безразлично, будет ли он продавать товар ниже его стоимости, даже ниже общей цены производства, то есть будет ли отдавать даром часть содержащегося в товаре прибавочного труда» [4, ч. 2, с. 445]. Стремление всемерно сокращать издержки производства «относится и к постоянной части капитала». Поэтому аналогичная коллизия возникает между владельцем предприятия обрабатывающей промышленности и поставщиком сырья: «Если, например, промышленник может купить сырой материал ниже его цены производства, то это гарантирует его от убытка даже и в том случае, когда ему приходится, в свою очередь, продавать этот материал в готовом продукте ниже цены производства. Его предпринимательский доход может остаться неизменным и даже возрасти, если только остается неизменным или возрастает избыток товарной цены над теми ее элементами, которые должны быть оплачены, возмещены эквивалентом» [4, ч. 2, с. 445—446].

Эта характеристика К. Марксом возможных ситуаций, которые складываются в процессе капиталистического воспроизводства под действием изменчивого соотношения сил в конкурентной борьбе между его участниками, предельно точно описывает действительный механизм функционирования экспортных предприятий нефтегазовой промышленности в колониальных и зависимых, а позже в освободившихся государствах на протяжении достаточно длительного периода до начала 70-х годов. Ниже будет подробнее рассмотрено, каким образом очень весомая и даже основная часть рентных доходов присваивалась не собственниками природных ресурсов, а зарубежными нефтяными монополиями-концессионерами, т. е., по сути, капиталистическими арендаторами, а также некоторыми импортерами и потребителями их продукции.

Если в отношении дифференциальной ренты от формы земельной собственности зависит лишь способ ее распределения, то для другого вида ренты — абсолютной — монополия частной собственности на землю порождает само ее существование. По определению В. И. Ленина, «абсолютная рента происходит из частной соб-

ственности на землю. В этой ренте есть элемент монополии, элемент монопольной цены. Частная собственность на землю мешает свободной конкуренции, мешает выравниванию прибыли, образованию средней прибыли...» [10, с. 275]. Таким образом, эта «монополия на земле» может воспрепятствовать свободному притоку капитала в добывающую промышленность, ограничить его безрентное применение для разработки худших месторождений и создать предпосылки для формирования абсолютной ренты, поднимая рыночные цены на сырье выше цен производства. В то же время действие экономических законов капитализма предполагает постоянный синтез в различных соотношениях монополии и конкуренции. В работе В. И. Ленина «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» специально подчеркнуто, что монополия частной земельной собственности также не абсолютна, а представляет собой единство монополии и соперничества между самими землевладельцами [9, с. 122—123]. Постоянное сохранение реальной или потенциальной внутри- и межотраслевой конкуренции, заинтересованность собственников в экономической реализации своего обладания природными ресурсами ограничивают норму абсолютной ренты, способствуя частичному выравниванию условий в рентообразующих и прочих сферах предпринимательской деятельности.

Абсолютная рента, как известно, опирается на стоимостную базу в самих продуктах естественных средств производства. Этот внутренний источник — избыток стоимости над ценой производства данной группы товаров или избыток «закрывающейся в них прибавочной стоимости над прибылью, приходящейся на долю капиталов соответственно общей норме прибыли» [4, ч. 2, с. 431]. Избыток обязан своим возникновением более низкому органическому строению капитала в рентообразующих отраслях, которое обуславливало здесь более высокую норму прибыли. Монополия земельной собственности фиксировала ее, препятствуя снижению до общего среднего уровня. Разность норм прибыли, по определению К. Маркса, устанавливала верхний предел абсолютной ренты.

Однако органическое строение капитала динамично и испытывает неуклонную долгосрочную тенденцию к повышению, отражая результаты технического прогресса. К. Маркс рассматривал эту тенденцию как одну из причин исторически преходящего характера абсолютной ренты, чью единственную стоимостную основу определяет более низкое строение капитала в рентообразующих отраслях «по сравнению со средним общественным», поскольку «теоретически установлено, что только при этом предположении стоимость... продуктов может быть выше их цены производства». При чем К. Маркс недвусмысленно указывал, что в тех условиях, где это предположение «отпадает, там отпадает и соответствующая ему форма ренты», тогда как структурная характеристика капитала конкретных отраслей — это «вопрос, который можно решить лишь статистически» [4, ч. 2, с. 319—320].

Согласно расчетам косвенных показателей органического строения капитала, выполненным советскими специалистами, к 1970 г.

по капиталовооруженности труда нефтегазодобывающая промышленность США в 14,6 раза превосходила обрабатывающую индустрию страны, а по капиталоемкости продукции — в 3,4 раза [186, с. 226—227]. Правда, различия в общей фондоемкости их продукции должны быть менее значительны ввиду меньших вложений в оборотный капитал горнодобывающих отраслей, прежде всего за счет практического отсутствия затрат на предметы труда, представленные непосредственно элементами природы. Но если даже абстрагироваться от инвестиций нефтегазодобывающих предприятий в оборотную часть их постоянного капитала и принять в расчет только вложения в оборотные фонды перерабатывающей индустрии (что несколько исказит реальную действительность), то и такое допущение сохранит разрыв в фондоемкостях продукции на уровне 2,6 раза в пользу нефтегазовой промышленности к концу 60-х — началу 70-х годов (рассчитано по [63, с. 194; 186, с. 227]). Проводились и более обобщенные сопоставления, которые выявили значительное превосходство минерально-сырьевых комплексов США и ФРГ в целом над их обрабатывающей промышленностью по фондовооруженности труда (см. [156, с. 159]).

Таким образом, статистические аргументы убедительно подтверждают утрату абсолютной рентой ее внутренней стоимостной базы в продукции современной горнодобычи. В производстве углеводородного сырья данная рента лишилась этой своей основы, по всей вероятности, еще задолго до первого обострения энергетического кризиса в капиталистическом мире. Повышение органического строения капитала над средним общественным уровнем и соответственно цены производства над стоимостью продукции отрасли означает автоматический переход регулирующей функции к цене производства на рынке нефти и газа. Отсюда также следует вывод, что средняя прибыль на инвестиции в наиболее капиталоемкие нефтегазодобывающие предприятия, которые функционируют в худших природных условиях, существенно превосходит величину прибавочной стоимости, создаваемой занятой на них рабочей силой. Соответственно закономерности формирования средней нормы прибыли и цен производства должны перераспределять в пользу этих предприятий часть прибавочной стоимости из других отраслей с более низким органическим строением капитала.

Здесь необходимо вернуться к дифференциальной нефтяной ренте и отметить, что преобладающая ее часть, по всей вероятности, образуется в современных условиях благодаря экономии капитальных затрат на освоение и эксплуатацию лучших месторождений, т. е. за счет экономии овеществленного, а не живого труда.

Представление о масштабах среднеотраслевых различий в национальной производительности труда дает сравнение годовых объемов продукции в расчете на каждого рабочего и служащего, занятого в нефтегазодобывающей промышленности США и Ливии. В первой из двух стран суммарный объем добычи

нефти и газа на одного занятого в 1981 г. измерялся 3 269 т нефтяного эквивалента, а ливийский уровень 1978 г. достигал 4 907 т — в полтора раза выше американского (рассчитано по [199, с. 3—1; 236, с. 18, 26; 291а, с. 63—74]). Гораздо крупнее разрывы в производственной эффективности капиталовложений между Ливией и новыми нефтепромышленными регионами США. По нашей приблизительной оценке, основные фонды стоимостью 1 млрд. долл. в ливийских условиях середины 70-х годов обеспечивали добычу и поставки на экспорт до 50—55 млн. т нефти ежегодно, если внести поправку на обычные в то время для Ливии недогрузки наличных производственных мощностей вследствие консервации нефтяных запасов. В США те же суммы финансовых средств, вложенных в разработку нефтяных ресурсов на севере Аляски, позволяли развернуть добычу и доставку в незамерзающий порт Валдиз на юге полуострова в среднем только до 6 млн. т жидкого топлива, или в 8,5—9 раз меньше. Во столько же раз меньшей можно считать эффективность капитальных затрат, несмотря на применение новейшей техники и технологии, на аляскинских нефтепромыслах по сравнению с ливийскими (рассчитано по [113, с. 132; 142, с. 124; 269, с. 199—200]).

Проведенные сравнения свидетельствуют, что масштабы различий в производительности овеществленного труда примерно вшестеро превосходят разницу в производительности труда живого и соответственно первые в данном случае составляют основу дифференциальной ренты.

Следовательно, некоторая доля дифференциальной ренты под воздействием объективных технико-экономических факторов ныне приобрела перераспределенческий характер. Она включила прибавочную стоимость из менее капиталоемких отраслей, поскольку для всей нефтедобычи средняя (в политэкономическом смысле) норма прибыли начисляется на инвестиции с наивысшим органическим строением в разработку худших месторождений.

Отличительной особенностью третьего типа ренты — монопольной — является стоимостная база, расположенная целиком за пределами рентообразующих отраслей. Она полностью основана на перераспределенной прибавочной стоимости. Однако конкретное участие земельной собственности в этом перераспределительном процессе типом данной ренты однозначно не характеризуется. Оно может быть как пассивным, так и активным. «Необходимо различать, — подчеркивал К. Маркс, — вытекает ли рента из монопольной цены, потому что независимо от нее существует монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене, потому что существует рента» [4, ч. 2, с. 336]. В первом случае пассивная роль землевладения ограничивается лишь присвоением ренты и не затрагивает формирование ее источника — монопольной цены на рентный товар. Этот вариант проиллюстрирован в III томе «Капитала» общеизвестным практическим примером земельных участков, на которых выращивается виноград исключительно редких сортов. Активный вклад собственников природных ресурсов в процесс образования монопольной ренты представлен в том же произведении как теоретическая возможность ситуации, при которой, «наоборот, рента создала бы монопольную цену, если бы хлеб продавался не только выше цены производства, но и выше его стоимости, вследствие границы, которая ставится земельной собственностью безрентной затрате капитала...» [4, ч. 2, с. 337].

Таким образом, анализ рентных отношений на капиталистическом нефтяном рынке необходимо вести по двум направлениям: выявлять стоимостные основы существующих видов ренты и определять характер участия собственников месторождений в формировании рентных доходов и (или) их распределении.

Выходя за пределы национальных границ и выражая производственные отношения в масштабах мировой капиталистической системы, т. е. международные производственные отношения, рентообразующие и другие закономерности и категории капиталистического способа производства сохраняют свою сущность. К. Маркс писал, отмечая их всеобщий характер: «Как в конкуренции между отдельными капиталистами, так и в конкуренции на мировом рынке... величины заработной платы, процента и ренты входят в расчеты как величины постоянные и регулирующие... они в каждом отдельном случае даны и образуют постоянную границу для непрерывно колеблющихся рыночных цен» [4, ч. 2, с. 446]. Однако формы проявления этих категорий приобретают существенные особенности.

Одна из особенностей нефтегазовой промышленности связана с тем, что в число основных субъектов рентных отношений на мирохозяйственном уровне входят страны — производители углеводородного сырья. Монополия земельной собственности приобретает форму государственного суверенитета над природными богатствами для стран — мировых экспортеров жидкого и газообразного топлива, поскольку там запасы этих сырьевых ресурсов повсеместно принадлежат государству. Государственная экономическая политика в области их использования, которая руководствуется гораздо более сложными и разнообразными интересами, чем у частных земельных собственников, на мировом рынке становится непосредственным фактором рентных отношений. Реализация права собственности стран — продуцентов сырья или степень зрелости их «естественной» монополии определяется фактически достигнутым суверенитетом. Подчиненное положение нефтеэкспортирующих государств наряду с другими развивающимися странами в системе мирового капиталистического хозяйства препятствовало вплоть до начала 70-х годов превращению их в полноправных участников международных экономических, и в том числе рентных, отношений.

Глава I

ОСОБЕННОСТИ НЕФТЯНОЙ РЕНТЫ ДО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В условиях монополистического и государственно-монополистического капитализма, в системе неравноправных международных экономических отношений между развитыми центрами и отсталой периферией мирового капиталистического хозяйства сложились

предпосылки для существенной деформации многих экономических законов классического капитализма. На рынке энергетического сырья после второй мировой войны наблюдалась тенденция к усилению этой деформации — составной части сложного клубка противоречий, которые по мере их крайнего обострения привели к глубокому структурному кризису в энергетике капиталистического мира.

Прежде всего следует обратить внимание на отсутствие до 70-х годов тесной непосредственной взаимозависимости между рынками различных первичных энергоносителей. Обособленность рынков, затруднявшая свободную конкуренцию между этими товарами, сохранялась и даже целенаправленно консервировалась при помощи методов государственно-капиталистического регулирования в некоторых странах Запада вопреки складыванию объективных технико-экономических условий для взаимозаменяемости энергоносителей с учетом разницы в качестве (особенно в теплотворной способности) и технологии применения. По мнению венгерских исследователей Ф. Чаголи и Э. Муракези, предпосылки для такой взаимозаменяемости весьма активно формируются на протяжении последних 30—40 лет. К началу 40-х годов, например, нефтепродукты уже в значительной мере потеснили уголь как основное топливо на транспорте. Позже технология применения мазута и природного газа стала внедряться в черную металлургию, получили широкое развитие нефте- и газохимия, не говоря уже о возможностях использования самых различных энергоносителей в электроэнергетике. Так, венгерские специалисты отметили существенный рост применения коксующихся углей — ранее лишь весьма ценного металлургического сырья — на энергетические цели, что объяснялось в первую очередь повышением требований охраны окружающей среды в промышленно развитых капиталистических государствах (особенно в США, ФРГ и Великобритании) [246, с. 349—356].

Ретроспективный сравнительный анализ фактических цен коксующегося угля (экспортные цены в портах США) и ближневосточной сырой нефти (цены эталонной аравийской легкой нефти в портах Персидского залива) на мировом рынке подводит к следующим заключениям. В 50-е годы тонна нефти стоила дороже тонны угля на 25—40%, что примерно уравнивало удельную стоимость обоих энергоносителей в расчете на единицу их теплотворной способности, хотя не отражало технологических преимуществ применения нефтепродуктов по сравнению с углем. В начале 60-х годов в результате удешевления ближневосточной нефти цены сравнялись, а затем соотношение резко изменилось, так что на рубеже 60-х и 70-х годов уголь стоил вдвое дороже нефти. С учетом различной потребительной стоимости этих двух видов энергетического сырья разрыв соответственно увеличился до трехкратного размера.

Этот факт подтверждается и в опубликованных на Западе исследованиях [307, с. 36].

Таким образом, на мировом капиталистическом рынке серьезно деформировался такой важный принцип ценообразования, как равенство цен на эквивалентные потребительные стоимости. Выше уже отмечалось, что этот принцип составляет одну из основных необходимых предпосылок для реализации дифференциальной ренты. Естественно, столь значительный ценовой разрыв сам по себе неминуемо должен был создать мощный стимул для перехода потребителей от использования угля к применению нефтепродуктов. Угольная промышленность, особенно в Западной Европе, не могла самостоятельно конкурировать с дешевой импортной нефтью: препятствовала отчетливая тенденция к повышению цен производства в данной отрасли. Об этом свидетельствует даже сравнение части цены производства — издержек добычи каменного угля в ФРГ без учета средней прибыли на капитал в отрасли — с ценами мазута как ближайшего его субститута (табл. 1).

Данные в таблице указывают на то, что конкурентоспособность угля относительно мазута (необходимо подчеркнуть, что цена этого нефтепродукта обычно ниже цен основных сортов сырой нефти) была восстановлена, и то не полностью, лишь после «революции цен» 1973—1974 гг. на нефтяном рынке.

Правительства ряда западноевропейских стран предпринимали попытки оградить национальную угольную промышленность от конкуренции импортного жидкого топлива с помощью государственно-монополистического регулирования, включавшего налоговую политику, контроль над ценами нефтепродуктов на внутреннем рынке и другие методы. Налогообложение при этом выполняло двоякую функцию. Так, одним из основных назначений весьма высоких косвенных налогов на продукты переработки импортированной нефти было выравнивание монопольно низких цен на это сырье с высокими ценами производства местного твердого топлива. С регулирующей функцией очень тесно переплеталась вторая — фискальная. Налоги, которые взимались западноевропейскими государствами с потребителей жидкого топлива, вносили существенный вклад в фонд бюджетных поступлений. А из него, в свою очередь, черпались средства для финансирования мероприятий в области энергетики, в том числе для субсидирования национальных предприятий в угольной промышленности. В ФРГ, например, одна лишь сумма налогов на мазут в 60-е годы была

Таблица 1

Соотношение издержек производства каменного угля с ценами мазута *

Год	Издержки производства угля		Цены мазута		Отношение цен мазута к издержкам производства угля, %**
	долл./т	долл./Гкал	долл./т	долл./Гкал	
1967	15,1	2,3	12	1,2	52
1972	31,2	4,5	16	1,6	36
1975	53,3	8,0	72	7,2	90

* [246, с. 361].

** На основе теплотворной способности.

настолько велика по объему, что служила главным финансовым обеспечением для энергетических программ западногерманского правительства. Многообразные методы косвенного воздействия на внутренние рынки энергетических товаров дополнялись прямыми административными мерами, а также непосредственной предпринимательской деятельностью буржуазного государства, которое в таких странах, как Великобритания, Франция, Италия, владеет угледобычей, а также почти полностью монополизировало электроэнергетику и газовое хозяйство [186, с. 185, 275—283].

Государственно-монополистические мероприятия столь широких масштабов в основном (для периода 60-х годов) нефтеимпортирующем регионе капиталистического мира неизбежно оказывали глубокое воздействие на функционирование рыночного механизма в энергосырьевом хозяйстве не только на национальном, но и на международном уровне. Закрепленное посредством государственного вмешательства неравенство цен на взаимозаменяемые первичные энергоносители, т. е. на эквивалентные потребительские стоимости, позволяло правительствам западноевропейских стран присваивать весомую долю дифференциальной ренты в виде разницы между низкими затратами на импортированную нефть и высокими ценами производства местного угля. При свободной конкуренции между жидким и твердым топливом эти различия индивидуальных цен производства энергоносителей должны были бы реализоваться собственниками нефтяных месторождений.

Об относительной величине доходов рентного типа, чьей материальной основой служили природные и трудовые ресурсы нефтеэкспортирующих стран, но присвоение которых до начала 70-х годов осуществляли правительства государств развитого капитализма в виде различных налогов и сборов, можно судить по удельному весу этих платежей в розничных ценах нефтепродуктов, реализованных западноевропейским потребителям. В государственные бюджеты стран Западной Европы поступало свыше половины общей стоимости этих товаров, или 70% чистых прибылей от продажи за вычетом издержек производства, транспортировки и сбыта [186, с. 240; 365, 06.06.1974].

В мировом капиталистическом хозяйстве существовали серьезные препятствия для формирования единого рынка не только альтернативных, но даже практически одинаковых по качеству энергоносителей, прежде всего нефти и нефтепродуктов. В данном случае деформировались процессы ценообразования, по существу, на одни и те же товары, на идентичные, а не эквивалентные потребительские стоимости в зависимости от регионов их производства и сбыта. Этот механизм сочетал в себе государственно-монополистические методы экономического регулирования с частномонополистической практикой транснациональных нефтяных корпораций.

Среди государственно-монополистических мероприятий по своему воздействию на мировые цены углеводородного сырья выделя-

ются жесткие количественные квоты на импорт нефти и нефтепродуктов в США. Эти меры почти полностью изолировали внутренний нефтяной рынок страны — крупнейшего потребителя жидкого топлива от внешнего рынка, придали первому замкнутый характер на достаточно продолжительный период — с конца 50-х до начала 70-х годов. Ограничение, а затем и практическое устранение зарубежной конкуренции позволило в целом заметно повысить цены на добываемую в США нефть, эксплуатировать ряд наименее продуктивных в капиталистическом мире месторождений этого сырья с наивысшими ценами производства для соответствующего этапа в развитии нефтегазовой промышленности. На мировой же рынок поступало жидкое топливо из зависимых или освободившихся государств с себестоимостью в несколько раз ниже американской. Это стимулировало снижение цен на данный товар, чем и воспользовались к своей выгоде транснациональные корпорации.

В результате вплоть до начала 70-х годов преобладала тенденция к углублению разрыва в ценовых соотношениях между жидким топливом, реализуемым в США и экспортируемым из развивающихся стран, в особенности из ближневосточного и африканского регионов. Так, до 1953 г. американская нефть стоила примерно на 21% дороже того же сырья, вывозимого из государств Персидского залива, что было экономически обосновано различным географическим положением месторождений относительно основных потребителей и соответствовало разнице затрат на транспортировку продукции (рассчитано по [126, с. 31]). К началу 1959 г. это расхождение выросло до 73% в пользу внутреннего рынка США (по сравнению с уровнем справочной цены на аравийскую легкую нефть), а в 1971 г. достигло в среднем почти 130% (рассчитано по [49, с. 79; 307, с. 29—31]), хотя транспортные издержки за этот период испытывали тенденцию к относительному снижению, которая лишь иногда нарушалась резкими колебаниями конъюнктуры на капиталистическом краткосрочном фрахтовом рынке танкеров [159, с. 229, 231, 245]. Аналогичным образом углублялась дифференциация американского и мирового рынков нефтепродуктов, где к началу 70-х годов существовало, например, приблизительно двукратное различие цен на мазут [186, с. 180].

Наконец, необходимо выделить последнее проявление подобной деформации, которая объясняется лишь ценовой политикой транснациональных корпораций. Это множественность цен на идентичные по качеству сорта нефти на одном и том же рынке. Так, в конце 50-х годов на западном побережье Франции (цены сиф Бордо) доставленная с более близкого расстояния (из ливанского порта Триполи или сирийского — Банияс) и лучшая по качеству иракская нефть с учетом этих факторов стоила на 22% дешевле венесуэльской, что объяснялось прежде всего более низкой — на 21% — справочной ценой фоб иракской нефти в средиземноморских портах отгрузки [382, 1969, № 2, с. 13—14].

Итак, деформация рыночного механизма в энергосырьевом комплексе отраслей мирового капиталистического хозяйства явилась результатом тесного взаимодействия частно- и государственно-монополистической практики. Но при этом необходимо все же подчеркнуть ведущую роль транснациональных нефтяных корпораций в искажении рентных принципов ценообразования непосредственно на рынке углеводородного сырья. Главная причина состояла в том, что позиции арендаторов — международных монополий и собственников природных ресурсов — колониальных или зависимых, а позже молодых освободившихся государств оказались несопоставимыми даже в пределах сложившейся практики буржуазного права. Колониально-монополистические, а затем неоколониалистские методы эксплуатации минерально-сырьевых запасов нефтеэкспортирующих стран стали возможны прежде всего потому, что эти страны были, по существу, лишены национального суверенитета над своими природными богатствами. Реализации их суверенитета препятствовала сугубо неравноправная, грабительская система концессий, основы которой были заложены в период между двумя мировыми войнами и в большинстве охваченных ею стран просуществовали до начала 70-х годов с некоторыми незначительными модификациями. Подчиненное положение нефтеэкспортирующих государств на периферии мирового капиталистического хозяйства приводило к тому, что экономическое освоение их натурально-ресурсного потенциала осуществлялось не ими, а западным капиталом. На том продолжительном этапе его экспансия почти не сталкивалась с препятствием в виде монополии земельной собственности.

По условиям концессионных соглашений так называемого традиционного типа нефтедобывающие предприятия полностью принадлежали иностранным концессионерам — в основном семи-восьми крупнейшим корпорациям, объединенным в Международный нефтяной картель (МНК)¹, и отчасти нескольким менее крупным компаниям — аутсайдерам из стран развитого капитализма. На весь период действия этих соглашений (как правило, на 40 лет и более) концеденты (государства, предоставившие концессии) были лишены самостоятельности в важнейших областях — отстранены от определения уровней производства и цен. Эти страны почти не могли влиять на объем, форму и направления нефтяного экспорта. Их возможности изменять взаимоотношения с арендаторами на формально-законном основании до истечения сроков концессий также были сведены к минимуму.

Именно слабость экономических позиций собственников природных ресурсов препятствовала присвоению ими дифференциальной ренты и вынуждала довольствоваться лишь наименьшей долей общих прибылей от реализации их переработанного сырья конечным потребителям. Доля концессионных отчислений развивающимся странам в розничных ценах нефтепродуктов на западноевропейских рынках в целом не превышала 6—7% к середине 60-х годов и 10—11% осенью 1973 г. При достаточно стабильном

удельном весе издержек добычи, транспортировки, переработки нефти и сбыта нефтепродуктов в 1973 г. в пределах 14% на чистые доходы нефтяных монополий приходилось 24—26%, а остальные 50—52% — на налоговые поступления в бюджеты государств развитого капитализма (рассчитано по [175, с. 12—13, 18; 186, с. 198; 385, 1977, т. XVI, № 20, с. 3—4]). Как было отмечено выше, лишь на этой завершающей стадии цены переработанной нефти сближались с издержками производства конкурирующих альтернативных энергоносителей, хотя окончательно так и не достигали максимального уровня последних. Следовательно, только в сумме чистых доходов концедентов, концессионеров и нефтеимпортирующих государств Западной дифференциальная нефтяная рента различных типов находила более или менее полную свою реализацию вплоть до первого обострения энергетического кризиса.

Для формирования двух других видов рентных нефтяных доходов — абсолютного и монопольного — в 50-е, 60-е и в начале 70-х годов не имелось, на наш взгляд, необходимых социально-экономических предпосылок, даже если на каком-то отрезке этого периода еще сохранялась технико-экономическая основа абсолютной ренты в виде пониженного органического строения капитала (хотя последнее тоже проблематично). Такие предпосылки существовали лишь на изолированном рынке жидкого топлива США с их более высокими ценами и развитыми институтами земельной собственности. В развивающихся же странах сложилась как раз противоположная ситуация, которую, воспользовавшись определениями К. Маркса, можно охарактеризовать как не имеющую «ничего общего с теми предпосылками, при которых существует абсолютная земельная рента, а именно с развитым капиталистическим производством на одной стороне, а на другой — с земельной собственностью, которая не только юридически существует, но и фактически оказывает сопротивление капиталу, защищает это поле деятельности от вторжений капитала и представляет последнему место только на известных условиях» [5, ч. 2, с. 329—330].

Авторы некоторых исследований² усматривали в двух разновидностях концессионных платежей — «ройалти» и налоге на прибыль компаний-концессионеров — различные типы ренты. Однако отождествление исторически сложившихся юридических форм рентных доходов с их политико-экономической сущностью представляется совершенно необоснованным. В какой бы форме ни выступали концессионные отчисления развивающимся странам-нефтеэкспортерам — будь то только «ройалти», его сочетание с подоходным налогом или сумма обоех платежей, — все они до конца 1973 г. по сути своей являлись не более чем скромной частью дифференциальной ренты.

Конкретные функции системы нефтяных концессий уже подвергнуты достаточно подробному анализу в советской и зарубежной литературе. Напомним, что ее центральным звеном с конца

40-х до начала 70-х годов являлись «ножницы цен» на сырье и полученную из него готовую промышленную продукцию, которые были и нередко все еще остаются в ряде сырьевых отраслей почти универсальным средством неокOLONиально-монополистической эксплуатации натурально-ресурсного потенциала развивающегося мира (см. [62, с. 23, 25, 46]).

Частный случай этих «ножниц цен», один из самых характерных, представляли собой монопольно-низкие справочные цены на нефть, в особенности на ближневосточную и североафриканскую. К началу 50-х годов они почти утратили связь с общественной или рыночной стоимостью этого сырья и приобрели условно-расчетный характер, стали использоваться для начисления концессионных платежей нефтедобывающим государствам, а также в качестве средства учета при внутрикорпорационных поставках между филиалами монополий в странах—экспортерах и импортерах жидкого топлива. Характерно, что резкое и устойчивое понижение справочных цен последовало непосредственно за привязкой к их уровню отчислений нефтеэкспортирующим государствам и за введением подоходного налога в соответствии с принципом «равного» раздела прибылей от добытой нефти между концедентами и концессионерами. (Ранее, когда на Ближнем Востоке «ройалти» взимались только с каждой тонны добытой нефти как твердо зафиксированная сумма и отчисления зависели лишь от объема производства, западные нефтяные монополии были заинтересованы в ценоповышательной политике и, естественно, именно таковой придерживались.)

Технико-экономическая возможность установления монопольно-низких цен определялась огромными запасами нефти, обнаруженными после второй мировой войны на Арабском Востоке, и чрезвычайно низкими издержками их разработки. По расчетам известного американского специалиста в области нефтяной промышленности М. А. Эйдельмана, в начале 60-х годов средняя величина этих издержек для неистощенных, работающих на полную мощность скважин в Алжире была в 3,3 раза, в Ливии — в 10,1, а на Ближнем Востоке — более чем в 15 раз ниже, чем в США [198, с. 60, 114—115]. Пока наращивание добычи нефти в этих регионах не сталкивалось с ограничениями ни технико-экономического, ни иного порядка (первые мероприятия развивающихся стран по консервации нефтяных ресурсов относятся к началу 70-х годов), в капиталистической нефтегазовой промышленности за пределами США почти неизменно осуществлялся переход от разработки относительно худших к лучшим месторождениям.

У международных нефтяных концернов теоретически был выбор между двумя методами увеличения массы монопольно высоких прибылей. Во-первых, устанавливать цены на сырую нефть ниже общественной цены производства, стимулируя тем самым потребление и расширяя объем продаж. Но при этом цена сырой нефти все же оставалась намного выше ее себестоимости для

нефтяных корпораций благодаря присвоенно им значительной части дифференциальной ренты. Еще большей была разница между рыночной ценой и себестоимостью нефтепродуктов вследствие монополизации Международным нефтяным картелем так называемых «нисходящих» операций: транспортировки, переработки нефти и сбыта продуктов из нее потребителям. Такой путь обеспечивал рост прежде всего массы прибыли, но и норма прибыли оставалась весьма высокой. Возможности практически применить другой метод — повышать цены на нефтепродукты и соответственно норму прибыли — ограничивались правительственным контролем над ценообразованием на эти товары на внутренних рынках большинства капиталистических стран — импортеров жидкого топлива. Поэтому наиболее сильный нажим МНК, естественно, оказал на сторону, наименее способную ему сопротивляться, т. е. на государства — продуценты углеводородного сырья.

Еще шире практиковали занижение справочных цен некартелизированные нефтяные компании, стремясь при помощи скидок прорваться на мировой капиталистический рынок жидкого топлива. Иллюстрируя преимущества подобной ценовой политики для этих фирм конкретными цифровыми примерами, советский исследователь Б. В. Рачков отмечал, что продажа миллиона баррелей нефти (около 133 тыс. т) по справочной цене (применительно к эталонной аравийской легкой нефти) приносила 650 тыс. долл. чистой прибыли за вычетом концессионных отчислений, тогда как применение 10%-ной скидки и увеличение объема сделки до полутора миллионов баррелей (200 тыс. т) позволяло повысить сумму дохода до 720 тыс. долл. Таким образом, масса прибыли возрастала более чем на 11%, несмотря на снижение дохода концессионера с каждого реализованного барреля жидкого топлива на 26% (рассчитано по [140, с. 104—105]). Фактически рост прибылей зачастую был еще выше, поскольку компаниям нередко удавалось полностью или частично «перекладывать» скидки на счет концедентов, обеспечивая себе соответствующие налоговые льготы.

Здесь заключалось одно из самых острых противоречий между интересами компаний-концессионеров как арендаторов и стран-продуцентов как собственников национальных природных богатств. Первые были заинтересованы в максимизации любыми способами прежде всего своих текущих прибылей от эксплуатации месторождений, в лучшем случае максимизации общих доходов в течение срока действия концессионного договора. Более отдаленные последствия совершенно не интересовали монополии, так как у них была возможность переключить капиталы на другие сферы деятельности. Именно этот процесс диверсификации начался перед энергетическим кризисом. Причем в 60-е годы по мере сокращения сроков действия договоров, частичного изъятия концессионных площадей и, наконец, возрастания угрозы национализации нефтяные монополии все больше усилий прилагали для максимально быстрого извлечения выгод из своих концессий. Они

применяли самые варварские методы эксплуатации природных ресурсов: преждевременное истощение месторождений ввиду превышения оптимальных темпов их разработки, сжигание большей части попутного газа и др.

Некоторые исследователи, например, арабский специалист А. Д. Джохэйни, небезосновательно считают, что крупнейшие нефтяные монополии начали, применяя военную терминологию, подготовку к занятию новых рубежей и обеспечение себе запасных позиций на случай утраты привилегий в развивающихся странах еще в 50-е годы, в эпоху расцвета их могущества. На экономическую стратегию концернов не могла не повлиять попытка национализировать концессии члена МНК «Бритиш Петролеум» (тогда еще называвшейся «Англо-иранская нефтяная компания» — «Англо-Ирэниен Ойл К°»), предпринятая в 1952—1953 гг. правительством Мосаддыка в Иране. Это была вторая (после успешной национализации Мексикой в 1938 г. активов «Стандарт Ойл К° оф Нью-Джерси» — ныне «Экссон» — и «Ройал Датч-Шелл») атака на участников МНК и первая в стране — крупном поставщике нефти на мировой рынок, которая, однако, закончилась неудачно. Тем не менее А. Д. Джохэйни убежден, что уже с начала 50-х годов «западные нефтяные компании никогда не были на 100% уверены в том, что когда-нибудь их право собственности на запасы нефти не окажется под угрозой; соответственно они добывали в 50-е и 60-е годы больше жидкого топлива, чем стали бы производить в иной ситуации; результатом были более низкие, чем при меньшем объеме добычи нефти, цены на нее» [274, с. 37].

В противоположность нефтяным монополиям, целью, соответствующей подлинно национальным интересам стран-производителей, является максимизация не текущих, а общих доходов и комплекса выгод, которые могут быть получены от эксплуатации их природных ресурсов в течение всего срока разработки. А. Д. Джохэйни отмечает, что «нефтепроизводящие страны... не сталкиваются с неопределенностью в отношении своего права собственности и, таким образом, они располагают более широкими хронологическими границами, диктуемыми им меньшие объемы производства (углеводородного сырья. — В. К.) и как результат — более высокие, чем при иных обстоятельствах, цены» [274, с. 37].

Наконец, при помощи монопольно низких цен в условиях избытка дешевой нефти корпорации не только максимизировали массу текущих прибылей, стимулируя спрос, но и решали не менее, а возможно и более важную стратегическую задачу — наступление МНК на позиции компаний, производящих иные энергоносители, прежде всего уголь, с помощью ценовой конкуренции. Именно в «эпоху дешевой нефти» 60-х годов наиболее активно закладывались основы для широко развернувшейся в следующем десятилетии диверсификации деятельности крупнейших нефтяных монополий, для их превращения в энергетические и химические концерны.

В принципе выделяются три наиболее важные предпосылки усиления монополизации капиталистической энергетики: 1) высокая концентрация и централизация капитала; 2) установление контроля над труднодоступными месторождениями нефти (ее запасами на морском шельфе и в арктических районах), а также над ресурсами альтернативных первичных энергоносителей (угля, урана, горючих сланцев, битуминозных пород, тяжелой нефти и прочих); наконец, 3) обеспечение особенно крупных затрат на НИОКР. При этом формирование по крайней мере двух первых предпосылок непосредственно базировалось на эксплуатации дешевых нефтяных ресурсов развивающихся стран, а третьей — косвенно зависело от нее.

Перед первым обострением энергосырьевого кризиса в 1973 г. монополии так называемой «большой пятерки» (пять американских членов МНК) в среднем получили 68,3% общего объема своих чистых прибылей от зарубежных операций. Удельный же вес развивающихся стран в сумме этих нефтяных доходов из-за рубежа в том же году достигал 68,1%. Таким образом, около половины своих прибылей американский транснациональный нефтяной бизнес извлекал из эксплуатации минерально-сырьевых богатств в освободившихся государствах. Об использовании этих огромных капиталонакоплений дают представление следующие показатели. Из полученных за 1972—1974 гг. дивидендов на американские инвестиции в нефтегазовую промышленность Ближнего и Среднего Востока на сумму 11 970 млн. долл. только 148 млн., или 1,2%, были реинвестированы и составили чистый прирост активов США в данной отрасли. Следовательно, прибыли были вывезены и использованы за пределами региона почти полностью (рассчитано по [46, с. 22, 26, 56, 61]). Противоположными финансовыми показателями характеризовалась деятельность американских транснациональных корпораций в США. Например, чистая прибыль компании «Сокал» от операций внутри страны за тот же трехлетний период была на 13,6% ниже суммы, на которую увеличился инвестированный капитал фирмы (рассчитано по [49, с. 133]). Подобная же картина устойчивого превышения внутренних инвестиций над доходами наблюдалась у этих компаний и в предыдущем десятилетии.

Таким образом, обширные инвестиционные программы американских ТНК у себя на родине в начале 70-х годов могли финансироваться либо за счет фонда амортизационных отчислений и прибылей зарубежных филиалов, либо при помощи привлеченных средств. В еще большей степени это относится к многомиллиардным капиталовложениям в разработку нефтегазовых ресурсов на шельфе Северного моря, которые начали окупаться в основном лишь к середине 70-х годов. Кроме того, весьма крупных средств требовало установление контроля над действующими предприятиями в других отраслях топливно-энергетического комплекса, а также в основной органической химии и иных сферах их экспансии.

Выявить конкретные источники финансирования этих статей расходов с достаточной определенностью вряд ли возможно. Однако приведенные выше косвенные свидетельства все же демонстрируют определяющую роль доходов, полученных от нефти развивающихся стран, прежде всего ближневосточной и африканской, в процессе монополистической концентрации капитала в энергосырьевом хозяйстве. Не менее важным было значение «дешевого» жидкого топлива для централизации капитала. Подрытая конкурентные позиции компаний в области производства альтернативных энергоносителей, эта рыночная ситуация облегчала их поглощение нефтяными корпорациями. Кроме того, устойчивое финансовое положение благодаря прибыльности зарубежных филиалов ТНК упрочивало позиции нефтяного бизнеса на фондовых биржах, создавая предпосылки для присвоения повышенных учредительских доходов при расширении акционерного капитала.

Глава II

СОВРЕМЕННЫЕ РЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА МИРОВОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ РЫНКЕ НЕФТИ

В ходе энергетического кризиса, в результате ликвидации системы традиционных нефтяных концессий и повышения цен углеводородного сырья участниками ОПЕК были в основном восстановлены «классические» принципы рентообразования и распределения рентных доходов на мировом капиталистическом рынке жидкого топлива. Существенно изменились взаимоотношения вначале между владельцами недр и арендаторами месторождений, а вскоре также между продуцентами и основными импортерами углеводородного сырья, определяющие пропорции его международного обмена. Это произошло следующим образом. В первой половине 70-х годов освободившиеся государства — экспортеры жидкого топлива выиграли упорную борьбу с нефтяными монополиями за обладание основными инструментами сырьевой политики, установив национальный контроль над производством, экспортом и ценообразованием, повысив налоги на компании-концессионеры и приступив к полной или частичной национализации их имущества в широких масштабах. Таким образом, развивающиеся страны — мировые экспортеры нефти впервые за всю историю эксплуатации их ресурсов углеводородного сырья добились подлинного государственного суверенитета над своими природными богатствами.

Корпорации были вынуждены переходить к разработке труднодоступных месторождений нефти в «политически более стабильных» районах мира, что резко повысило издержки производства. Кроме того, монопольно низкие цены уже выполнили к тому времени свою основную задачу, позволив крупнейшим нефтяным

компаниям широко диверсифицировать свою деятельность. Эта политика цен, невыгодная с самого начала странам-экспортерам, становилась также все менее практически осуществимой и приемлемой для экономических интересов капиталистических концернов, которые перешли к тактике вздувания цен на все виды энергетического сырья. Произошло формальное совпадение направленности усилий нефтяных монополий и развивающихся стран — экспортеров нефти в одной четко ограниченной сфере — повышении цен на углеводородное сырье, прежде всего нефть. В большинстве других областей, в частности, по вопросу о расширении участия стран — экспортеров на различных стадиях «нефтяного цикла» помимо добычи нефти между этими странами и крупным нефтяным бизнесом сохраняются острые противоречия.

Среди наиболее существенных результатов изменений в энергетическом хозяйстве капиталистического мира за первую половину 70-х годов следует выделить ликвидацию или заметное сглаживание некоторых наиболее явных диспропорций в механизме ценообразования и, в частности, в соотношениях цен на разного рода первичные энергоносители, во всяком случае, на внешнем рынке. Новая ситуация в капиталистической системе ресурсопользования заставила государственно-монополистический аппарат и транснациональные корпорации отказаться от ряда искусственных ограничений, которые препятствовали формированию единого рынка энергетического сырья.

Более свободная конкуренция между первичными источниками энергии и разновидностями химического сырья, взаимозаменяемость на рынках вторичных энергоносителей и полуфабрикатов для основной органической химии активизировали регулирующие функции как общих закономерностей товарного производства и обращения, так и рентных производственных отношений, чье действие стало менее деформированным. Так, на мировом капиталистическом рынке к середине 70-х годов уже достаточно полно проявился принцип равенства цен на эквивалентные потребительные стоимости. В соответствии с этим принципом установилось 1,5—1,7-кратное превышение мировых цен на нефть над ценами равного по весу количества каменного угля, или 1,2—1,3-кратное превышение на базе теплотворной способности. Тем самым нашли свое непосредственное экономическое выражение технологические преимущества минерального жидкого топлива перед твердым [366а, 1983, № 185, с. 48].

Повышению «ценовой» однородности этого рынка в немалой степени способствовало весьма заметное абсолютное и относительное сокращение доли внутрикорпорационных поставок между вертикально интегрированными филиалами ТНК в странах — экспортерах и импортерах в общем объеме мировой капиталистической торговли нефтью. Основная причина этого сокращения межфилиальных поставок жидкого топлива — повышение в процессе его реализации самостоятельной роли национальных компаний нефтеэкспортирующих стран, в особенности нескольких государств

Таблица 2

Изменение роли транснациональных корпораций в мировой капиталистической торговле нефтью в 70-е годы *

Год	Мировая капиталистическая торговля нефтью, млн. т	Поставки филиалов ТНК		Прямые продажи нефтеэкспортирующими странами	
		млн. т	%	млн. т	%
1973	1515	1395	92	120	8
1974	1500	1315	88	185	12
1975	1325	1100	83	225	17
1976	1445	1090	75	355	25
1977	1485	1005	68	480	32
1978	1450	965	67	485	33
1979	1515	875	58	640	42

* [264, с. 49].

10.06.1980]. Согласно другой, более общей оценке, на 1983 г. структура мирового капиталистического рынка нефти определена следующим образом (%): самостоятельные продажи национальными компаниями нефтеэкспортирующих стран по долго- и среднесрочным контрактам — свыше 40, межфилиальные и контрактные поставки нефтяных ТНК — до 40, операции на «свободном» рынке при посредничестве брокеров (сделки преимущественно с наличным товаром и реже по краткосрочным контрактам) — около 20 [248, с. 117]. Следует, однако, обратить внимание на вторичность «свободного» рынка нефти и нефтепродуктов. Необходимым условием его функционирования является приток жидкого топлива от непосредственных производителей и (или) первоначальных владельцев — т. е. от тех же национальных компаний государств-производителей либо от ТНК с собственными долговременными источниками нефтеснабжения.

Определить конкретную долю каждой из этих двух групп «первоначальных» поставщиков весьма затруднительно. Но можно предположить, что в первой половине 80-х годов они заняли аналогичные места как в контрактной торговле, так и на «свободном» рынке по мере расширения операций национальных фирм с наличным товаром. Более или менее активное непосредственное участие освободившихся государств-нефтеэкспортеров уже охватило, по-видимому, свыше половины общего товарооборота на внешних нефтяных рынках в мировом капиталистическом хозяйстве.

Активизация прямых контактов между производителями и импортерами углеводородного сырья, минуя посредничество МНК, способствовала расширению немонополизированного сектора мирового капиталистического рынка нефти, что также усиливало действие чисто рыночных факторов.

Одним из основных каналов самостоятельной реализации (на рубеже 80-х годов до 48%) стали поставки «черного золота» по

с радикально-антиимпериалистическими режимами (наглядно иллюстрируется данными табл. 2).

По расчетам директора «Арабского центра нефтяных исследований» Н. Саркиса, в 1980 г. доля жидкого топлива, самостоятельно реализованного государствами — участниками ОПЕК на мировом рынке, превысила половину физического объема их нефтяного экспорта [375,

межправительственным соглашениям (рассчитано по [264, с. 49]). Остальная часть операций национальных нефтяных компаний освободившихся стран распределяется в различных соотношениях между среднесрочными (в последнее время чаще до года) контрактами, бартерными сделками и так называемым «свободным», или «спотовым», рынком наличного товара. В периоды усиливающейся дестабилизации капиталистической энергетики обороты рынка «spot» заметно возрастают. Так было и во время второго обострения энергетического кризиса в 1979—1980 гг., когда его доля повысилась с 5 до 30% мировой капиталистической торговли жидким топливом [342, с. 65—66]. При сохраняющейся неустойчивости конъюнктуры эта доля впоследствии не опускалась ниже 20% [363а, 1983, т. 289, № 7311, с. 85].

В последнее время на «свободном» нефтяном рынке помимо реальных сделок с наличным товаром все более широкое распространение стали получать срочные операции: как форвардные (для хеджирования — страхования от колебаний конъюнктуры), так и чисто спекулятивные — фьючерсные. Хотя нефтеэкспортирующие страны, по всей видимости, практически не участвуют в срочных операциях, сам факт расширения их масштаба вместе с активизацией рынка «spot» свидетельствует о приобретении жидким топливом в 70-е годы некоторых признаков, присущих традиционным биржевым товарам и почти утраченных нефтью в мировой капиталистической торговле на протяжении длительного предшествующего периода. Заметный сравнительно устойчивый рост оборотов «спотовых» рынков нефти и нефтепродуктов отличает эти товары от большинства других видов сырья и полуфабрикатов, например, цветных металлов. Относительно последних советские исследователи указывают на обратные долговременные процессы — снижение роли «свободных» рынков, включая рынок краткосрочных контрактов и товарные биржи, в международной торговле ими¹.

Итак, отмеченные факторы относительно ослабили непосредственное государственно- и частномонополистическое воздействие из зоны развитого капитализма на процессы ценообразования в мировой капиталистической торговле топливно-энергетическими товарами. Соответственно возросло влияние развивающихся стран-нефтеэкспортеров. В области международных рентных отношений эти перемены отразились в первую очередь на пропорциях распределения дифференциальной нефтяной ренты.

Если ранее, как уже было отмечено, преобладающая часть рентных доходов данного типа присваивалась транснациональными монополиями и правительствами развитых капиталистических государств — импортеров жидкого топлива, а некоторая, гораздо менее значительная доля ренты могла поступать и потребителям в странах с низким налогообложением нефтепродуктов (кроме США), то в ходе «революции цен» на нефть 1973—1974 гг. сложились условия для перераспределения основных разновидностей дифференциальной ренты в пользу хозяев экспортных ресурсов

углеводородного сырья. Наиболее общим индикатором данного явления может служить повышение удельного веса поступлений нефтеэкспортирующих государств от вывоза их сырья в стоимости нефтепродуктов, реализованных конечному потребителю.

Приведенные в табл. 3 данные свидетельствуют о значительном увеличении доли развивающихся стран в общей выручке от реализации их переработанного сырья в государствах развитого капитализма за первую половину 70-х годов. Но во второй половине прошлого десятилетия данная тенденция сменилась на противоположную вплоть до начала второго скачка цен на жидкое топливо в 1979—1980 гг. Повышение дивидендов монополий, а также налоговых поступлений буржуазного государства в промежутке от первого до второго обострения энергетического кризиса вызвало опережающее подорожание вторичных энергоносителей, и особенно нефтепродуктов, в зоне развитого капитализма по сравнению с ценами на мировом рынке энергетического сырья. Об этом красноречиво свидетельствует количественный вклад следующих трех факторов в прирост средней цены нефтепродуктов на западноевропейском рынке по расчетам корпорации «Ройал Датч-Шелл», которую трудно заподозрить в симпатиях к ОПЕК.

Таблица 3

Структура средней цены нефтепродуктов в странах Западной Европы *,
долл. за баррель

	1964 г.		1971 г.		1974 г.		1977 г.		1980 г.	
	долл.	%	долл.	%	долл.	%	долл.	%	долл.	%
Цена нефтепродуктов **	11,01	100,0	15,9	100,0	26,7	100,0	38,4	100,0	74,0	100,0
Доходы нефтеэкспортирующих стран	0,74	6,7	1,3	8,2	9,1	34,1	12,2	31,8	28,0	37,8
Налоги, взимаемые в странах—импортерах нефти	5,76	52,3	8,7	54,7	10,3	38,6			28,0	37,8
Доходы западных нефтяных компаний, издержки производства, транспортировки и реализации	4,51	41,0	5,9	37,1	7,3	27,3	26,2	68,2	18,0	24,4

* Составлено и рассчитано по [68, с. 130; 196, с. 5, 10; 381, 1981, т. XII, № 2, с. 51; 385, 1977, т. XVI, № 20, с. 3—4].

** На основе выхода нефтепродуктов при переработке 1 барреля (около 159 л) аравийской легкой нефти и уровней цен, публикуемых в журнале «Петролеум Таймс».

Эта компания 49,3% увеличения цены за пятилетие конца 1973—1978 гг. отнесла на счет повышения налогов, взимаемых в государствах развитого капитализма, и 27,1% — на счет издержек транспортировки, переработки, сбыта и прибылей от этих операций, на уровень которых преобладающее воздействие оказывают

крупнейшие нефтяные монополии. Лишь наименьшая часть прироста цены — 21,2% — приходилась на долю чистых доходов нефтеэкспортирующих стран, а остальные 2,4% падали на рост издержек добычи нефти (рассчитано по [345, с. 100]).

Относительный разрыв между ценами на первичное энергетическое сырье и вторичные энергоресурсы (нефтепродукты), а отчасти также между стоимостью вторичных энергоносителей на мировом рынке и на внутренних рынках развитых капиталистических государств вновь обнаружил тенденцию к расширению в начале 80-х годов. Так, в 1981—1983 гг. при ухудшении конъюнктуры на капиталистическом рынке жидкого топлива и существенном снижении средних цен, по которым оно реализуется участниками ОПЕК, отнюдь не наблюдалось соответствующего удешевления нефтепродуктов для потребителей в странах развитого капитализма.

Таким образом, элементы системы трансфертных цен в мировом энергетическом хозяйстве капитализма сохранились и в современных условиях. Если относительная величина разрыва в ценах первичных и вторичных энергоносителей, как свидетельствуют данные табл. 3, снижалась вплоть до 1974 г., а в дальнейшем испытывала колебания, то в абсолютном выражении она продолжала возрастать почти непрерывно. Даже в наиболее благоприятный период 1971—1974 гг. с точки зрения упрочения позиций государств—членов ОПЕК разность между их доходами и средними расходами западноевропейских потребителей на баррель нефтепродуктов увеличилась на 3 долл., или на 20,5%. В дальнейшем ее величина к 1980 г. выросла еще значительно — на 28,4 долл., или на 161,4%.

С большей определенностью новые пропорции распределения нефтяных доходов обозначились в более узкой сфере — непосредственно на мировом рынке углеводородного сырья. Именно здесь развивающимся странам удалось полнее всего реализовать преимущества своей новой позиции в системе мирохозяйственных связей и отстаивать суверенитет над природными ресурсами от посягательств транснациональных нефтяных монополий. Об этом свидетельствуют необратимые сдвиги в распределении экспортных доходов от реализации жидкого топлива стран ОПЕК на мировом рынке (табл. 4).

Абсолютные данные весьма четко выявляют увеличение в среднем сумм прибылей ТНК от нефти развивающихся государств в 70-е годы по сравнению с предыдущим десятилетием, несмотря на колебания уровней этих доходов. Причем прослеживается скачкообразный рост последних в периоды обострений энерго-сырьевой ситуации в мировом капиталистическом хозяйстве.

В абсолютном выражении доходы нефтяных монополий от операций в государствах—участниках ОПЕК в 1970—1974 гг. выросли с 7,5 млрд. до 26,3 млрд. долл., или почти в 3,5 раза (табл. 4). Особенно резко увеличились чистые прибыли западных компаний от инвестиций на Ближнем и Среднем Востоке. В пе-

Таблица 4

Распределение доходов
от совокупного нефтяного экспорта
государств — членов ОПЕК *

Год	Стоимость экспорта, млрд. долл.	Государства — члены ОПЕК**		Транснациональные нефтяные корпорации	
		млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
1961	5,6	2,4	43	3,2	57
1965***	8,6	3,9	45	4,7	55
1970***	15,0	7,5	50	7,5	50
1973	34,6	22,8	66	11,8	34
1974	113,5	87,2	77	26,3	23
1975	104,5	92,4	88	12,1	12
1976	126,4	107,9	85	18,5	15
1977	138,2	122,5	89	15,7	11
1978	133,0	114,3	86	18,7	14
1979****	196,5	188,0	96	8,5	4
1980****	278,0	264,0	95	14,0	5

* Составлено и рассчитано по [210, с. 448; 257, с. 71; 381, 1981, т. XII, № 1, с. 26—27; 384, 1981, т. XLVIII, № 6, с. 232].

** За 1961 г. — участники ОПЕК без Эквадора и ОАЭ.

*** За 1965 г. и 1970 г. — без Эквадора. Данные за последующие годы охватывают все 13 государств — членов ОПЕК.

**** Данные о доле чистых доходов нефтеэкспортеров представляются завышенными, поскольку не в достаточной мере отражают реальную ситуацию, при которой расширение оборота «спотового» рынка и возросшие различия официальных цен на нефть идентичного качества стран — членов ОПЕК позволяли ТНК извлекать крупные спекулятивные доходы.

американским участникам Международного нефтяного картеля повысить прибыли на 88% [355, 1980, № 12, с. 45], несмотря на то что основная часть их прямых инвестиций в нефтедобывающую промышленность стран ОПЕК к тому времени уже перешла в собственность государств — участников организации. В том же году доходы американских ТНК от ближневосточной нефти достигали 2,4 млрд. долл. (по сравнению с 1,6 млрд. в 1977 г.) при самых минимальных активах в регионе. Фактически эти средства представляли собой оплату различных технологических, сбытовых и других «услуг» монополий национальным нефтяным компаниям [45, с. 19].

В целом энергетические корпорации Запада как нельзя лучше приспособились к изменяющейся обстановке, не только компенсируя удорожание производимого или закупаемого углеводородного сырья, но и обеспечивая дальнейший рост монопольно высоких прибылей за счет потребителей их продукции в нефте-

риод обострения энергетического кризиса 1973—1974 гг. только корпорации США повысили объем дивидендов на свои вложения в нефтяную промышленность региона в 3,9 раза (почти до 8,5 млрд. долл.), а их норма прибыли здесь достигла фантастического уровня — 524%, несколько снизившись лишь во второй половине прошлого десятилетия (рассчитано по [46, с. 26; 122, с. 92, 155]).

Весьма характерно повторение данной тенденции в условиях нового обострения энергосырьевой ситуации в мировом капиталистическом хозяйстве на рубеже 70-х и 80-х годов. Так, за один 1979 г. зарубежные операции с нефтью и газом, преимущественно чисто спекулятивного характера, позволили пяти

импортирующих странах и их «услуг» — в государствах, экспортирующих жидкое топливо.

В связи с определением современной регулирующей цены производства нефти встает весьма непростая проблема критериев этого показателя.

Исследуя процесс формирования дифференциальной ренты, К. Маркс неизменно исходил из посылки о том, что дифференциальная рента «определяется... стоимостью продукта, произведенного на наихудшей земле или на наихудшей шахте» [5, ч. 2, с. 503]. Одновременно подразумевалось, что вовлечение относительно худших природных ресурсов в хозяйственный оборот сопряжено, как правило, с физическим дефицитом лучших естественных факторов производства [4, ч. 2, с. 210]. Следовательно, экономическая необходимость начать производство в менее благоприятных условиях диктуется исчерпанием возможностей увеличить его при более благоприятных естественных предпосылках и одновременно наличием достаточно широкого неудовлетворенного платежеспособного спроса на соответствующие товары.

Классики марксизма особо не выделяли такой частный случай, когда одновременная эксплуатация лучших и худших натуральных ресурсов осуществлялась бы при сохраняющейся возможности существенно расширить использование лучших естественных средств производства, т. е. не под воздействием технико-экономического или природного дефицита первых, а в результате каких-либо социально-экономических ограничений на их разработку, например вследствие консервации запасов относительно дешевого минерального сырья. Однако отсюда вовсе не следует, что при определении регулирующей цены производства допускалась возможность абстрагироваться от конкретных социально-экономических условий, в которых функционируют предприятия, выпускающие продукцию с наивысшей индивидуальной ценой производства. Напротив, К. Маркс придавал этим условиям принципиальное значение. Именно на их анализе автор «Капитала» основывал аргументацию против тех своих оппонентов, которые пытались отрицать наличие любых видов ренты, кроме дифференциальной, ссылаясь на существование отдельных предприятий, где рентные доходы иного типа действительно не могли сформироваться по различным причинам. К. Маркс опровергал этот довод, вскрывая случайную природу данных причин, не характерных, как правило, для конкретных общественных организмов эпохи развитого капитализма свободной конкуренции².

Исходя из методологии Маркса, регулирующей следует признать максимальную цену производства рентного товара лишь такими предприятиями, которые удовлетворяют по крайней мере двум основным критериям. Во-первых, на их ввод в действие должна непосредственно повлиять невозможность расширить эксплуатацию аналогичных или альтернативных натуральных ресурсов, наладить выпуск заменителей при более благоприятных естественных и (или) технико-экономических условиях. Причем дефицит более

дешевых товаров не должен вызываться социально-экономическими факторами или эти факторы не должны превалировать. Во-вторых, предполагается, что «регулирующие» предприятия функционируют в обычных рыночных условиях, типичных для производства основной массы рентных товаров данного вида.

В свете этих посылок представляется уязвимой позиция некоторых советских исследователей, в частности В. В. Бирюлина и М. М. Голанского. Они рассматривают как общественную не только максимальную цену производства углеводородного сырья любым действующим предприятием безотносительно к экономическим условиям его деятельности. Более того, предлагается измерять регулируемую цену производства наивысшим теоретически возможным уровнем, т. е. оценочными данными о перспективах массового производства синтетического жидкого топлива (СЖТ) из угля. Так, в работе В. В. Бирюлина, опубликованной в 1977 г., утверждалось, что «цена производства синтетического топлива, в первую очередь из угля, горючих сланцев и битуминозных песчаников, является сейчас не только верхним пределом мировой цены на нефть, но и становится определяющим фактором ее формирования» [40, с. 41, см. также 73, с. 91—92]. Если с первой частью тезиса нельзя не согласиться, то вторая его часть представляется преждевременной даже для 80-х годов.

К середине этого десятилетия в капиталистическом мире все еще не действовало ни одного коммерческого предприятия, синтезирующего углеводороды из угля или из горючих сланцев. Правда, значительные мощности (400 млн. л в год) по переработке угля в синтетический бензин функционируют в ЮАР уже в течение длительного срока, однако в условиях полной изоляции от рыночной конкуренции. Себестоимость СЖТ, производимого в этой стране, оценивается в 70 долл. за баррель и превышает средний уровень цен на мировом капиталистическом рынке более чем вдвое [241, с. 9]. Можно найти и ряд других предприятий по производству жидких углеводородов из «традиционных» или «альтернативных» источников, чья продукция дороже рыночной. Они неконкурентоспособны и ограждены протекционистскими барьерами, налоговыми льготами или прямыми субсидиями либо относятся к экспериментальным или полужэкспериментальным объектам.

В тех немногих случаях, когда освоение альтернативных ресурсов жидкого топлива уже достигло промышленной стадии (например, разработка отдельных наиболее выгодных участков канадских месторождений битуминозных песков), граница их экономической эксплуатации расположена гораздо ниже современного уровня цен на мировом нефтяном рынке. Следовательно, методология упомянутых авторов не оставляет места для каких-либо рентных доходов, кроме дифференциального, не только на нынешнем этапе развития капиталистического нефтегазового хозяйства, но и на обозримую перспективу. Подобный вывод вызывает возражения как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Основная часть нефтяных ресурсов в освободившихся странах—экспортерах жидкого топлива к концу 70-х годов стала разрабатываться не иностранными концессионерами, а национальными государствами самостоятельно или с привлечением зарубежных фирм, как правило, лишь в качестве деловых партнеров или подрядчиков. Государство здесь зачастую соединило в своем лице функции собственника естественных средств производства и предпринимателя. Оно не сталкивается с какой-либо внешней естественной монополией в процессе их эксплуатации, а потому в отличие от капиталистических арендаторов теоретически имеет свободу выбора: ограничиться дифференциальными рентными доходами или попытаться присоединить к ним ренту иного типа.

Как уже отмечали советские исследователи, например А. И. Бельчук, для основной массы развивающихся стран—экспортеров минерального и сельскохозяйственного сырья эта возможность до сих пор так и остается по преимуществу теоретической. Практическая ее реализация тормозится несколькими препятствиями. Наиболее серьезное среди них — хронические финансовые трудности. Они вынуждают освободившиеся страны соглашаться даже на такие условия эксплуатации натурально-ресурсного потенциала, которые обеспечивают национальным государствам получение всего лишь части дифференциальной ренты [38, с. 261—264].

Мировые экспортеры углеводородного сырья среди освободившихся государств составляют одно из немногих исключений. Благодаря революции цен на жидкое топливо большинство участников ОПЕК сумели решить проблему накопления денежного капитала, а несколько членов этой организации стали обладателями свободных остатков валютных сбережений. Степень их финансовой самостоятельности в значительной мере определяет практические возможности более или менее гибко изменять объемы добычи и экспортных поставок нефти, используя их как инструменты ценовой политики. Таким образом, если вновь воспользоваться терминологией «Капитала» применительно к современности, реальный суверенитет над нефтяными ресурсами наделил их собственников «властью воздерживаться от эксплуатации» своих естественных средств производства «до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование... которое принесет... известный избыток» [4, ч. 2, с. 316], а резкий рост валютных доходов в начале 70-х годов позволил применить эту власть.

Встает вопрос, насколько нефтеэкспортеры заинтересованы в том, чтобы пользоваться своим правом выбора, есть ли у них экономические стимулы консервировать свои минерально-сырьевые запасы. С данной точки зрения необходимо отметить существенные объективные различия между интересами владельцев возобновимых и исчерпаемых природных богатств. Во втором случае тенденция к истощению их относительно более доступных экономически и экологически запасов оказала свое стимулирующее воз-

действие на рыночные цены и на процесс рентообразования не только прямо — через увеличение регулирующей цены производства, но и косвенно — в связи с предполагаемым ростом данного стоимостного показателя.

Если возобновимые природные богатства, например гидроэнергетические ресурсы, или новые, еще не освоенные сельскохозяйственные земли включаются в экономический оборот сразу же после появления благоприятных рыночных условий для их использования, то владельцы ресурсного потенциала определенно выигрывают как в случае стабилизации, так и еще более значительно при продолжающемся улучшении конъюнктуры. Напротив, проигрыш может быть связан преимущественно лишь с таким скорым, глубоким и продолжительным ее падением, которое резко снизило бы рентабельность эксплуатации естественных средств производства, не позволив окупить затраты на их освоение. Однако подобные инвестиционные риски присущи в различной степени всякой предпринимательской деятельности. Кроме этих рисков, почти не существует иных побудительных мотивов для искусственной консервации возобновимых природных ресурсов, кроме расчетов на то, что сдерживание производства сможет активно стимулировать рост цен и резко повысить норму и массу прибыли от «старых» действующих предприятий до величины, превосходящей эффект от расширения сбыта «новой» продукции.

Для реализации последней возможности требуется редкое сочетание необходимых предпосылок. Среди них очень высокая монополизация одними и теми же собственниками как уже используемых, так и потенциальных естественных средств производства, весьма низкая и к тому же односторонняя (только в направлении расширения) ценовая эластичность спроса на производимую ими продукцию, а также почти полное отсутствие межотраслевой конкуренции. Подобные совпадения практически маловероятны и, видимо, возможны лишь в качестве отдельных непродолжительных отклонений от общих правил. При достаточно развитой конкуренции между владельцами уже освоенных и потенциальных природных богатств собственники возобновимых естественных ресурсов заинтересованы в их возможно более раннем освоении. Это обеспечивает максимизацию текущих доходов, не препятствуя в то же время увеличению будущих прибылей, материальную основу которых составила бы растущая дифференциальная рента.

Итак, увеличение текущих и перспективных доходов от использования возобновимых природных ресурсов вполне совместимо. Что же касается исчерпаемых естественных средств производства, то при наличии долгосрочной тенденции к росту цен максимизация текущих прибылей и общих доходов взаимоисключается. Это в разной мере относится ко всем видам минерального сырья. Чем большая доля из общего конечного объема его запасов была бы добыта и реализована по сравнительно низким ценам для повышения текущих доходов, тем соответственно меньшая часть

данного количества сырья осталась бы для будущих его продаж после подорожания. Так максимизация текущих доходов заставляет жертвовать ожидаемыми высокими прибылями. Логически неизбежен вывод о том, что для извлечения наибольшей выгоды из обладания невозобновимыми ресурсами их необходимо консервировать до наступления более благоприятной рыночной конъюнктуры.

В то же время ожидаемое повышение регулирующей цены производства — это далеко не единственная основа, а лишь одна из возможных предпосылок роста дифференциальной ренты, который, как доказал К. Маркс, может происходить и при неизменной, и даже при понижающейся цене производства³. Следовательно, побудительные мотивы консервации исчерпаемых естественных средств производства могут быть вполне совместимы и с такими ситуациями. Достаточное их условие — опережающее понижение индивидуальных цен производства по сравнению с регулирующей. Тогда некоторым владельцам природных ресурсов будет обеспечена максимизация их перспективных доходов опять-таки благодаря увеличению дифференциальной ренты.

Вопрос о темпах освоения исчерпаемого натурально-ресурсного потенциала имеет для его владельцев и другую сторону. Она связана с эффективностью использования доходов от эксплуатации этого средства производства.

Одна из главных особенностей данного типа доходов — их объемные и временные границы. Общая сумма горной ренты от разработки каждого минерально-сырьевого месторождения (и ископаемых ресурсов в целом) безотносительно к конкретной величине всегда ограничена невозобновимостью запасов. В противоположность ей сельскохозяйственная рента, например, может явиться бессрочным и потому формально беспределельным доходом, разумеется, в социально-экономических рамках определенного способа производства и условий эксплуатации агроресурсного потенциала. Эти отличия невозобновимых природных ресурсов от возобновимых отмечены в работе А. В. Хахалина (см. [170, с. 149—150]), где выделена также проблема распределения конечных рентных доходов во времени и роль ресурсной стратегии их получателей.

Одновременно та же особенность придает реализации горной ренты другой специфический аспект. Продажа дефицитной минерально-сырьевой продукции как бы объединяет признаки, присущие сбыту товаров (включая и рентные, например, сельскохозяйственные), с чертами, характерными для реализации капитальных активов — реальных или финансовых. Достоверные геологические запасы относительно доступного и «дешевого» сырья приобретают качество аккумулятора капитала, а с учетом перспективного их подорожания превращаются даже в «генератор» капитала. Уменьшение этих запасов все чаще рассматривается с точки зрения их обмена не столько на товарные или денежные эквиваленты, сколько на иные реальные или финансовые активы. Экономическая

функция источников временных доходов как средства для приобретения доходов постоянных нередко становится главной.

Известно, что реализация капитальных активов связана с такими «иррациональными», по определению К. Маркса, категориями, как цены земли или фиктивного капитала. Они соответственно прямо пропорциональны величинам земельной ренты или дивиденда и обратно пропорциональны уровням банковской процентной ставки. Не исключено, что подобные факторы оказывают некоторое воздействие и на цены отдельных видов минерально-сырьевой продукции, особенно нефти. Так, текущая цена может быть связана прямо пропорциональной зависимостью с прогнозируемой более высокой ценой жидкого топлива или его заменителей и обратно пропорциональной зависимостью — с рентабельностью активов, в которые инвестированы нефтяные доходы. Такая связь предполагается как гипотеза. Однако следует заранее оговориться, что даже в случае подтверждения она способна не более чем модифицировать, но отнюдь не подменить определяющее воздействие стоимостных категорий товарного производства и обращения на ценовые пропорции нефтяного рынка. Поэтому нельзя согласиться с упрощенными и тем самым искажающими действительность толкованиями ряда буржуазных экономистов, которые полностью отождествляют продажу нефти с реализацией капитальных активов (см., например, [286, с. 98—99; 323, с. 40; 324, с. 113—114]).

Избегая подобных крайностей, нельзя вместе с тем игнорировать практическую значимость проблемы выбора между различными реальными и финансовыми активами, прогнозирования и сопоставления их реальной ценности (применительно к инвестициям — вместе с аккумулированными дивидендами). Для нефтеэкспортирующих стран это один из ключевых вопросов энергосырьевой стратегии, планирования производства и вывоза жидкого топлива. Соответственно его решение оказывает немаловажное воздействие на уровень предложения углеводородного сырья и долгосрочные тенденции ценообразования на рынке этого товара. Теоретически даже перспектива удешевления исчерпаемых сырьевых запасов может быть совместима с тактикой сдерживания их разработки, если только активы, в которые вложены текущие поступления, обесцениваются еще быстрее. И наоборот, возможности рационального и выгодного использования текущих доходов могут оказаться важнее их ожидаемого роста и оправдать более интенсивную эксплуатацию невозобновимых ресурсов.

На практике для большинства государств — участников ОПЕК в 70-е и начале 80-х годов была в целом характерна тенденция к обесценению накопленных ими за рубежом финансовых активов — преобладающей формы размещения свободных остатков их сбережений — при одновременном многократном росте реальной стоимости углеводородного сырья в среднем за весь период⁴.

Помимо ряда экономических аргументов в пользу консервации природных ресурсов работают и многие чисто политические фак-

торы сырьевой и тесно с ней связанной инвестиционной стратегии, например риск утраты или иммобилизации зарубежных капиталовложений.

Следовательно, общественная ограниченность, присущая всем естественным средствам производства, проявляется качественно различным образом для двух крупных подразделений этих ресурсов — возобновимых и исчерпаемых. Конечно, такое разделение зачастую относительно⁵. Однако оно существует объективно и в конкретных ситуациях все заметнее влияет на специфику и на материализацию экономических интересов участников капиталистического производства⁶.

О том, в какой мере члены ОПЕК используют консервацию своих доказанных нефтяных запасов, дают представление материалы табл. 5. Правда, эта консервация зачастую вынужденная и вызывается понижением рыночного спроса под давлением конкуренции поставщиков-аутсайдеров и субститутов жидкого топлива. Таким образом, самостоятельное ресурсопользование фактически нередко осуществляется при неблагоприятных, не подконтрольных ОПЕК обстоятельствах, которые отражают неравноправное участие членов этой организации в мировом капиталистическом хозяйстве и негативное воздействие последнего на их воспроизводственные механизмы.

В 70-е и 80-е годы обычно лишь при резких повышениях спроса на продукцию членов ОПЕК, которые следовали за спадами или этапами вялой конъюнктуры на мировом капиталистическом рынке жидкого топлива, например при рыночном буме 1979 г. после спада спроса в 1978 г., большинство участников этой организации сравнительно полно использовали наличные производственные мощности своей нефтедобывающей промышленности, загружая их на 9/10 или более. Однако при неблагоприятной конъюнктуре данный показатель в той или иной мере снижается у всех государств — членов ОПЕК. Как правило, они начинают реагировать на ослабление рыночного спроса сокращением производства и экспортных поставок, лишь в последнюю очередь прибегая к скидкам с официальных котировок, а тем более — к их понижению, как к крайне нежелательным мерам. В кризисном 1982 г. по различным причинам бездействовала почти половина суммарного нефтедобывающего потенциала ОПЕК, в основном вследствие консервации.

Эти приемы для большинства государств-участников стали постоянными, а для некоторых — эпизодическими факторами их нефтяной политики. Ограничительные тенденции в сырьевой стратегии развивающихся государств-нефтеэкспортеров можно рассматривать и с другой точки зрения: как отсутствие у многих из них экономической заинтересованности в расширении потенциала своей добывающей промышленности до тех пределов, которые определяются максимальным технологически допустимым темпом эксплуатации всех их разведанных запасов жидкого топлива⁷.

Таблица 5

Производственный потенциал нефтедобывающей промышленности стран — участников ОПЕК по состоянию на конец 70-х и начало 80-х годов и его использование *

Страна	Действующие мощности нефтедобывающей промышленности, млн. т в год **		Добыча нефти (с газовым конденсатом), млн. т		Загрузка мощностей, %		Кратность доказанных запасов нефти годовой добыче (лет)	
	1979 г.	1982 г.	1979 г.	1982 г.	1979 г.	1982 г.	1979 г.	1982 г.
Саудовская Аравия	540	565	496****	325	92****	58	44,9****	69,0
Иран ***	225	200	153	98	68	49	52,3	78,9
Ирак ****	200	200	168	48	84	24	25,6	83,0
Кувейт	140	140	126	42	90	30	72,4	211,4
ОАЭ	124	124	90	60	73	48	43,7	66,9
Венесуэла	124	120	124	100	100	83	20,7	29,0
Нигерия	120	120	115	64	96	53	21,3	34,8
Ливия	110	105	101	55	92	52	31,6	54,0
Индонезия	83	80	78	65	94	81	17,8	20,5
Алжир	56	60	53	32	95	53	19,9	33,0
Катар	33	33	25	16	76	48	19,2	28,4
Эквадор	12	12	11	10	92	83	17,0	14,2
Габон	12	12	11	7	92	58	24,8	34,8
Итого ОПЕК	1779	1771	1551	922	86	52	39,4	61,1

* Составлено и рассчитано по [210, с. 435; 258, с. 666; 380, 1978, т. 76, № 52, 1981, т. 79, № 52; 384, 1983, т. 50, № 8, с. 324].

** Уровень добычи нефти, который может поддерживаться в течение нескольких месяцев: обычно 90—95% наличных мощностей нефтепромыслов. Показатель не обязательно отражает максимальный технически допустимый темп разработки месторождений (без преждевременного их истощения).

*** По сравнению с 350 млн. т в год до начала исламской революции производственные мощности уменьшились ввиду прекращения некоторых работ по обслуживанию предприятий, выполнявшихся ранее западными специалистами; дальнейшее сокращение вызвано разрушениями объектов в ходе военных действий между Ираном и Ираком.

**** Без учета сокращения во время ирано-иракского вооруженного конфликта.

***** В 1980 г. был достигнут максимальный уровень добычи нефти.

Вместе с тем необходимо отметить, что ограничительная сырьевая политика отнюдь не является исключительной прерогативой освободившихся стран и тем более ее практическое применение не замыкается рамками ОПЕК. Напротив, консервация наличных нефтедобывающих мощностей или определение верхних пределов их возможного расширения в административном порядке прямо или косвенно характерны почти для всех крупных производителей углеводородного сырья из числа развитых капиталистических государств⁸.

Итак, в мировом капиталистическом хозяйстве даже в периоды относительно высокой общеэкономической конъюнктуры и уровня энергопотребления не исчерпываются весьма значитель-

ные резервы получения жидкого топлива по ценам производства гораздо ниже средних цен мирового рынка на этот товар. Если в «обычных» условиях эти резервные мощности в пересчете на годовой уровень нефтедобычи только у членов ОПЕК измеряются несколькими сотнями миллионов тонн (около 230 млн. т в 1979 г.), то в периоды резких сокращений спроса, например в 1982 г., они выросли до 850 млн. т в среднем за год (рассчитано по табл. 5), а за более короткие сроки существенно превышали данную цифру. Можно попытаться оценить наличные резервные мощности в совокупности с нереализованным сырьевым потенциалом для их расширения, исходя из вероятных результатов эксплуатации всех разведанных нефтяных запасов ОПЕК темпом 4% в год. Тогда возможности участников организации увеличить нефтедобычу, по состоянию на те же два года, превысили бы соответственно 880 и 1320 млн. т.

Отсюда вытекает, что поддержание этих производственных резервов является необходимой предпосылкой для функционирования коммерческих предприятий с более высокими ценами производства жидкого топлива, так как в противном случае теоретически нельзя исключить вероятность вытеснения с рынка их менее конкурентоспособной продукции или значительной ее части. Такая возможность определяется тем, что современные масштабы коммерческого производства «дорогого» жидкого топлива из традиционных и тем более из альтернативных источников до сих пор несоизмеримы с законсервированными мощностями по добыче сравнительно «дешевой» нефти⁹. Следовательно, всю разницу индивидуальных цен производства углеводородного сырья даже из «рыночных» источников ни в коем случае нельзя зачислять на счет дифференциальной ренты, хотя по форме она именно таковой и представляется.

Напомним еще раз, что применительно к дифференциальным рентным доходам роль собственников естественных средств производства начинает раскрываться главным образом на этапе распределения этих доходов. В данном случае, напротив, уже на стадии цено- и рентообразования налицо активная роль сырьевой политики нефтеэкспортеров, а именно мер, сдерживающих разработку их натуральных ресурсов. На непосредственное участие в этих экономических процессах государств — владельцев запасов углеводородного сырья уже обращали внимание ряд советских исследователей¹⁰. Следует лишь добавить, что эта роль присуща не только развивающимся, но и развитым капиталистическим странам.

Таким образом, в современном нефтегазовом хозяйстве капиталистического мира при утрате стоимостной основы для абсолютной нефтяной ренты сохраняется и интенсивно реализуется другая ее предпосылка — монополия на земные недра в форме государственного суверенитета.

В конкретных условиях мирового капиталистического рынка жидкого топлива указанная монополия способствовала образова-

нию монополюющей ренты, причем именно той ее разновидности, в формировании которой активно участвуют сами владельцы природных ресурсов¹¹. Этот процесс связан с ключевым положением нефти в расходной части топливно-энергетического баланса и контролем узкой группы государств-производителей, а также ТНК над рынком, что позволило поднять мировые цены на нефть до монополююще высокого уровня. Этот уровень превышает (при различной конъюнктуре рынка в разной степени) интернациональную цену производства, т. е. средние цены производства «дорогой» нефти из морских и арктических месторождений. Высокая монополюющая цена содержит в качестве одного из элементов и монополюющую ренту. Здесь складывается именно такая ситуация, в которой, по определению К. Маркса, собственность на природные богатства «сама создала ренту» [4, ч. 2, с. 314].

С другой стороны, в данном случае приходится иметь дело с монополюющей рентой, обладающей несколько иными особенностями, чем те, которые рассматривал автор «Капитала». К. Маркс имел в виду частных собственников средств производства. В странах ОПЕК владельцами и распорядителями нефтегазовых ресурсов выступают национальные государства в лице созданных ими компаний.

В этом смысле полагаем возможным говорить о так называемой государственной монополюющей ренте. Целесообразно также обратить внимание на взаимосвязь между возможной максимальной границей современной государственной монополюющей ренты и верхним пределом монополюющей цены, «которая определяется только стремлением купить и платежеспособностью покупателей» [4, ч. 2, с. 336]. При современной ситуации на рынке эти категории в целом совпадают. Однако возможны и другие соотношения между ними. Если монополюющая цена, формирующаяся в конечном счете под влиянием спроса и предложения, в условиях резко сниженной рыночной конъюнктуры упадет до уровня интернациональной цены производства, тогда монополюющая рента вполне может исчезнуть. Напротив, при высокой конъюнктуре рынка монополюющая цена значительно превосходит цены производства на худших из разрабатываемых месторождений, что повышает границу и масштабы современной государственной монополюющей ренты.

В перспективе весьма вероятна новая ситуация, связанная с массовым освоением СЖТ. Как уже говорилось, такая перспектива может стать реальностью лишь тогда, когда будут в значительной мере исчерпаны ресурсы так называемой «дешевой» нефти, или же в том случае, если технический прогресс существенно удешевит производство синтетического моторного топлива. Когда СЖТ превратится в реальный рыночный фактор, цена его производства станет замыкающей и может повысить общественную стоимость данного товара. Тогда расширятся границы и масштабы дифференциальной ренты как разницы между ценами производства натурального и синтетического топлива. Эта разни-

ца может полностью или частично включить в себя современную государственную монополюющую ренту. Но и в таких условиях возможно сохранение и монополюющей цены и монополюющей ренты уже на новой, более высокой основе. Однако, если сложится подобная ситуация, владельцы «дешевой» нефти уже не будут обладать столь значительным влиянием на уровни этих цен и ренты, каким они располагают до сих пор.

Пока трудно прогнозировать хотя бы приблизительные сроки, когда новый стоимостной показатель начнет практически, а не только теоретически проявлять свои регулирующие функции в области цено- и рентообразования. Судя по депрессивному влиянию, которое удешевление жидкого топлива на мировом капиталистическом рынке в первой половине 80-х годов оказало на деловую активность в данной области, сроки массового производства СЖТ вновь отодвинулись¹². Однако в принципе уже никто не подвергает серьезному сомнению перспективность таких способов получения энергетического и химического сырья, как и тот факт, что они будут заменять традиционные источники жидких и газообразных углеводородов не мгновенно, а постепенно, по мере истощения последних.

Следовательно, предстоит достаточно продолжительный период одновременной эксплуатации обоих типов энергосырьевых ресурсов. Но в таком случае логически неизбежно предположение о том, что на смену государственной монополюющей ренте придет рента дифференциальная. Последняя получит новую стоимостную базу — разность индивидуальных цен производства СЖТ и традиционной нефти, а также свой собственный регулятор — природно-экономические характеристики запасов исходного сырья для получения СЖТ вместо ныне преобладающих социально-экономических факторов — энерго-сырьевой политики нефтеэкспортирующих и нефтеимпортирующих государств.

Двойственная сущность и перспектива трансформации в дифференциальный рентный доход — это второй специфический признак государственной монополюющей нефтяной ренты, отличающий ее от классического варианта монополюющей ренты. Он позволяет выделить в известном смысле рациональное зерно в аргументации тех авторов, которые усматривают во всей сумме чистых прибылей от экспорта жидкого топлива освободившимися государствами лишь качества дифференциального горного дохода. Можно сказать, что эти исследователи опережают события и заслуживают критики прежде всего за смешение перспектив с действительностью, за стремление оперировать критериями, весьма вероятными в будущем, но неприменимыми до сих пор для анализа реальной рыночной ситуации.

Резкая активизация внешней сырьевой политики при благоприятных объективных условиях превратила нефтеэкспортирующие государства с начала 70-х годов в основных участников международных экономических отношений на капиталистическом энергосырьевом рынке. В качестве рентополучателей и субъектов

рентообразования автора интересуют прежде всего владельцы крупных экспортных ресурсов углеводородного сырья. Однако нельзя оценить их роль и возможности без учета главной противодействующей силы, которая нуждается хотя бы в краткой характеристике. Такой силой выступает государственная энергетическая стратегия развитых капиталистических стран — ведущих импортеров жидкого топлива.

Платежеспособный спрос на углеводородное сырье, вернее, на конечные продукты его переработки, а следовательно, уровень и структура потребления товаров топливно-энергетической группы являются объектами активного государственно-монополистического регулирования в большинстве стран развитого капитализма, особенно в Западной Европе и Японии. Интенсивность государственного вмешательства возросла здесь настолько, что его практические результаты по масштабам вполне сравнимы с итогами мероприятий нефтеэкспортирующих стран в области консервации их минерально-сырьевых запасов. В то же время более половины нефтяного экспорта из стран — участниц ОПЕК (свыше 54% в 1979 г.) (рассчитано по [89, с. 136—137]) поступает именно на эти интенсивно регулируемые рынки — западноевропейский и японский, — испытывая сильное влияние ограничительных мер и мероприятий, стимулирующих структурную перестройку энергопотребления в целях экономии жидкого топлива.

Для того чтобы определить степень сдерживающего воздействия этих мероприятий на объем спроса к началу 80-х годов, прибегнем к аналогии с США, чей внутренний рынок энергоносителей к тому времени был, вероятно, в наибольшей мере предоставлен «свободной» конкуренции. Сопоставление шестерки ведущих индустриальных держав капиталистического мира наглядно демонстрирует американский «эталон» как наиболее расточительный вариант использования жидкого топлива. По нашим подсчетам на 1980 г., нефтеемкость валового внутреннего продукта (отношение количества потребленной нефти к ВВП в текущих ценах) составляла от уровня США в ФРГ — 50%, Франции — 55, Японии — 58, Великобритании — 63, Италии — 87%. Нефтеемкость ВВП в ряде малых стран Западной Европы была даже ниже западногерманского показателя (рассчитано по [350, 351]). Причем в динамике удельных затрат этого вида энергоресурсов проявилась характерная смена тенденций. До «революции цен» на жидкое топливо 1973—1974 гг. происходила нивелировка удельного потребления нефти и нефтепродуктов странами развитого капитализма за счет его опережающего роста в Западной Европе и особенно в Японии и соответственно подтягивание этих двух индустриальных центров к уровню США¹³. Во второй половине прошлого десятилетия четко обозначились противоположные тенденции: опережающее сокращение его удельных затрат в первых двух случаях по сравнению с североамериканским регионом (см., например, [282, с. 57—58]).

Естественно предположить, что при отсутствии прямого и кос-

венного государственного регулирования спроса на энергоносители, удельное потребление углеводородного сырья в зоне развитого капитализма под воздействием одного лишь рыночного механизма продолжало бы и впредь нивелироваться по максимально-му американскому уровню. Приблизительные авторские оценки, охватывающие только пять ведущих капиталистических стран, показывают вероятное расширение их ежегодного спроса на жидкое топливо на 445 млн. т, если бы нефтеемкости ВВП у них и у США на рубеже 80-х годов совпали.

Выше была предпринята попытка определить качественную сторону двух главных видов современной нефтяной ренты — дифференциальной и государственной монопольной, а также сопоставить степень противоположного воздействия на монопольную ренту двух основных долговременных факторов — государственной энергосырьевой политики экспортеров и импортеров жидкого топлива. Измерить количественные параметры в международных рентных отношениях гораздо сложнее. Труднее всего, пожалуй, вычислить такой ключевой показатель, как интернациональная регулирующая цена производства. Для этого потребовалось бы смоделировать такую абстрактно-гипотетическую ситуацию, при которой весь воспроизводственный цикл в нефтегазовом хозяйстве от инвестиционной активности до потребления его продукции был бы максимально свободен от государственного вмешательства и влияния прочих социально-политических факторов и предоставлен свободной игре стихийных рыночных сил. Результаты имеющихся разработок в данном направлении весьма и весьма условны, но дают некоторые общие представления.

Согласно расчетам экспертов американской нефтяной корпорации «Тексако», вследствие повышения реальной стоимости жидкого топлива на мировом капиталистическом рынке за 1973—1980 гг. (фактически здесь подразумевается цена эталонной аравийской легкой нефти в реальном исчислении) потенциальный спрос сократился на 1550 млн. т годового потребления. Результат получен исходя из фактически использованного государствами развитого капитализма и развивающимися странами количества сырой нефти на уровне 2450 млн. т в 1980 г., которое сравнивается с предполагаемым ее потреблением — 4 млрд. т при том условии, что продолжилось бы снижение реальных мировых цен теми же темпами, которые наблюдались в 1955—1973 гг. [380, 1981, т. 79, № 36, с. 66]. Таким образом, предпринята попытка смоделировать ситуацию, в которой участники ОПЕК остались бы лишены контроля над производством и определением цен на жидкое топливо.

Если эти оценки верны, то они наглядно свидетельствуют, что даже максимальное технически допустимое использование дешевых нефтяных ресурсов капиталистического мира при дальнейшем снижении реальной интернациональной стоимости углеводородного сырья не смогло бы удовлетворить резко возрастающий потенциальный платежеспособный спрос на него уже во второй

половине 70-х годов. Тогда количественно подтверждается наиболее распространенное мнение о консервации запасов нефти со сравнительно низкими ценами производства, которая лишь ускорила в 1973—1974 гг. переход к новой стоимостной базе в ценообразовании, но не была первопричиной этого сдвига. Однако даже столь значительное расширение спроса не смогло бы самостоятельно обеспечить массовый и стабильный рынок для тяжелой нефти, жидких углеводородов из битуминозных сланцев и нефтеносных песков, не говоря уже о СЖТ из угля, при предельно интенсивной эксплуатации доказанных запасов традиционной нефти.

Остается предположить, что интернациональная регулирующая цена производства после первого обострения энергетического кризиса и до настоящего времени продолжает определяться экономическими параметрами разработки морских и арктических нефтяных месторождений. Для всех этих месторождений характерны высокие цены производства, причем основная масса продукции получается с месторождений со средними технико-экономическими и стоимостными параметрами для такого типа промыслов. В этом смысле именно средние параметры и определяют интернациональную регулирующую цену производства. По нашим подсчетам, усредненный показатель в британском секторе Северного моря к началу 1982 г. измерялся 22,3—23,4 долл. на баррель (в долл. 1981 г. и при средней норме прибыли на собственный инвестированный капитал нефтедобывающих компаний на уровне 40% до вычета налогов) ¹⁴. Денежное выражение регулирующей цены производства нефти весьма подвижно и зачастую испытывает тенденцию к почти непрерывному повышению, следуя в основном за динамикой инфляционных процессов. Однако ее природно-экономическая основа обнаружила достаточную устойчивость, сохраняясь, как уже отмечено, в целом с рубежа 1973—1974 гг.

С учетом ограниченной взаимозаменяемости первичных энергоносителей эта цена производства сопоставима с мировыми ценами конкурирующих видов энергетического и химического сырья. Так, в 1981 г. средние цены сиф энергетического угля высших сортов, импортируемого западноевропейскими странами по долгосрочным контрактам, составляли 67 долл. за тонну, приближаясь в пересчете на нефтяной эквивалент (по теплотворной способности) к 11,7 долл. за баррель, а коксующегося угля, ввозимого в ЕЭС, — 86,55 долл./т и соответственно 15,1 долл./барр. в четвертом квартале 1981 г. Одновременно максимальные национальные издержки добычи угля в некоторых государствах — членах ЕЭС, например в Великобритании, а иногда и средние — во Франции, превысили 100 долл./т, т. е. были близки к 17,5 долл./барр. нефтяного эквивалента (рассчитано по [110, с. 44; 183, с. 42; 374, 1981, т. 145, № 5]). Об условности подобных сопоставлений необходимо помнить, поскольку твердое топливо пока еще непосредственно конкурирует главным образом с мазутом, тогда

как светлые нефтепродукты почти сохранили монопольные позиции в качестве моторного топлива и в ряде других областей применения.

Несмотря на рост издержек нефтедобычи в ближневосточном и североафриканском регионах до 1,1—1,5 долл./барр. к началу 80-х годов, для основной части эксплуатируемых здесь крупнейших месторождений по-прежнему характерен самый низкий в капиталистическом мире уровень этого показателя. Благодаря ему арабские участники ОПЕК и Иран к тому времени имели возможность реализовать дифференциальную нефтяную ренту в размере 21—22 долл./барр., которая и составляет основную часть их поступлений от экспорта жидкого топлива. При официальной продажной цене аравийской легкой нефти 29 долл./барр. с марта 1983 г. на долю дифференциальных горных доходов в ней, вероятно, приходилось 72—76%, тогда как удельный вес монопольной ренты ориентировочно был в пределах 19—24%.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на эксплуатацию месторождений с экстремальными технико-экономическими условиями и соответственно с наивысшими ценами производства. При современной мировой рыночной цене на нефть они оказываются более или менее рентабельными или по крайней мере находятся на нижнем пределе рентабельности. Есть и такие, чья продукция обходится дороже рыночных цен. Их эксплуатация объясняется, по всей видимости, не столько стоимостными факторами, сколько стратегическими: стремлением стран-импортеров уменьшить уязвимость от импорта стратегического сырья из политически нестабильных районов мира. В данном смысле эксплуатация таких промыслов тоже отражает общественную необходимость, хотя, повторяем, она и не диктуется чисто экономическими соображениями. Поэтому принимать их цены производства за интернациональные регулирующие достаточно спорно.

Интересно отметить еще одну особенность современной монопольной нефтяной ренты. Широкая амплитуда ее колебаний обусловлена значительными разрывами в ценах производства жидкого углеводородного сырья между промыслами с различными затратами на добычу. Причем по мере вовлечения в хозяйственный оборот все более дорогих источников жидкого топлива эти интервалы, по-видимому, удлиняются. В качестве условной единицы их измерения можно принять различие между ценами производства наиболее дорогой в 60-е годы американской нефти из обычных месторождений и самой дешевой — ближневосточной. Тогда второй фактический интервал до средней цены производства североморской или аляскинской нефти измерялся бы тремя-четырьмя подобными единицами кратности. Третий, пока еще прогнозный интервал от разработки морских шельфовых и арктических месторождений до массовой эксплуатации запасов тяжелой нефти и битуминозных пород мог бы вместить пять-семь принятых единиц измерения, а четвертый — от последней группы ресурсов до получения СЖТ из угля — уже 10—13 (рассчитано по

[27, с. 50; 142, с. 136, 146, 147; 235, с. 748]). Причем в этих промежутках не обнаруживаются значительные источники жидких углеводородов с какими-либо средними ценами производства, переходными от низших к высшим стадиям¹⁵.

Помимо этого действует целый ряд других факторов, существенно повышающих инвестиционные риски, продлевающих инвестиционный цикл, сдерживающих освоение нетрадиционных ресурсов углеводородного сырья и в конечном итоге способствующих формированию государственной, а также иных разновидностей монопольной нефтяной ренты и их реализации владельцами месторождений и (или) транснациональными корпорациями. Следует выделить в группе факторов еще одну особенность предприятий по разработке труднодоступных запасов и производству альтернативных жидких углеводородов, тесно связанную с их высокой капиталоемкостью. Чем выше этот показатель, тем больший ущерб грозит их владельцам из-за омертвления крупных финансовых ресурсов в случае возможной недогрузки производственных мощностей, не говоря уже о полной их консервации.

Одно из важных отличий и преимуществ производителей сравнительно дешевого жидкого топлива, прежде всего в развивающихся странах, состоит в технико-экономической возможности более безболезненно регулировать объемы добычи нефти, извлекаемой традиционными способами. Бездействие менее сложного добывающего и транспортного оборудования расположенных на суше нефтепромыслов сопряжено с меньшим его физическим старением. Однако еще важнее может быть то, что сравнительно невелик при этом моральный износ основных производственных фондов. И напротив, при продолжающемся интенсивном совершенствовании техники и технологии разработки морских месторождений, альтернативных ресурсов углеводородного сырья и его синтеза из угля потенциальные потери от морального старения основного капитала могут достигать весьма значительных величин.

Итак, современный, исторически определенный этап в развитии энергосырьевого хозяйства неосоциалистического мира характеризуется возросшим значением освободившихся государств — мировых экспортеров углеводородного сырья, их суверенитета над этими природными ресурсами. Именно данная группа стран в течение еще некоторого времени будет по преимуществу контролировать резервные мощности в нефтедобыче, располагать преобладающим влиянием на уровень предложения жидкого топлива и достаточно широкими возможностями воздействия на его цены. Реализация этих объективных предпосылок во многом обусловлена действием субъективного фактора — национальной сырьевой политики развивающихся стран.

Часть II

БОРЬБА

ЗА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И СЫРЬЕВАЯ ПОЛИТИКА ЛИВИИ И АЛЖИРА

Неоднозначный подход развивающихся стран к разработке ключевых направлений их экономической стратегии определяется наличием и взаимодействием сложного комплекса факторов, особенностей хозяйственного и социально-политического развития. Причем значение этих особенностей, так же как и необходимость их углубленного, разностороннего изучения, нарастает в современных условиях по мере усиливающейся дифференциации молодых освободившихся государств, все более четкого оформления их специфических национальных интересов. Страны — экспортеры углеводородного сырья в данном отношении не составляют исключения. Различия в сырьевой политике этих государств объективно обусловлены существенным несовпадением величины разведанных запасов их основных природных ресурсов, численности населения и среднего уровня его благосостояния, технико- и социально-экономических предпосылок для рационального использования экспортных доходов, а также целым рядом других причин. Но на первый план среди них все определеннее выступают различия в социально-экономической и политической ориентации, которые оказывают возрастающее воздействие на формирование государственной стратегии в области применения национального хозяйственного потенциала в целом и на сырьевую политику в частности.

Глава III

КЛАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПОДХОДЫ АРАБСКИХ СТРАН К НЕФТЯНЫМ ПРОБЛЕМАМ В 60-Е ГОДЫ

В работах советских и зарубежных исследователей отмечаются весьма скромные результаты деятельности Организации стран — экспортеров нефти на первом ее этапе — со времени основания в 1960 г. и до 1970 г. За десятилетие данной группе государств уда-

лось лишь предотвратить дальнейшее падение справочных цен и несколько повысить свою долю в прибылях от нефти путем изменения формулы расчетов с компаниями-концессионерами. В результате их доходы от каждого экспортированного барреля возросли примерно на четверть. Однако и это незначительное увеличение было чисто номинальным, если принять во внимание темпы инфляции и неблагоприятное изменение условий торговли. Сама же система неокOLONиалистской эксплуатации, в сущности, не была поколеблена.

Причины этого объясняются взаимодействием целого комплекса факторов, которые довольно трудно расчлениить и определить степень влияния каждого из них в отдельности. Однако среди них выделяются две большие группы, примерно равнозначные по силе своего воздействия. К первой группе относятся природно-географические и технико-экономические факторы, такие, как быстрый прирост разведанных ресурсов легкодоступной и дешевой нефти. Общим их результатом явилось довольно длительное превышение предложения над спросом на мировом капиталистическом рынке жидких углеводородов, резко усиленное политикой МНК по вытеснению угля из топливно-энергетического баланса. Ко второй — факторы социально-экономические и политические, в числе которых как советские, так и многие зарубежные специалисты одно из первых мест отводят преобладанию в рамках ОПЕК реакционных феодально-монархических и прозападных режимов¹. Как следствие, практически единственной формой политики ОПЕК по отношению к транснациональным нефтяным корпорациям были переговоры, ее члены не прибегали ни к каким коллективным санкциям.

Монополии, напротив, опирались на силовую практику, причем не только в экономической области. Члены МНК на протяжении большей части 60-х годов тормозили производство нефти в Ираке, провоцируя финансовые трудности всякий раз, когда правительство этой страны пыталось вступить с ними в борьбу.

Приходившим к власти прогрессивным силам здесь, а также в Алжире удавалось, однако, уже в 60-е годы добиться определенных успехов в борьбе с «нефтяным империализмом» прежде всего при опоре на всестороннюю поддержку и содействие государств социалистического содружества.

В то же время их позиции серьезно ослаблялись возможностями монополий беспрепятственно наращивать производство нефти в соседних монархиях Аравийского полуострова и в Ливии, тогда еще монархической. Действие этой второй группы факторов усугубляло неблагоприятные последствия первой группы, облегчая западным корпорациям проведение в жизнь их стратегической линии.

Ливия: нефтяная политика феодально-монархического режима

На протяжении 50-х и 60-х годов Ливия выделялась исключительно благоприятным для транснационального нефтяного бизнеса инвестиционным климатом, даже на фоне монархических государств зоны Персидского залива.

До обнаружения запасов жидкого топлива крайне отсталая ливийская экономика имела ярко выраженную аграрно-сырьевую направленность. По уровню среднедушевого дохода страна занимала одно из последних мест в мире. Однако важное стратегическое положение возбуждало интерес к ней империалистических держав, стремление гарантировать здесь прочность своих позиций и после предоставления Ливии независимости в 1951 г. При этом надежды возлагались как на продолжение прямого военного присутствия в виде иностранных баз на ее территории, так и на усиление тесной финансово-экономической зависимости режима короля Идриса от Запада. О масштабах этой зависимости свидетельствует хотя бы тот факт, что до конца 50-х годов западная «помощь» достигала половины национального дохода, а доля внешних источников в финансировании государственного бюджета — $\frac{2}{5}$ и выше [262, с. 23, 28]. Кроме того, ливийская валюта была тесно привязана к английскому фунту стерлингов. Все эти обстоятельства существенно облегчали внедрение иностранного капитала в страну, лишая ее самостоятельности в решении ключевых проблем хозяйственного развития.

Весьма характерно, что проект нефтяного законодательства, прежде чем последнее вступило в силу в 1955 г., был распространен среди нефтяных компаний, заинтересованных в получении концессий на территории Ливии, а представители фирм — приглашены для его обсуждения. На более раннем этапе в разработке законопроекта активно участвовали британские советники и среди них бывший служащий англо-голландской нефтяной монополии «Ройал Датч-Шелл». Неудивительно, что в первой редакции законопроекта предоставлял английским компаниям слишком явные привилегии, которые вследствие протеста США и Франции были устранены и заменены принципом «открытых дверей» — одной из формул, заложенных в основу англо-франко-американского соглашения об эксплуатации нефтяных ресурсов Ирака еще в 20-е годы.

Начало освоения ливийских минеральных ресурсов совпало с активизацией «независимых» нефтяных компаний, которые в 50-е годы разворачивали свою международную экспансию. Поэтому в отличие от стран района Персидского залива, которые предоставляли ограниченному числу компаний или их консорциумам очень крупные концессии, охватывавшие нередко всю территорию государств, у Ливии появилась возможность привлечения гораздо большего числа концессионеров, в особенности «аутсайдеров». К концу 1959 г. в концессию были сданы 84 участка ливийской

территории. Большинство из них, однако, все же овладели членами МНК, на долю которых также пришлось три из первых открытых пяти основных месторождений, пригодных для коммерческой эксплуатации.

Анализируя основные положения «Закона о нефти» от 1955 г., ряд авторов выделяет в нем многочисленные прямые и косвенные льготы и преимущества для иностранного капитала, которые наносили ущерб экономическим интересам Ливии и ущемляли ее национальный суверенитет. Приводимые ниже оценки этого юридического документа принадлежат в основном английскому специалисту Ф. К. Уоддэмзу — бывшему служащему центрального аппарата одной из международных нефтяных компаний, а позже консультанту ливийского правительства по вопросам, связанным с нефтяной промышленностью. Среди особенностей ливийского «Закона о нефти» отмечен чрезвычайно низкий уровень первоначальных взносов, арендной платы и обязательных расходов концессионеров на разведочные работы, что позволяло приобретать концессии со спекулятивными целями; максимальный 60-летний срок действия концессий, в течение которого они могли быть аннулированы только по причине нарушения концессионерами ряда основных обязательств; исчисление облагаемых налогами доходов от экспорта ливийской нефти на базе «свободных конкурентоспособных» рыночных цен, т. е. практически цен, произвольно установленных компаниями-концессионерами, в отличие от несколько более высоких и стабильных «справочных цен», которые использовались для этой же цели странами Ближнего Востока и Венесуэлой; разнообразные налоговые скидки, сильно искажавшие принцип «равного раздела прибылей» в пользу концессионеров, особенно так называемая скидка на истощение природных ресурсов, которая была нетипична для концессионной практики за пределами североамериканского региона. Часть прибыли (до 25 %), освобожденная таким образом от налогообложения, предназначалась на расходы по восстановлению уровня разведанных нефтяных ресурсов Ливии, однако ливийское законодательство не обеспечивало выполнение иностранными фирмами этой и многих других обязанностей.

Особое значение имело условие, по которому никакие изменения действующих договоров не допускались иначе, чем «по взаимному согласию сторон» (цит. по [340, с. 69]), т. е. с санкции иностранных нефтяных компаний. В то же время в законодательстве отсутствовал пункт о предоставлении Ливии режима наиболее благоприятствуемой нации. Таким странам, как Иран, Ирак и Саудовская Аравия, это положение обеспечивало автоматическое внесение коррективов в их концессионные соглашения, если бы те же самые компании-концессионеры заключили договор с другой нефтедобывающей страной на более выгодных для последней условиях.

Будь в Ливии менее выгодный инвестиционный климат, он все-таки не смог бы отпугнуть от ливийской нефти монополию.

Даже при одинаковом налоговом режиме и прочих равных условиях операции с ливийской нефтью сулили им больше выгод, чем с ближневосточной, ввиду преимуществ в географическом положении и качестве первой.

На всем протяжении 60-х годов ни юридический статус, ни тем более фактические позиции западных нефтяных корпораций в монархической Ливии не претерпели существенных перемен. Об этом свидетельствует, в частности, чисто формальный характер поправок к «Закону о нефти», принятых в 1961 и 1965 гг. Первая из них своей главной целью имела введение справочных цен в систему налогообложения нефтяных компаний ливийским правительством. Цель, однако, не была достигнута, так как по закону 1955 г. поправка могла приобрести юридическую силу лишь с согласия концессионеров. Последние выторговали себе право на применение, по сути, неограниченных скидок, которые сводили на нет смысл справочных цен и давали возможность занижать суммы доходов, подлежащих налогообложению, до менее 60% уровня, исчисленного по системе, принятой на Ближнем Востоке.

Особенно широко данный механизм применялся «независимыми» компаниями, позволяя им перекладывать на Ливию основную часть своих затрат по внедрению на новые рынки, т. е. за ее счет финансировать инвестиции и вести ценовую конкуренцию с МНК главным образом в Западной Европе. Потери государства в виде недополученных по этой причине налогов только от трех компаний, объединенных в группу «Оазис», в 1962—1964 гг. составили 60 млн. долл. После 1965 г. общие ежегодные потери должны были превысить 200 млн. долл. В то же время чистый доход трех участников группы «Оазис» возрос в среднем за 1957—1961 гг. (до начала операций с ливийской нефтью) с 132 млн. до 212 млн. долл. в 1964 г. [340, с. 113—135]. Даже в столь урезанном виде поправка была принята всеми концессионерами лишь к концу 1964 г. Причем в обмен на свою мнимую уступку они добились подтверждения и даже закрепления договорных обязательств Ливии, исключавших односторонние изменения ее нефтяного законодательства. Вполне обоснован вывод английского исследователя о том, что «ливийское (королевское. — В. К.) правительство не воспользовалось прямо своими суверенными прерогативами лишать договорные права концессионеров юридического действия вплоть до самой революции 1969 г.» [340, с. 109].

В 1962 г. Ливия стала членом ОПЕК. Вторая поправка от 1965 г. к ливийскому нефтяному законодательству была связана с осуществлением резолюции этой организации за № IV.33 от 1962 г., рекомендовавшей всем ее участникам унифицировать порядок взимания платежей «ройалти» и не считать их авансом в счет подоходного налога. В большинстве стран района Персидского залива эта новая формула расчетов вступила в силу с 1964 г., тогда как в Ливии — лишь с 1965 г., после преодоления

значительного сопротивления со стороны ряда «независимых» компаний (в декабре 1965 г. ОПЕК приняла специальную резолюцию с рекомендацией не предоставлять им концессий). Поправка от 1965 г. была сформулирована при участии фирмы «Эссо» и навязывала ливийской стороне такую серьезную уступку, как признание международных норм и «общих принципов» права над национальным законодательством, а также оговорку о режиме «наиболее благоприятствуемой компании». Эта оговорка предусматривала распространение любых привилегий одного из концессионеров на всех других и имела основной целью защиту членов МНК от конкуренции некартелированных компаний — экспортеров ливийской нефти.

Рекомендации ОПЕК в монархической Ливии, как правило, проводились в жизнь со значительным опозданием, а практика крупных скидок со справочных цен вообще шла с ними вразрез. Быстрый рост экспорта дешевой нефти из Ливии ставил под угрозу стабильность цен на мировом рынке и препятствовал борьбе других стран — членов ОПЕК с нефтяными монополиями. Поэтому вступление в силу в 1966 г. поправок к нефтяному законодательству в соответствии с положениями, действовавшими в странах Персидского залива, объясняется не активностью ливийского правительства, а скорее нажимом на него со стороны ОПЕК, а также желанием компаний — членов Международного нефтяного картеля оградить себя от ценовой конкуренции независимых фирм, уравнив юридические основы их деятельности в Ливии с законодательством региона Персидского залива, где находились основные концессии МНК. Этими тактическими соображениями объяснялась «поддержка» мероприятий ливийской монархии, в частности, по ограничению скидок, оказанная крупнейшим членом МНК — «Стандард Ойл К° оф Нью-Джерси».

Общие итоги первого десятилетия в развитии нефтегазовой промышленности Ливии свидетельствуют, что ввиду нерешительной, соглашательской позиции королевского режима, обусловленной его классовой природой и зависимостью от Запада, не удалось реализовать преимуществ, связанных с высоким качеством ливийского сырья и с выгодным географическим положением его источников. Напротив, компании-концессионеры в полной мере использовали эти факторы, особенно в связи с закрытием Суэцкого канала и высокой конъюнктурой фрахтового рынка после арабо-израильской войны 1967 г., а также возросшими требованиями большинства государств развитого капитализма по охране окружающей среды, что повысило на определенный период спрос на низкосернистые сорта легкой нефти.

Справочные цены на ливийскую нефть были установлены по двум котировкам ближневосточного жидкого топлива в портах Персидского залива и двум — Восточного Средиземноморья. Так, до 1970 г. справочная цена ливийской нефти сорта «Брега» плотностью 39,3—40,0° АПИ на уровне 2,23 долл. за баррель не отличалась от цены иракской нефти, отгружаемой из портов Среди-

земного моря, хотя качество последней значительно ниже ливийской: она более чем на 3° АПИ «тяжелее» и содержит в 9 раз больше серы. В то же время по своим характеристикам ливийская нефть гораздо более соответствовала североамериканской. И если бы за основу были взяты котировки США (Восточный Техас), то с поправками на товарные качества и местоположение справочные цены первой могли бы вполне повыситься почти в 1,6 раза (рассчитано по [340, с. 158]).

Именно исключительно благоприятные условия для деятельности иностранного капитала и дешевизна ливийского «черного золота» в сочетании с его высокими качествами легли в основу «нефтяного бума» 60-х годов в Ливии. Здесь наблюдался беспрецедентный в истории капиталистической нефтегазовой промышленности рост добычи и экспорта жидкого топлива — в 214 раз за 1961—1969 гг. В 1969 г. экспорт объемом 144,5 млн. т вывел Ливию на первое место среди арабских государств и на второе — среди стран — участниц ОПЕК, из которых она уступала лишь Ирану (рассчитано по [284, с. 123—125]). Ливийская нефть быстро завоевала обширный рынок сбыта, прежде всего в Западной Европе.

Приведенная здесь характеристика внешней сырьевой политики ливийской монархии в полной мере распространяется и на ее внутриэкономическую линию в данной области. Королевский режим не предпринял сколько-нибудь серьезных усилий для того, чтобы изменить чисто анклавный характер нефтегазового сектора в хозяйстве Ливии, всецело ориентированного на вывоз необработанного сырья. Несколько заключенных этой страной соглашений, в основном с американской монополией «Стандард Ойл К° оф Нью-Джерси» (ныне «Экссон»), предусматривали обязательство концессионера построить в Ливии нефтеперегонное предприятие. Кроме того, уже рассмотренная здесь поправка от 1965 г. к «Закону о нефти» была составлена с таким расчетом, чтобы обеспечить концеденту право получать долю сырой нефти или нефтепродуктов для внутреннего потребления по их себестоимости, т. е. соответственно по ценам издержек добычи и (или) переработки. Так что даже весьма несовершенное во многих отношениях ливийское нефтяное законодательство могло бы послужить достаточной правовой базой для создания в стране нефтеперерабатывающей промышленности.

Однако эти возможности довольно долго не использовались вообще, а в полной мере так никогда и не были реализованы при королевском режиме.

Вплоть до 1966 г. все потребляемые в Ливии нефтепродукты полностью импортировались тремя иностранными компаниями: «Эссо Стандарт оф Либиа, Инк.», «Шелл (Либиа)» и «Ассейл» — филиалами «Стандард Ойл К° оф Нью-Джерси», «Ройал Датч-Шелл» и итальянской государственной фирмы «Аджип минерария». Эти три импортера примерно поровну поделили ливийский рынок и, монополизировав его, сбывали здесь нефтепродукты по

различным ценам, близким к достаточно высокой их стоимости для западноевропейских потребителей.

Лишь к 1968 г. «Эссо» частично выполнила свое обязательство по концессионному соглашению, введя в строй нефтеперерабатывающий завод в г. Марса-эль-Брега мощностью всего лишь до 400 тыс. т в год. Причем конструкция предприятия не была рассчитана на его расширение более чем до 500 тыс. т годовой продукции, товарная номенклатура которой к тому же не соответствовала структуре внутреннего потребления в Ливии. Не говоря о том, что оптимальными уже во второй половине 60-х годов считались предприятия подобного профиля производительностью около 5 млн. т в год, завод в Марса-эль-Брега к моменту своего открытия безнадежно отставал от быстро растущего объема ливийского внутреннего рынка, на котором еще в 1967 г. было реализовано почти 0,6 млн. т нефтепродуктов.

Сильно урезанная форма выполнения обязательства, возложенного на «Эссо», проявилась и в том, что американская монополия навязала монархическому режиму собственные, чисто коммерческие условия эксплуатации принадлежащего ей НПЗ. В отличие от некоторых нефтедобывающих государств района Персидского залива, приобретающих по себестоимости продукцию с подобных предприятий иностранных владельцев-концессионеров на своей территории, все нефтепродукты с завода «Эссо» в Ливии поставлялись любому покупателю на рыночных условиях по ценам, которые устанавливались данным филиалом американской корпорации на уровне мировых и позволяли реализовывать немалые прибыли [340, с. 201—205].

Несмотря на то что в монархической Ливии и за рубежом различные политические силы и некоторые нефтеэкспортеры, чьи интересы затрагивал быстро растущий вывоз ливийского жидкого топлива почти на демпинговых условиях, выступали за более или менее радикальные преобразования ее нефтяного хозяйства и экономической стратегии, сырьевая политика страны не претерпела заметных изменений вплоть до сентябрьской революции 1969 г.

Во второй и последней серии концессионных соглашений, заключенных королевским правительством за 1966—1968 гг., не сохранилось почти никаких принципиальных отличий от уже действовавших в Ливии договоров. Единственным новым моментом были проекты совместных нефтедобывающих предприятий с французскими компаниями ЭРАП и СНПА, а также с четырьмя другими фирмами на аналогичных условиях, которые в своем первоначальном варианте не были реализованы. Созданной главным образом для их осуществления Ливийской генеральной нефтяной корпорации («Липетко») отводилась роль «младшего» или «спящего» партнера, обремененного довольно тяжелыми финансовыми обязательствами, но с меньшей долей участия в активах и фактически без контроля над операциями запроектированных совместных предприятий.

Столь же закономерно преобладание иностранцев среди занятых в ливийской нефтяной промышленности квалифицированных кадров и практическая их монополия на руководящие должности, что объяснялось чисто формальными обязательствами компаний-концессионеров, от которых требовалось выделять на профессиональную подготовку ливийцев ежегодно мизерные суммы, не покрывающие расходов даже на краткосрочный курс обучения одного специалиста.

Алжир: этапы пути к суверенитету над нефтегазовыми ресурсами

В противоположность монархической Ливии — пробуржуазному государству с сильными пережитками феодализма как в хозяйственной, так и в социально-политической структуре — национально-демократический режим Алжира после завоевания в 1962 г. государственной независимости придерживается курса на некапиталистическое развитие, провозглашенного патриотическими силами еще в ходе революционно-освободительной борьбы с французскими колонизаторами. Именно кардинальные различия, характеризующие классовую природу государственной власти, определили прежде всего принципиально иную стратегию социально-экономического развития АНДР, включая ее сырьевую политику. Вступив в ОПЕК лишь в июле 1969 г., Алжир тем не менее еще раньше, уже к середине 60-х годов, успел выдвинуться в первые ряды освободившихся стран — экспортеров жидкого топлива, которые вели борьбу за изменение условий эксплуатации своих природных богатств.

Исходные предпосылки для государственного вмешательства в развитие нефтегазовой промышленности у Алжира были не более, а, пожалуй, даже заметно менее благоприятными, чем у Ливии. Алжирские ресурсы углеводородного сырья начали разрабатываться в период французского колониального господства, и западные нефтяные монополии, в особенности фирмы метрополии, заняли здесь весьма прочные позиции. Общий уровень социально-экономического развития Алжира был выше ливийского. Однако последствия длительной и кровопролитной национально-освободительной войны сводили на нет потенциальные преимущества данного фактора.

Для восстановления национальных производительных сил и решения обострившихся социальных проблем молодое алжирское государство не менее ливийского испытывало дефицит материальных и финансовых ресурсов, что не могло не сковывать его во взаимоотношениях с иностранным капиталом. Вплоть до 1965 г. французская «помощь» служила основным источником покрытия крупных дефицитов в государственном бюджете АНДР, будучи одним из важнейших, хотя далеко не единственным средством, обеспечивающим экономическое влияние бывшей метрополии.

Аналогично Ливии, втянутой в стерлинговую валютную зону, Алжир на протяжении довольно длительного периода независимого существования не мог порвать с зоной французского франка. В то же время перечисленные и другие отрицательные проявления неокOLONиальной зависимости не ослабили стремления прогрессивного режима АНДР добиваться экономической самостоятельности.

В целом концессионная система эксплуатации алжирских нефтегазовых ресурсов, которая заметно отличалась в худшую сторону от действовавших в большинстве других освободившихся или еще политически зависимых государств, за первые три года независимости не претерпела существенных изменений. Такой агрегированный конечный показатель, как удельные государственные доходы в расчете на баррель экспортированной нефти, за 1962—1964 гг. измерялся для Алжира в среднем 28,3 центами, тогда как для Ливии и Катара, откуда вывозилось аналогичного качества сырье, он составил 64 и 83,3 цента соответственно, т. е. был почти в 2,3 и 3 раза выше (см. Прил., табл. 1). При этом следует учитывать, что катарская нефть, которая может отгружаться только через порты Персидского залива, характеризуется гораздо менее выгодным географическим положением относительно основных центров потребления, чем ливийская и алжирская.

Столь неблагоприятные для концедента финансовые условия эксплуатации минерально-сырьевых запасов иностранным капиталом свидетельствуют в конечном счете об общей невыгодности для АНДР типа нефтяных концессий, навязанного ей в рамках Эвианских соглашений с Францией в 1962 г. специальной «Декларацией принципов сотрудничества в использовании подземных богатств Сахары». По всей видимости, временно идти на такие условия Алжир вынуждала преимущественно зависимость от бывшей метрополии по линии получения займов и субсидий, а также в других экономических областях, которые регулировались этими соглашениями комплексно².

Как незначительную уступку можно расценить лишь выделение Алжиру 40% капитала общества «СН Репал» — одного из алжирских филиалов французского объединения «ЭЛФ—ЭРАП», что давало право только на десятую часть добывавшейся нефти (см. Прил., табл. 2).

Но уже с первых лет независимого существования в нефтяной политике АНДР наметились весьма существенные особенности, отличавшие ее от большинства других освободившихся государств — мировых экспортеров углеводородного сырья. Алжир впервые в практике этих государств установил контроль над внешнефинансовыми операциями компаний-концессионеров, потребовал перевода в страну их служб и руководящих органов, а также традиционному монополиям Запада предпочел межправительственные переговоры и соглашения. Однако наиболее важ-

ными основами будущих успехов АНДР, заложенными в эти годы, послужили два момента.

На рубеже 1963—1964 гг. Алжир стал третьей из семи арабских стран — нынешних участниц ОПЕК, создавшей национальную государственную нефтяную компанию «Сонатрак». Причем сразу проявились ее отличия от первых двух государственных фирм «Кувейт Нэшнл Петролеум К°» (КНПК) и саудовской «Петромин», которые на протяжении 60-х годов отнюдь не характеризовались значительной самостоятельностью. Их деятельность в тот период почти целиком сводилась к заключению соглашений о партнерстве в нефтедобыче с иностранным капиталом, которому продолжала отводиться ведущая роль как с точки зрения его доли в активах — не менее половины, но чаще 70—90%, — так и практического осуществления всех операций³.

В противоположность КНПК и «Петромин» алжирское государственное предпринимательство в нефтегазовой промышленности через посредство «Сонатрак» с самого начала стало приобретать весьма активный характер. Первое мероприятие этой компании — организация строительства самого мощного из трех (пропускной способностью 22 млн. т в год) магистральных нефтепроводов страны Хауд-эль-Хамра—Арзев по подрядному контракту с фирмами Великобритании и под кредиты двух арабских банков и английского банковского консорциума. Благодаря его эксплуатации доля государственной фирмы в транспортировке углеводородного сырья по трубопроводам уже к 1966 г. возросла с 9 до 38% (см. Прил., табл. 2). В дальнейшем, по мере расширения самостоятельных операций в разнообразных подразделениях нефтегазового комплекса, алжирское государство пополняло свой арсенал вполне реальными средствами противодействия диктату компаний-концессионеров, ведя тщательную практическую подготовку их национализации.

Проводя в жизнь нефтяную политику, АНДР стремилась активно использовать межимпериалистические противоречия (в рассматриваемый начальный период преимущественно англо-французские, а в дальнейшем франко-американские и другие разногласия).

Однако решающее значение для успехов этого и других молодых государств в борьбе за экономическую самостоятельность имела опора на всестороннюю поддержку стран социалистического содружества.

Неоценимая помощь Алжиру оказана Советским Союзом в решении ключевой и весьма сложной для развивающихся стран задачи — в подготовке национальных кадров. В октябре 1964 г. в г. Бумердесе открылся Африканский центр нефтегазовой и текстильной промышленности, переименованный позже в Национальный институт нефти, газа и химии. Это учебное заведение создавалось при активном содействии СССР в его оборудовании, а также в комплектовании профессорско-преподавательского состава, в который вошли свыше 200 командированных в Алжир преподава-

телей советских вузов. В 1968 г. состоялся первый выпуск техников, а в 1970 г. — инженеров, подготовленных институтом, среди слушателей которого не только алжирцы, но и граждане нескольких других афро-азиатских нефтедобывающих стран [101, с. 103—105; 225, с. 18].

Со второй половины 60-х годов получило широкое развитие экономическое и техническое сотрудничество между СССР и АНДР, охватывающее помимо нефтегазовой промышленности целый ряд других отраслей и включающее поставки оборудования (в том числе бурового и вспомогательных средств), проведение подрядных работ для «Сонатрак» и ее филиалов, направление из нашей страны в Алжир специалистов и экспертов, а также иные формы экономических и научно-технических связей. Их высокие результаты уже получили достаточно широкое освещение в литературе [101, с. 105—109]. Весьма успешно развивались в этих областях связи Алжира и с несколькими другими социалистическими государствами, чьи специалисты вместе с советскими составляли к концу 60-х годов около половины всего инженерно-технического персонала «Сонатрак» [169, с. 67].

Вторая половина 60-х годов характеризуется активным расширением государственного вмешательства в нефтегазовый сектор хозяйства АНДР и особенно заметной диверсификацией функций государства, прежде всего предпринимательских.

В 1965 г. было заключено новое алжиро-французское «Соглашение о нефти и газе», в рамках которого создана на паритетных началах Кооперативная ассоциация по эксплуатации нефтяных ресурсов Сахары — «Аскооп». Впервые в практике развивающихся стран-нефтеэкспортеров это была не смешанная компания, а объединение двух самостоятельных юридических лиц — «Сонатрак» и филиала ЭРАП — «Соцефал». Решения в рамках ассоциации принимались на принципах консенсуса, а разногласия урегулировались на правительственном уровне. К новым моментам в практике партнерства национального государственного и иностранного нефтяного капитала относилось также юридически закрепленное право первого самостоятельно осуществлять разведку и разработку месторождений на выделенной «Аскооп» территории. Компания страны-производителя впервые добилась возможности выполнять функции оператора. Фактически к середине 1970 г. эта функция была закреплена за «Сонатрак» на 46% кооперативной площади. В то же время на «Соцефал» возлагалась основная роль в финансировании бюджетов «Аскооп», чьи фактические инвестиции за пятилетие (1966—1970) достигли в целом 932 млн. алж. дин., из которых наличными взносами «Сонатрак» было оплачено 186,4 млн., или 20% общей суммы [102, с. 86].

Именно в открывшейся возможности для молодого независимого государства активно подключиться к проведению так называемых «восходящих операций», т. е. участвовать непосредственно во всем комплексе подготовительных мероприятий и в эксплуатации установленных нефтедобывающих мощностей состояли основ-

ные преимущества соглашения 1965 г. для АНДР. Страна не извлекала из деятельности «Аскооп» каких-то значительных и непосредственных коммерческих выгод. Эффект такого рода от мероприятий в рамках ассоциации проявился преимущественно в 70-е годы уже после полной ликвидации здесь системы традиционных концессий. К 1970 г. «Аскооп» обеспечила прирост годовой добычи менее чем на 2,5 млн. т. Поэтому положительное значение имело прежде всего накопление «Сонатрак» практического опыта, без которого трудно было бы рассчитывать на успех предстоящей национализации нефтегазовой промышленности. Представляется вполне аргументированным вывод о том, что «революционное правительство (АНДР.— В. К.) твердо решило выйти из роли получателя ренты и начать участвовать в эксплуатации своих природных богатств» [169, с. 52].

Рассмотренный ранее пример Ливии весьма убедительно продемонстрировал, что юридическое оформление многих прав государства-концедента отнюдь не служило безусловной гарантией их реализации, которая требует немалых дополнительных усилий и действенного экономического инструментария. Эти предпосылки отсутствовали при ливийской монархии, но целеустремленно культивировались алжирским правительством.

В течение 1966—1970 гг. «Сонатрак» были созданы и приступили к производственным операциям девять смешанных дочерних компаний по обслуживанию нефтегазодобывающей промышленности с участием главным образом узкоспециализированных американских корпораций, а также французского и датского капитала. Во всех фирмах алжирская сторона располагала контрольным пакетом акций, причем по истечении от 3 до 10 лет предусматривалась возможность полного овладения АНДР их активами, а также «алжиризация» персонала. Важно подчеркнуть, что ни одна из национальных нефтяных компаний стран-участниц ОПЕК в рассматриваемый период не смогла бы сравниться с «Сонатрак» по степени диверсификации деятельности, охватывающей столь разнообразные подразделения нефтегазового комплекса, а многие из этих фирм и доныне довольно далеки от подобного уровня.

Лидерство Алжира проявилось и в нескольких других областях. Например, целым рядом приоритетов характеризуется его соглашение о партнерстве с филиалом американской независимой фирмы «Гетти Ойл Корп.» — «Гетти Петролеум К°» от 19 октября 1968 г., по которому было создано совместное предприятие «Сонапет» в области разведки и добычи нефти. АНДР первой среди развивающихся стран-нефтеэкспортеров обеспечила себе контрольный пакет (51%) акций в подобном предприятии. Кроме того, роль управляющего и генерального подрядчика в разведочных и эксплуатационных операциях закреплялась за «Сонатрак» как ее исключительная прерогатива. Третье новое положение, особенно существенное применительно к конкретным алжирским условиям, предусматривало полную и безвозмездную передачу «Сонатрак» всех запасов природного газа, которые могут быть обнаружены на

территории, отведенной совместному предприятию. Соглашение характеризовалось и рядом других выгодных Алжиру моментов, включая сокращенные вдвое по сравнению с традиционными концессиями максимальные сроки эксплуатации нефтяных месторождений. Главные принципы контракта с «Гетти Петролеум К°», подвергнутые дальнейшей модификации, составили правовую основу для привлечения иностранного капитала в нефтегазовую промышленность АНДР на более чем десятилетний период — вплоть до конца 70-х годов.

Вторая половина 60-х годов для Алжира ознаменовалась также первыми актами национализации иностранных предприятий в нефтедобывающей промышленности, игравших, правда, в этой стране второстепенную роль. В 1967 г. в связи с поддержкой США израильской агрессии против арабских стран алжирское правительство секвестровало собственность всех восьми действовавших в стране филиалов американских нефтяных компаний. К середине 1970 г. были национализированы полностью активы этих фирм, за исключением «Гетти» и «Эль-Пасо Нэчурел Гэс», достигших ранее соглашений с алжирским правительством. «Сонатрак» выкупила у «Гетти Петролеум К°» 51% активов по остаточной стоимости основного капитала.

Этот прецедент в дальнейшем послужил основой для системы расчета компенсации за все национализированное Алжиром, Ливией и Ираком имущество иностранных концессионеров в отличие от гораздо более выгодной последней формулы, принятой арабскими нефтяными монархиями зоны Персидского залива. Летом 1970 г. национализации были подвергнуты доли участия и алжирские филиалы всех нефранцузских компаний-концессионеров (помимо перечисленных фирм США): англо-голландской «Ройал Датч-Шелл», западногерманской «Элверат» и филиала итало-американской группы «Монтекатини—Эдисон» — «Анзонна миньер франсэз» («Амиф»). Благодаря этим мероприятиям доля государственного сектора АНДР в добыче нефти и конденсата за 1966—1970 гг. выросла с 11 до 35% (см. Прил., табл. 2) и достигла наиболее высокого уровня среди стран-участниц ОПЕК.

Еще раньше началось и более активно расширялось участие алжирского государства в сфере использования углеводородного сырья: в его переработке и особенно в распределении жидкого и газообразного топлива внутри страны. После начала разработки нефтегазовых ресурсов они очень быстро заняли основное место в энергопотреблении Алжира, со временем свели на нет применение твердого топлива, а также заметно потеснили гидроэнергетические ресурсы. К середине 60-х годов на нефтепродукты и газ приходилось свыше половины использованных конечных энергоносителей, а к началу следующего десятилетия их доля составляла уже от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$. Причем примерно 70% нефтепродуктов, реализуемых на внутреннем рынке, потреблялось в государственном секторе алжирской экономики [208, с. 35; 304, с. 43].

Сосредоточивая в своей собственности 90% нефтеперерабаты-

вающих мощностей и всю систему распределения жидкого и газообразного топлива, иностранный капитал в первой половине 60-х годов фактически монополизировал ключевые подразделения в энергетике АНДР, что заметно ограничивало независимость внутриэкономической политики молодого государства. Как и в Ливии, западные компании поддерживали здесь монопольно высокие цены на нефтепродукты, в частности, при помощи сильно завышенных (почти на 75% относительно западноевропейского уровня) издержек перегонки нефти (рассчитано по [98, с. 129]) на крупнейшем в то время предприятии страны вблизи столицы — собственности акционерного общества «Сосьете де ля раффинери д'Альже» (СРА), в котором доля участия государства составляла лишь 10%. Одновременно после провозглашения независимости резко замедлился приток зарубежных инвестиций в сбытовую сеть АНДР.

В 1967 г. «Сонатрак» выкупила на довольно выгодных для себя финансовых условиях активы «БП, Алджириа» (в качестве компенсации с материнской компанией «Бритиш Петролеум» был заключен контракт на снабжение Алжира в течение ряда лет смазочными материалами). В результате государственная фирма овладела 18% заправочных станций и расширила участие в СРА до 20,4%. Чуть позже секвестр и последующая национализация собственности большинства американских нефтяных фирм в АНДР позволили повысить долю государства здесь до 49 и 44% соответственно⁴. Став основным акционером СРА (другими пакетами акций в размере 32 и 24% продолжали владеть филиалы «Компани франсэз де петроль» (КФП) до 1971 г. и «Ройал Датч-Шелл» до 1970 г. соответственно), Алжир смог осуществить пересчет производственных затрат и снизить их более чем на $\frac{1}{4}$ — мера, реализации которой он безуспешно добивался с 1965 г. Причем это решение имело обратную силу со времени ввода предприятия в строй, т. е. с апреля 1964 г. Наконец, в 1968 г. введена государственная монополия на продажу нефтепродуктов и газа на внутреннем рынке АНДР — мероприятие, в результате которого этатизация здесь впервые затронула и французские нефтяные интересы [98, с. 128—129, 136—137; 175, с. 118—119, 131].

К концу 60-х годов государственная собственность в сфере использования углеводородного сырья стала расширяться преимущественно за счет нового капитального строительства. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от большинства нефтеэкспортирующих государств Ближнего Востока и Ливии, где нефтеперерабатывающие и нефтегазохимические предприятия создавались либо как исключительно иностранная собственность, либо с преобладающим участием зарубежных инвесторов, в АНДР единственным владельцем или, реже, основным пайщиком в подобных проектах неизменно выступает «Сонатрак». В 1970 г. начал эксплуатироваться полностью принадлежащий этой фирме первый в Алжире газохимический комплекс по производству аммиака и азотных удобрений в г. Арзеве, где также проводилось строительство вто-

рого по мощности нефтеперерабатывающего предприятия японскими под-
рядчиками.

Перечень отличительных особенностей алжирской нефтяной политики и деятельности «Сонатрак» был бы неполным без анализа заметно возросшей роли последней в экспорте сырой нефти уже во второй половине 60-х годов⁵. Отсутствие опыта самостоятельных операций на международном нефтяном рынке и ряд других моментов обусловили длительное отставание большинства национальных нефтяных компаний в этой области, сохранив за транснациональными корпорациями рыночные позиции без принципиальных количественных изменений на несколько лет после ликвидации концессионной системы старого типа в 70-е годы. Напротив, «Сонатрак» в плане разносторонней подготовки к этому мероприятию заблаговременно начала обеспечивать внешние рынки для своей продукции (табл. 6).

Таблица 6

Доля «Сонатрак» в экспорте нефти
и газового конденсата из Алжира *,
млн. т

	1967 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1974 г.
Экспорт, всего	36,4	42,1	46,0	34,0	46,6	42,1
В том числе «Сона- трак»	6,4	8,0	10,0	23,0	33,9	30,7
%	18	19	22	68	73	73

* Составлено и рассчитано по [208, с. 29; 383, 1970, № 1150, с. 57].

Накануне и непосредственно после национализации в 1971 г. французских концессионных компаний «Сонатрак» заключила несколько средне- и долгосрочных контрактов на поставки за рубеж нефти, конденсата и нефтепродуктов общим объемом свыше 40 млн. т ежегодно. Количественно это примерно соответствовало максимальному уровню нефтедобычи за вычетом внутреннего потребления жидкого топлива. Наиболее крупные соглашения были подписаны с независимыми фирмами США, ФРГ и испанской государственной нефтяной компанией. Но среди контрагентов алжирской фирмы оказалось также несколько крупнейших монополий из американской «большой пятерки» и англо-голландский участник МНК [175, с. 125—126]. Умело используя одновременно высокую конъюнктуру на мировом нефтяном рынке, Алжир в целом успешно избежал серьезных трудностей со сбытом продукции национализированных предприятий.

На фоне перечисленных впечатляющих успехов гораздо скромнее выглядели результаты усилий АНДР по пересмотру условий основных концессий, предоставленных французским компаниям.

Несмотря на модификацию ряда их статей в соответствии с франко-алжирским «Соглашением о нефти и газе» от 1965 г., неравноправная по своей природе концессионная практика не претерпела принципиальных изменений. Финансовые условия эксплуатации алжирских нефтегазовых ресурсов иностранным капиталом приблизились к уровню нефтеэкспортирующих государств Ближнего Востока, однако остались все же заметно менее выгодными для североафриканского концедента. Так, средние (невзвешенные) поступления в алжирский бюджет от каждого барреля нефтяного экспорта в 1966—1969 гг. уступали более чем 26% доход^{дм} Ирака за тот же период (рассчитано по Прил., табл. 1). В действительности отставание было значительнее с учетом превосходства в качестве алжирского сырья и особенно его близости к западноевропейскому рынку. Значение этой географической позиции резко возросло в связи с закрытием Суэцкого канала в 1967 г. В «жестких» рамках франко-алжирского соглашения этими преимуществами пользовались исключительно компании-концессионеры. Неоднократные инициативы Алжира с целью привести закрепленную договорно систему расчетов в соответствие со значительными переменами в рыночной ситуации наталкивались сначала на obstruction, а затем на заведомо неудовлетворительные контрпредложения французской стороны.

Позиция АНДР на переговорах с Францией о повышении концессионных отчислений серьезно ослаблялась политикой крупнейшего экспортера «средиземноморской нефти» — монархической Ливии. Последняя, несмотря на заключенный в 1968 г. ею договор о сотрудничестве с Алжиром, вплоть до свержения королевского режима не оказывала никакой поддержки этому государству, продолжая свою соглашательскую линию во взаимоотношениях с нефтяными ТНК.

Таким образом, на рубеже 60-х и 70-х годов явно обострялось противоречие между быстро нараставшим материально-техническим, кадровым потенциалом Алжира, стремлением стоящей у власти национальной демократии к подлинной экономической самостоятельности страны и архаичной концессионной системой в ключевой отрасли ее хозяйства. Оно нашло свое разрешение в ликвидации этой системы в феврале 1971 г., впервые осуществленной государством — членом ОПЕК.

Глава IV

ЛИВИЯ И АЛЖИР НА РЕШАЮЩЕМ ЭТАПЕ БОРЬБЫ ЗА КОНТРОЛЬ НАД НЕФТЕГАЗОВЫМ ХОЗЯЙСТВОМ (1970—1974)

Исключительно благоприятные условия для успешной борьбы нефтеэкспортирующих стран за экономическое освобождение в начале 70-х годов были подготовлены общим изменением в соотношении сил на международной арене в пользу мира и социализма, а

также новым мощным подъемом антиимпериалистической борьбы. Важными конкретными предпосылками, непосредственно стимулировавшими активное наступление на позиции иностранного нефтяного капитала, стали необратимые сдвиги стоимостных пропорций и резкое повышение конъюнктуры на мировом рынке энергетического сырья в сочетании с изменившейся ситуацией внутри ОПЕК.

На рубеже 60-х и 70-х годов темпы роста энергопотребления в промышленно развитой зоне капиталистического мира достигли своего пика: сказывались сравнительная дешевизна основных энергоносителей в предшествующий достаточно длительный период, а позже и синхронное наступление фазы циклического подъема. Причем в наибольшей степени спрос возрастал на самые высококачественные и дефицитные виды топлива. Дальнейшее же расширение их производства на прежней низкой стоимостной основе, напротив, встречало все более серьезные препятствия технико-экономического характера (практически максимально интенсивная эксплуатация ресурсов «дешевых» углеводородов в государствах развитого капитализма, за исключением их стратегических резервов, и прежде всего в США, которые быстро становились крупным нетто-импортером жидкого топлива), тесно переплетавшиеся с социально-экономическими, политическими и военно-стратегическими факторами, включая эволюцию политики крупнейших экспортеров сырья и целый ряд других. Например, такие, казалось бы, не столь существенные для менее напряженной рыночной ситуации события, как подъем забастовочного движения в угольной промышленности и ограничительные меры в отношении высокосернистого твердого топлива, в сочетании вызвали двукратное повышение цен на уголь высших сортов в США во второй половине 1969 г. и в первой половине 1970 г., обострив конкуренцию между его потребителями для энергетических и неэнергетических целей. Вообще же, по мнению ряда советских и зарубежных авторов, первая волна кризисных процессов в энергохозяйстве капиталистического мира, если рассматривать их прежде всего с наиболее существенной стороны — как ломку старых стоимостных и ценовых пропорций, — зародилась именно в угледобыче и затем охватила вскоре другие отрасли данного комплекса.

Что касается расстановки сил в рамках ОПЕК, то на нее весьма заметно повлияла антиимпериалистическая революция в Ливии, свергнувшая феодально-монархический режим короля Идриса. Учитывая сильно возросший удельный вес этой страны в капиталистическом нефтяном экспорте, можно оценить воздействие ее сырьевой стратегии как на рыночную ситуацию, так и на две противоборствующие тенденции, которые все четче обозначались в лагере развивающихся государств — экспортеров жидкого топлива к концу 60-х годов. Национально-демократическая программа нового ливийского режима довольно рано выявилась в его внутри- и внешнеполитических мероприятиях и способствовала значительному усилению прогрессивного крыла, представленного

среди участников ОПЕК к тому времени прежде всего Алжиром и Ираком, в противовес консервативной группе, основу которой составляли нефтяные монархии региона Персидского залива.

После сентябрьской революции 1969 г. экономическая политика Ливии, включая в качестве основного и «нефтяной» вопрос, претерпела коренные изменения, стала последовательно антимонополистической, активной, наступательной. Уже через несколько месяцев страна выдвинулась на роль лидера фронта государств — экспортеров нефти. Важную роль в этом сыграл субъективный фактор — позиция нового ливийского руководства во главе с М. Каддафи. Но в полной мере этот фактор мог проявиться лишь при наличии благоприятных объективных условий, которые сложились в самой Ливии и вокруг нее на рубеже 60-х и 70-х годов:

— беспрецедентно быстрый рост экспорта ливийской нефти до максимального уровня 158,6 млн. т в 1970 г., благодаря чему Ливия занимала второе место в мире и среди стран — членов ОПЕК после Ирана;

— прочные позиции на рынке крупнейшего нефтенмортирующего региона капиталистического мира — Западной Европы, куда в 1970 г. направлялось 93,6% ливийского экспорта по физическому объему. В общем импорте западноевропейских государств — 591 млн. т — на долю ливийской нефти приходилась четвертая часть (рассчитано по [284, с. 73, 99, 123; 103, с. 223]). Поэтому после возникновения конфликта между ливийским революционным режимом и иностранными концессионерами западноевропейские правительства были заинтересованы прежде всего в его скорейшем урегулировании и гарантиях стабильного поступления нефти из Ливии, а не в защите узких интересов нефтяных компаний, к тому же преимущественно американских.

В условиях оживления роста промышленного производства в 1969—1970 гг. после некоторого его застоя в 1967—1968 гг. и быстро расширявшегося потребления, а соответственно импорта жидкого топлива, зависимость Западной Европы от поставок ливийского сырья особенно усилилась после временных закрытий Трансаравийского нефтепровода «Тэплайн» в 1969—1970 гг., вследствие чего потребители данного региона лишались поставок из Саудовской Аравии на уровне 25 млн. т нефти в год, отгружаемой через средиземноморские порты. До начала 70-х годов гражданская война в Нигерии, вызванная сепаратистским движением в Биафре — основной нефтедобывающей провинции страны, также существенно осложняла снабжение западноевропейского нефтяного рынка прежде всего наиболее высококачественными видами этого сырья. Вследствие военных действий вывоз жидкого топлива этим государством, занимавшим в Африке в 1966 г. по его экспорту третье место после Ливии и Алжира, в дальнейшем резко сократился и возобновил свой рост лишь к концу десятилетия;

— нефтяные компании могли бы существенно увеличить производство на нефтепромыслах района Персидского залива, однако соответствующему расширению вывоза нефти оттуда препятствовал

острый дефицит танкеров. Максимальное использование наливного флота капиталистических стран, в том числе старых, малотоннажных судов, привело к пяти-шестикратному взлету ставок на «свободном» фрахтовом рынке в конце 1969 г. и в 1970 г. Чтобы заменить один танкер ливийской нефти в среднем требовалось зафрахтовать почти три танкера. В результате цена доставки тонны нефти из Персидского залива в Северо-Западную Европу (вокруг мыса Доброй Надежды) приблизилась к 25 долл. по сравнению со средним уровнем 2,5 долл. на протяжении 60-х годов [175, с. 53, 56—57; 337, с. 182, 186];

— позиции Ливии по отношению к международным нефтяным компаниям, действовавшим на ее территории, значительно усиливались отсутствием сплоченности в их рядах. К концу 60-х годов Ливия была фактически единственным участником Организации стран-экспортеров нефти, где монополии — члены Международного нефтяного картеля не занимали доминирующих позиций, а большая часть — свыше 60% — нефтедобычи приходилась на долю «независимых» государственных и частных компаний (рассчитано по [284, с. 75]). Правда, похожая ситуация сложилась и в Алжире, но здесь было заметное преобладание французских нефтедобывающих фирм, которые действовали единым фронтом. Напротив, между «независимыми» и членами МНК в Ливии в 60-е годы не прекращалась конкурентная борьба, в особенности по вопросу о ценах.

Для многих некартелированных фирм Ливия была основной сырьевой базой для всех их операций. Так, из 130 млн. т нефти, которую добывали ежегодно около 40 американских аутсайдеров за пределами США, к концу того же десятилетия более 80 млн. т приходилось на Ливию. Причем среди «независимых» компаний выделялась «Оксидентал Петролеум Корп.» («Окси»), для которой эта страна была единственным источником сырой нефти. Уже в 1969 г. «Окси» смогла занять второе место после «Эссо» среди иностранных компаний — владельцев концессий в Ливии по добыче нефти и, доведя уровень ее производства до 40 млн. т в год к началу 1970 г., имела возможность выдвинуться здесь в лидеры, если бы не введенные вскоре ливийским правительством ограничения [140, с. 110—111; 337, с. 185]. Инвестиции «Оксидентал Петролеум Корп.» в этой стране достигли 450 млн. долл., что составляло около 18% общей суммы ее активов в том же году. Именно благодаря ливийской нефти эта фирма, никогда ранее не фигурировавшая в списке крупнейших корпораций, выдвинулась на пятое место среди американских «независимых» нефтяных компаний (соответственно на десятое место в этой отрасли в целом по США, учитывая также членов картеля) по сумме продаж и на третье (восьмое с учетом картелированных монополий) место по чистой прибыли после вычета налогов в 1970 г. (рассчитано по [278, с. 401; 366, 1971, т. XXXIII, № 5, с. 163]). Таким образом, «Окси» демонстрировала наиболее характерный крайний случай относительно слабой (по сравнению с участниками МНК)

диверсификации сырьевой базы аутсайдеров и соответственно их повышенной уязвимости;

— Ливией были накоплены крупные валютные резервы, которые в случае необходимости позволили бы обеспечить малочисленное население этой страны импортными товарами на протяжении примерно трехлетнего периода, т. е. достаточно долго, чтобы выдержать возможный бойкот. О прочности валютно-финансового положения ливийского государства в 1970 г. свидетельствует отношение его официальных золотовалютных резервов (по состоянию на конец года) к стоимости годового импорта, равное 2,87 (рассчитано по [31, с. 98, 183]). Так что послереволюционной Ливии не угрожали незамедлительные финансовые трудности, с которыми столкнулось, например, правительство Мосаддыка в Иране в 1951—1953 гг.

В Ливии конца 60-х и начала 70-х годов можно было наблюдать все противоречия, присущие капиталистической нефтяной промышленности, доведенные до крайнего обострения: между международными нефтяными монополиями и развивающимися странами — экспортерами нефти, между последними и развитыми капиталистическими государствами — импортерами углеводородного сырья, между монополиями — членами Международного нефтяного картеля и аутсайдерами. В Ливии отчетливо проявились глубокие структурные диспропорции, связанные с территориально-географическим разрывом между источниками добычи сырой нефти и центрами потребления жидкого топлива, сосредоточением производства и использования этого сырья в различных группах государств мировой системы капитализма, и многие другие противоречия. Ливия стала наиболее слабым «звеном в цепи» империалистической эксплуатации ресурсов нефтеэкспортирующих государств, где в 1970 г. начался прорыв этой цепи после вызревания необходимых объективных и субъективных предпосылок, внутренних и внешних условий.

Уже вскоре после сентябрьской революции 1969 г. были выработаны главные направления нефтяной политики Ливийской Арабской Республики (ЛАР), которые в основном остаются в силе до настоящего времени. В общих чертах они сводятся к следующему: максимизация дохода от каждой физической единицы добываемой нефти, регулирование (на первом этапе — сокращение) производства в целях сохранения месторождений и рационального использования экспортной выручки, быстрое расширение деятельности ливийской Национальной нефтяной компании «Нэшнл Ойл К°» (НОК или иногда ЛНОК) и развитие национального нефтяного сектора как в сфере «восходящих» операций — от разведки до добычи, так и «нисходящих» — транспортировки, распределения, переработки, нефте- и газохимии.

Начало наступлению Ливии на позиции иностранных нефтяных компаний-концессионеров и одновременно утверждению государственного суверенитета над своими природными богатствами было

положено в январе 1970 г. переговорами о повышении справочных цен, имеющем обратную силу. Иначе говоря, от нефтяных компаний требовалась компенсация разницы между фактическими платежами, произведенными на старых условиях, и суммами, которые причитались за экспортированную с 1 января 1965 г. нефть, рассчитанными на основе новых справочных цен и отмены скидок. Компенсация могла быть произведена либо в виде единовременного взноса наличными, либо путем повышения ставки налога на прибыли компаний-концессионеров с 50 до 53—55% [285, с. 131—132]. Именно на данном участке «нефтяного фронта» тогда открывались наилучшие перспективы достижения успеха.

Вначале компании отвергли требования правительства. Но они стали постепенно сдавать свои позиции, когда в мае того же года Ливия впервые в истории нефтедобывающей промышленности на Ближнем Востоке приступила к осуществлению следующего пункта своей программы — последовательному сокращению разрешенного максимального уровня нефтедобычи. Для нее этот вопрос имел большое самостоятельное значение, так как слишком высокие темпы разработки начинали истощать месторождения. В частности, как показывает даже грубая прикидка, на концессии «Оксидентал Петролеум Корп.» уровень добычи превышал технически оптимальный максимум, достигнув примерно 8% доказанных запасов в начале 1970 г. Поэтому нельзя с уверенностью утверждать, было ли это сокращение с самого начала дополнительным средством давления на концессионеров. Но на практике административное понижение нефтедобычи быстро доказало свою эффективность, и относительно сознательного использования этого оружия в дальнейшем не возникает сомнений, хотя официальных сообщений на этот счет и не было.

Опыт показал новому ливийскому руководству, что в своем отношении к инициативам государственной власти крупнейшие монополии — члены «большой семерки» и аутсайдеры поменялись ролями. Политика первых всегда определялась глобальными интересами. Если раньше они и могли временно блокироваться с королевским режимом, чтобы предотвратить чрезмерное сближение цен «независимыми», то теперь уже требования нового правительства, особенно об увеличении подоходного налога и об обратной силе новых условий, угрожали создать (и действительно создали) весьма «опасный» прецедент, подрывающий самые устои традиционной системы концессий. Поэтому члены картеля, хотя и опасались лишиться поставок ливийской нефти, испытывали тревогу прежде всего за судьбу своих наиболее обширных владений в районе Персидского залива, где они могли потерять гораздо больше, а также в других странах. Например, непосредственно затрагивались позиции «Ройал Датч-Шелл» в Нигерии, соглашение с которой содержало пункт о режиме «наиболее благоприятствующей африканской нации». В противоположность МНК у аутсайдеров, и в первую очередь у «Оксидентал Петролеум Корп.», не только практически все зарубежные интересы были поставлены

на карту, но даже само их дальнейшее независимое существование было тесно связано с продолжением операций в Ливии.

Поэтому, когда после сравнительно умеренного сокращения добычи в мае 1970 г. «Окси» было предъявлено летом более серьезное требование о немедленном уменьшении производства, так что в целом его уровень упал с 40 млн. т в год до 20 млн., и на территорию ее концессии были введены ливийские войска, компания согласилась удовлетворить все требования. Эта победа имела значение в дальнейшем как международно-правовой прецедент для всех стран — экспортеров нефти. Достижения Ливии в основном сводились к следующему:

1) были повышены справочные цены с 1 января 1971 г. на 30 центов за баррель (с 2,23 до 2,53 долл.) на нефть плотностью 40° АПИ, ликвидированы все скидки, кроме премий и скидок за качество, что ознаменовало начало перехода контроля над ценообразованием в руки нефтеэкспортеров;

2) был разрушен незыблемый на протяжении 20 лет принцип неизменности ставки подоходного налога в уже действующих концессионных соглашениях (была повышена до 55%);

3) впервые в истории нефтедобывающей промышленности концессионеры были вынуждены принять принцип обратной силы новых соглашений, предполагающий компенсацию за низкие цены ливийской нефти в прошлом, в соответствии с которым все они обязывались выплатить дополнительно общую сумму около 590 млн. долл. [314, с. 278—279].

Ливийский опыт ценен в особенности тем, что здесь впервые за послевоенный период успешно была применена сила экономического принуждения нефтедобывающим государством — крупным экспортером нефти — против нефтяных монополий. Вслед за «Окси» эти условия приняла другая американская независимая фирма, «Континентл», в сентябре уже большинство, а к декабрю 1970 г. — почти все компании-концессионеры, включая членов Международного нефтяного картеля. Предприятие «Филлипс Петролеум К°», единственной фирмы, не достигшей соглашения с Ливией, было национализировано в том же году.

Со ссылкой на заявление руководства «Оксидентал Петролеум Корп.» американский исследователь М. Танзер упоминает отказ ей со стороны действующих в Ливии членов МНК в просьбе компенсировать сокращение производства в этой стране поставками нефти с их предприятий. Для объяснения выдвигаются две версии: члены «большой семерки» сами склонялись к ценоповышательной тактике или ставили цель устранить «Окси» как сильного конкурента, не поддерживав эту фирму в конфликте с ливийским правительством. На наш взгляд, их следует рассматривать как взаимодополняющие, а не взаимоисключающие. Однако автор приводит аргументацию только в пользу первой версии, утверждая, что если бы картель действительно захотел предотвратить рост справочных цен, то легко мог бы предоставить «Оксидентал Петролеум Корп.» дешевую нефть [336, с. 121—122].

С этим доводом также нельзя вполне согласиться. Во-первых, вертикальная интеграция позволяла монополиям — участникам МНК использовать весьма обширный арсенал приемов для вздувания рыночных цен конечных продуктов нефтепереработки, ссылаясь, например, на вздорожание фрахта. Справочные цены служили им в дальнейшем важным, но отнюдь не единственным предлогом, значительно отставая от рыночной стоимости готовой продукции, да и от цен сырья на «свободном» рынке вплоть до рубежа 1973—1974 гг. Во-вторых, наиболее доступные сырьевые ресурсы в 1970 г. оказались ограничены и картель мог либо пожертвовать частью прибылей, либо продать «Окси» нефть из отдаленных районов, что ставило перед вероятным покупателем проблему ее транспортировки.

Своими победами Ливия в немалой степени обязана поддержке ОПЕК, но определяющую роль как на рассматриваемом этапе, так и в дальнейшем сыграло единство действий прежде всего прогрессивных стран — членов этой организации. Наиболее радикальные резолюции принимались именно под их влиянием и закрепляли успехи, уже достигнутые ими, зачастую даже вопреки воле некоторых реакционно-монархических режимов. Так, за повышением цен Ливией последовал в сентябре 1970 г. рост цен на нефть, вывозимую из портов Восточного Средиземноморья, а в ноябре того же года — и на жидкое топливо, отгружаемое из портов Персидского залива.

В сентябре 1970 г. ОПЕК приняла резолюцию № 120, в которой предусматривалось изменить систему ценообразования на нефтяном рынке в пользу стран-производителей, в том числе унифицировать справочные цены, приняв за основу максимальные; добиться их повышения с учетом качества и географического положения источников нефти относительно основных центров потребления, отменить с января 1971 г. все скидки со справочных цен и увеличить минимальную ставку подоходного налога на компании-концессионеры с 50 до 55%. В этой резолюции фактически закреплялись достигнутые к тому времени Ливией успехи и не содержалось никаких принципиально новых положений. Причем еще перед тем как решения XXI конференции были доведены до сведения международных нефтяных корпораций, Ливия, Ирак и Алжир потребовали нового повышения концессионных отчислений.

Это продемонстрировало расхождение их позиций с так называемыми «умеренными» внутри ОПЕК, которые не хотели обострять отношения с государствами развитого капитализма и их монополиями. Состав консервативной группы не был постоянным, между ее участниками возникали свои достаточно острые конфликты, однако со второй половины 60-х годов наиболее активную роль в ней неизменно играла Саудовская Аравия, ставшая в 70-е годы уже признанным лидером правых в рамках Организации стран — экспортеров нефти.

Совпадение интересов, целей и радикализм методов борьбы с иностранными нефтяными монополиями сделали национально-де-

мократические режимы Ливии, а также Алжира и Ирака естественными союзниками, что проявилось в ряде их совместных действий. В мае 1970 г. три страны создали единый фронт для координации усилий в этой области и учредили специальный фонд взаимопомощи, чтобы компенсировать возможные финансовые потери его членов от конфронтации с западными нефтяными компаниями. Это значительно укрепило позиции Ливии на переломном этапе ее борьбы с компаниями-концессионерами за пересмотр справочных цен летом 1970 г. Опираясь на достигнутые ею в 1970 г. успехи, три страны расширили наступление на позиции иностранных компаний-концессионеров, однако натолкнулись на сопротивление не только со стороны последних, но и монархических режимов стран района Персидского залива — членов ОПЕК. Английские авторы К. Тьюгендхэт и А. Гамильтон небезосновательно считают эти разногласия основной причиной, несколько замедлившей процесс ликвидации неокOLONиальной системы ценообразования на рынке жидкого топлива.

В начале 1971 г. наиболее глубокие расхождения между двумя группами участников организации проявились в вопросе о взаимоотношениях с концессионными компаниями. Западные, в большинстве своем американские, нефтяные корпорации, заручившись официальной поддержкой администрации США, заключили специальное соглашение для переговоров с ОПЕК и сформировали объединенную группу, в которую вошли все члены МНК («большая семерка» вместе с КФП) и некартелированные фирмы — владельцы концессий в Ливии, кроме государственных компаний — ЭНИ и ЭРАП. Позже к этим коллективным участникам переговоров присоединилось еще 11 «независимых» компаний. Алжир и Ливия резко отрицательно встретили данную инициативу, справедливо считая ее попыткой нефтяных корпораций навязать свои условия и внести раскол в ряды ОПЕК. На этом основании они категорически выступили против контактов с объединенной делегацией монополий, за проведение их на строго индивидуальной основе. Монархические режимы стран Персидского залива, напротив, приняли предложение западных нефтяных корпораций о процедуре переговоров. 14 февраля 1971 г. они завершили в Тегеране подписание соглашения о ценах на нефть, экспортируемую из портов данного региона.

Тегеранское соглашение в целом справедливо высоко оценивается большинством исследователей как важный успех коллективных усилий нефтеэкспортирующих государств и переломный момент в борьбе этой группы развивающихся стран с ТНК за суверенитет над своими природными богатствами. Четко обозначился необратимый, хотя и постепенный, переход от монополий-арендаторов к владельцам топливно-сырьевых ресурсов контроля над ограниченной, но очень важной областью — ценообразованием на мировом капиталистическом рынке жидкого топлива.

Нельзя, однако, не отметить и ряд недостатков этого соглашения с позиций радикально-антиимпериалистических сил. Оно со-

держало такую серьезную уступку зарубежным компаниям, как гарантия стабильности утвержденной системы для расчета справочных цен в течение пяти лет; соглашение не имело обратной силы. Важнейшим для иностранных монополий представлялось юридически закрепленное в Тегеране обязательство производителей нефти района Персидского залива не поддерживать никаких акций других продуцентов, направленных на более значительное повышение цен, чем обусловлено данным договором или санкционировано резолюциями ОПЕК. Консервативная группа этой организации заверила нефтяные компании, что даже в случае заключения любого соглашения об экспорте жидкого топлива на более выгодных для продавцов условиях она не потребует соответственного улучшения пунктов данного договора. В преддверии переговоров об условиях экспорта из портов, ближе расположенных к основным рынкам сбыта в Западной Европе и США, чем порты Персидского залива, т. е. о поставках прежде всего «средиземноморской» и африканской нефти, два последних параграфа были явно нацелены против Алжира, Ирака и Ливии [337, с. 187—192; 340, с. 238—240].

Итак, иностранным нефтяным монополиям в 1971 г. удалось внести разногласия в ряды ОПЕК, изолировать, правда на короткий срок, страны с прогрессивными режимами, ограничить определенными рамками повышение справочных цен на нефть и таким образом немного отдалить окончательную ликвидацию неоколониальной системы ценообразования на капиталистическом нефтяном рынке. Тем не менее и в этой, не самой благоприятной ситуации Ливии удалось 2 апреля 1971 г. подписать с западными компаниями в Триполи соглашение на более приемлемой для страны-продуцента основе. Основное его преимущество перед тегеранским сводилось к тому, что ливийское правительство настояло на законодательном закреплении обязательства концессионеров реинвестировать определенную часть их прибылей в поддержание продуктивности эксплуатируемых месторождений, в использование попутного нефтяного газа или вкладывать эти суммы в разведку². Ливийские принципы послужили базой для пересмотра условий экспорта жидкого топлива из средиземноморских и отчасти из западноафриканских портов. Уже вскоре они нашли наиболее полное отражение в нефтяном законе АНДР от 12 апреля 1971 г., а также в соглашении Нигерии с основным концессионером — группой «Шелл—БП».

Единство действий Алжира, Ливии и Ирака помогло им добиться гораздо более крупных успехов на другом важнейшем направлении борьбы за суверенитет над природными ресурсами. В феврале—апреле 1971 г. Алжир первым среди развивающихся стран—членов ОПЕК полностью ликвидировал режим концессий в своей нефтедобывающей промышленности, проведя национализацию 51% активов французских монополий, которые эксплуатировали основную часть концессионных территорий в стране. По принятому в апреле 1971 г. новому «нефтяному» законодательст-

ву зарубежные компании допускались в эту отрасль алжирской экономики только в качестве партнеров или подрядчиков «Сонатрак», которая во всех смешанных предприятиях имеет не менее 51% участия и, кроме того, которой принадлежит роль управляющего и оператора. К началу 1972 г. в распоряжение «Сонатрак» перешли полностью все месторождения природного газа и добыча этого сырья, а также все нефте- и газопроводы на алжирской территории.

Алжир выравнивал свою систему налогообложения филиалов иностранных нефтяных фирм с другими государствами — членами ОПЕК; «ройалти» были выделены в самостоятельный вид платежей (ранее рассчитывались как аванс в счет подоходного налога), а налоги на прибыли стали взиматься исходя из справочных цен (до этого для французских фирм они определялись на основе менее выгодных для АНДР «расчетных» цен). Был ограничен также перевод за рубеж всех прибылей от нефти, оставшихся после уплаты налогов, и твердо зафиксированы суммы в расчете на каждый добытый баррель, которые подлежали реинвестированию в повышение продуктивности месторождений, разрабатываемых иностранным капиталом совместно с «Сонатрак», и в разведочные работы на нефть. АНДР, как и Ливия, начала самостоятельно определять уровень справочных цен, которые были повышены по сравнению с расчетными в среднем с 2,08 долл. за барр. до 3,6 долл., в зависимости от качества и местоположения алжирской нефти, в соответствии с условиями Триполийского соглашения [289, с. 158—159; 163, Прил.]. В итоге Алжир добился полного и безусловного права решать все вопросы развития своей нефтегазовой промышленности.

Мероприятия по национализации 1971 г. вызвали продолжительный и глубокий кризис в отношениях Алжира с Францией. Среди внешних факторов, которые помогли преодолеть последствия французского эмбарго на импорт алжирской нефти и других дискриминационных акций, отмечались поддержка социалистических стран, а также умело использованные межимпериалистические противоречия. Для целей данного исследования важно выделить солидарность с АНДР стран—экспортеров нефти и немаловажную практическую поддержку со стороны Ливии — она по своей инициативе открыла Алжиру кредит на сумму 100 млн. долл. [296, с. 182].

Алжирский опыт уже в декабре 1971 г. был использован Ливией, которая национализировала принадлежавшую монополию «Бритиш Петролеум» (ее филиалу «БП Эксплорейшн К° (Либия) Лтд.») часть активов в концессии на одном из крупнейших нефтяных полей страны, Сарир, где нефтедобывающие мощности достигали 10 млн. т в год. До этого государство располагало лишь малопродуктивным нефтепромыслом национализированной в конце 1970 г. концессии «Филлипс Петролеум К°» — около 200 тыс. т в год.

С июня 1972 г. Ирак национализировал активы крупнейшего

концессионера на своей территории — «Ирак Петролеум К°». Немедленная поддержка была оказана ему со стороны СССР и ряда других стран социалистического содружества — первых покупателей продукции национализированных нефтепромыслов Киркука [24, с. 47]. В июне ОПЕК приняла решение о финансовой помощи Ираку, в соответствии с которым Ливия предоставила ему кредит на сумму 9,33 млн. ф. ст. В то же время Саудовская Аравия, Абу-Даби и Катар уклонились от выполнения принятых ими аналогичных обязательств по отношению к Ираку [266, с. 52, 54; 296, с. 59].

Национализация для развивающихся стран с прогрессивными режимами стала основным методом борьбы за эффективный государственный суверенитет в хозяйственной области, в том числе над природными ресурсами. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии об этой закономерности говорилось: «Наступление сил национального и социального освобождения на господство империализма проявляется в различных формах. Так, в странах, ориентирующихся на социализм, проводится национализация собственности империалистических монополий. Это позволяет укреплять и развивать государственный сектор, который является, по сути дела, экономической базой революционно-демократической политики». Одновременно было отмечено, что «не во всех бывших колониях и зависимых странах прогрессивные общественные изменения продвинулись так далеко» [14, с. 18, 19].

Принцип национализации встречал на протяжении всей истории ОПЕК сильное сопротивление консервативных кругов, в особенности со стороны Саудовской Аравии. Он так и не получил четко сформулированного и безоговорочного одобрения ни в одной резолюции этой организации. Хотя ОПЕК и выражала в своих решениях поддержку конкретных акций такого рода некоторых государств-участников, например Ирака, это выглядело лишь как вынужденное признание крайней меры в исключительных случаях, когда всеми другими средствами воздействия на нефтяные компании не удавалось достичь удовлетворения законных требований страны-производителя, уже одобренных и закрепленных ранее резолюциями ОПЕК. Кроме того, в случае с Ираком, например, непосредственно затрагивались интересы других нефтеэкспортеров Персидского залива, что также повлияло на их позицию. Этими решениями не утверждалось неотъемлемое и неограниченное право владельцев природных ресурсов на их национализацию как суверенный односторонний акт публичной власти государства-производителя и самостоятельное определение ее условий.

В программном документе ОПЕК — «Заявлении об основных направлениях политики стран-членов», которое было принято на ее XVI конференции в 1968 г., целью организации провозглашалось установление национального контроля над нефтяными ресурсами и их эксплуатация национальными предприятиями в интересах национальной экономики. В качестве главного пути достижения этой цели там провозглашено приобретение доли участия в

концессиях, т. е. выработка новых соглашений между государствами и иностранными концессионерами путем переговоров этих двух сторон и, следовательно, компромисс между ними. Незначительный шаг вперед был сделан на январской 1971 г. конференции ОПЕК в Тегеране. Там был подтвержден этот принцип и одновременно декларирована свобода действий стран-членов принимать необходимые меры для проведения его в жизнь [24, с. 51; 285, с. 4—5]. Более радикальное заявление, чем эта осторожная формулировка, противоречило бы интересам реакционных кругов в рамках данной международной организации. Консервативное крыло не хотело связывать себя твердыми обещаниями как относительно собственной политики в области контроля над нефтяной промышленностью, так и в особенности по поводу безусловной поддержки мероприятий других государств-участников ОПЕК, которая могла бы втянуть «умеренные» режимы в серьезную конфронтацию с иностранными монополиями.

Поэтому, выдвигая более радикальные требования к компаниям-концессионерам, прогрессивные государства-производители жидкого топлива зачастую вынуждены были действовать «на свой страх и риск». Так, Ливия не смогла получить единодушной поддержки национализации в декабре 1971 г. активом «Бритиш Петролеум» хотя бы в форме резолюции на очередной конференции ОПЕК в марте 1972 г. Действенную поддержку ей оказали в тот период страны социалистического содружества: за 1972—1973 гг. СССР закупил 3580 тыс. т национализированной ливийской нефти (рассчитано по [60а, с. 284]); Болгария и Румыния также расширили закупки жидкого топлива в этой стране [284, с. 98—99; 285, с. 13].

В 1972 г. Ливия продолжила политику расширения государственного сектора в нефтяной промышленности, применив новую для этой страны форму. В сентябре было подписано соглашение с фирмой ЭНИ. Ливия получила 50% участия в концессии, разработку которой вела дочерняя компания этой итальянской группы — «Аджип минерария».

Дальнейшее существование концессионной системы в консервативных монархических арабских государствах на фоне успехов стран прогрессивной ориентации становилось слишком односторонним и было чревато внутрисполитическими осложнениями. Эти успехи не могли не вызвать серьезной озабоченности нефтяных монополий, особенно членов МНК, за судьбы концессионных владений. Монополии постепенно смирились с необходимостью некоторых изменений, конечно, на возможно более выгодных для себя условиях, чтобы предотвратить дальнейшее распространение радикальных методов национализации, примененных Алжиром, Ливией и Ираком.

В конце 1971 г. начались переговоры ряда нефтедобывающих государств-членов ОПЕК с девятью ведущими международными монополиями — владельцами концессий о приобретении доли участия. Среди этих стран, естественно, не было Алжира, для кото-

рого данный этап остался далеко позади. Уже на ранней стадии из состава делегации ОПЕК вышли Ливия и Нигерия. Как объяснялось в опубликованном позднее издании ливийского министерства нефти, «ЛАР добивалась достижения активного и реального участия, а не просто символического участия» [285, с. 4—5]. Ближе к окончанию переговоров делегацию покинул Иран, а Ирак отказался подписать соглашение до урегулирования разногласий с ИПК. Соглашение о долевом участии национальных компаний в разработке нефтяных месторождений (так называемое Нью-Йоркское соглашение 1972 г.) было со стороны ОПЕК подписано лишь четырьмя ее членами — Саудовской Аравией, Кувейтом, Абу-Даби и Катаром. Условия этого договора были значительным шагом назад по сравнению с результатами национализации 51% активов французских нефтегазовых компаний в Алжире в 1971 г.

Принимая достижения АНДР в качестве эталона, Ливия после трудных переговоров в 1973 г. добила соглашения о 51% участия в дочерней компании «Оксидентал оф Либиа, Инк.» с материнской фирмой «Оксидентал Петролеум Корп.» (подписано 12 августа), а затем с большинством членов группы «Оэйси Ойл К° оф Либиа, Инк.» (подписано 16 августа), среди которых филиалы трех других американских аутсайдеров — «Амерада Хес», «Петролеум Корп.», «Континентал Ойл К°» и «Маратон Ойл К°». Основные преимущества алжирского и ливийского вариантов участия по сравнению с Нью-Йоркским соглашением сводятся к следующему.

1. Немедленное участие в размере 51% во всех «восходящих» операциях в противоположность длительному, постепенному переходу от 25% в 1973 г. до 51% в 1983 г.

2. Установление размера компенсации по чистой балансовой стоимости активов компаний за вычетом амортизации без искусственной поправки на инфляционное обесценение, предусмотренной в Нью-Йоркском соглашении. По оценке советских специалистов Р. Н. Андреасяна и А. Д. Казюкова, эта поправка завышала компенсационные платежи в 2—4 раза [24, с. 53—54]. Аналогичные результаты дает сравнение их величин в расчете на единицу нефтедобывающей мощности у четырех аравийских и двух североафриканских продуцентов жидкого топлива (табл. 7).

Сопоставляя данные о компенсации, надо учесть, что удельные инвестиции в создание единичной нефтедобывающей мощности вместе с расходами на разведку превышали в Ливии в 2,2 раза и в Алжире в 3,4 раза аналогичные показатели для Саудовской Аравии и Кувейта в первой половине 60-х годов³. Это в особенности подчеркивает выгоды приобретения доли участия Алжиром и Ливией.

3. Немедленное поступление в полное распоряжение государственных компаний АНДР и Ливии их доли — 51% — сырой нефти, добываемой совместными предприятиями, в том числе право самостоятельно выходить с этой нефтью на внешний рынок. В Ливии иностранная компания могла получать правительственную

Таблица 7

Компенсационные платежи
долл. за мощность 1 барр. нефти в сутки *

Первый взнос участников Нью-Йоркского соглашения за приобретение 25% участия					Компенсация за 51% участия	
Саудовская Аравия	Кувейт	Абу-Даби	Катар	четыре страны в среднем	Ал-жир**	Ливия***
351	200	580	592	343	247	194

* Составлено и рассчитано по [208, с. 28; 289, с. 164—168; 328, с. 143, 151].

** Показатель для Алжира рассчитан автором, исходя из уровня добычи нефти филиалами французской фирмы КФП («Тоталь-Альжери») и группы ЭЛФ — ЭРАП («ЭЛФ — Альжери»), составившего на 1970 г., т. е. накануне национализации, 793,9 барр. в сутки, а также из стоимости всех национализированных в 1971 г. активов этих филиалов — 100 млн. долл., принятой АНДР в качестве основы для определения компенсации. Этот показатель не вполне сопоставим с данными о четырех государствах Персидского залива. Он несколько завышен, так как в Алжире национализация охватывала не только 51% нефтедобычи, но еще и всю газовую промышленность (не считая производства сжиженного газа) и полностью систему транспортировки всех видов углеводородного сырья, а общая сумма компенсации включала соответствующие инвестиции французских компаний в данные отрасли, которые составляли заметную часть национализированных активов.

*** Показатель для Ливии относится к участию в концессии «Оксидентал оф Либиа, Инк.».

долю нефти на основе справочных цен еще в продолжение максимум шести месяцев после подписания соглашения об участии. По истечении данного срока зарубежный партнер имел лишь предпочтительное право перед другими покупателями на приобретение этой доли сырой нефти, но уже на общих с последними условиях, т. е. на базе официальных продажных цен. Страны Персидского залива в первый, 1973 год действия Нью-Йоркского соглашения получали возможность распоряжаться лишь 2,5—6,25% добытой нефти. Только к 1992 г. эту долю предполагалось довести до 51%.

4. Полный контроль АНДР и Ливии над всеми операциями нефтедобывающих компаний с иностранным участием, реализуемый органами управления данными предприятиями со своей определенной структурой. В Ливии это комитеты из трех членов, двое из которых, включая председателя, — представители правительства, а третий — представляет иностранного партнера. Все решения, в том числе по наиболее важным вопросам деятельности

совместных компаний и о программах финансирования, приняты большинством голосов. Следовательно, гарантируется и полное соответствие политике ливийского правительства. Нью-Йоркское соглашение неоднозначно толковало проблемы производственной, экспортной, инвестиционной политики и ряда других областей деятельности, особенно для «переходного» периода 1973—1983 гг. Поэтому некоторые его положения в дальнейшем подлежали пересмотру [267, с. 14; 328, с. 143—146, 148].

Успешное завершение переговоров Ливии с иностранными нефтяными компаниями о 51% участии в «Оксидентал оф Либия, Инк.» и «Оэйсис Ойл К° оф Либия, Инк.» усилило оппозицию Нью-Йоркскому соглашению в странах Персидского залива. В Кувейте Национальное собрание, несмотря на усилия правительства, отказалось ратифицировать этот договор. Правящие круги эмирата в июне 1973 г. были вынуждены поставить вопрос о пересмотре его условий и в начале 1974 г. подписать новое соглашение уже о 60%-ном участии в «Кувейт Ойл К°». Была также принята в целом приближенная к «алжиро-ливийскому» принципу система компенсации на основе балансовой стоимости активов. Чуть позже соглашения о 60%-ном участии подписали Катар с двумя концессионными компаниями — «Катар Петролеум К°» и «Шелл оф Катар» и Саудовская Аравия с «Арамко». Все три договора имели обратную силу с 1 января 1974 г.

В то же время, как уже подчеркивалось советскими исследователями, права национальных компаний стран Персидского залива, а также некоторых других государств, например Нигерии, по принципиальному вопросу об экспорте правительственной доли добытой нефти даже после этой модификации соглашений об участии не претерпели существенных изменений. Они по-прежнему сводились к минимуму, поскольку до конца 70-х годов бывшие концессионеры сохранили возможность получать 76—88% продукции нефтедобычи этих стран, которым для самостоятельной реализации оставалось соответственно 24—12% [24, с. 55—56; 90, с. 191].

Применяя принцип участия на выгодных для себя условиях, Ливия не отказалась и от прямой национализации. В июне 1973 г. этой мере подверглись все активы американского аутсайдера «Нельсон Банкер Хант» — бывшего партнера (50% акций) ранее национализированного филиала БП в эксплуатации месторождения Сарир. Ливия увеличила собственные нефтедобывающие мощности еще на 10 млн. т в год и полностью овладела этим крупнейшим и одним из самых продуктивных нефтяных полей.

Ведущие нефтяные монополии мира — участницы картеля предвидели и опасались такого развития событий, однако не могли эффективно противостоять наступательной тактике арабских режимов прогрессивной ориентации. Пять членов МНК, которые добывали примерно 1/3 ливийской нефти в 1973 г., — американские «Экссон», «Мобил Ойл К°», «Тексас Ойл К°» («Тексако»), «Стандард Ойл К° оф Калифорния» («Сокал»), а также англо-голланд-

ская «Ройал Датч-Шелл» — отказались предоставить Ливии участие в своих филиалах на условиях, достигнутых с «Оксид» и тремя участниками группы «Оазис». Свой отказ они мотивировали как раз тем, что данные условия имели бы катастрофические последствия для их интересов на Ближнем Востоке и в Нигерии. В ответ на негативную позицию крупнейших монополий ливийское правительство осуществило одностороннюю акцию. 1 сентября 1973 г. был издан закон № 66 о национализации 51% капитала их филиалов, которые владели концессиями в Ливии, в ряде случаев с участием аутсайдера. Были национализированы активы восьми акционеров в пяти компаниях на условиях, идентичных основным положениям двух ранее заключенных соглашений с американскими независимыми фирмами. Инвесторам, на которых распространялось действие закона № 66 от 1973 г., предоставлялся один месяц на то, чтобы выразить согласие с этим законодательным актом. Ливийское правительство заявило, что по истечении указанного срока оно продолжит национализацию вплоть до полного огосударствления данной группы бывших концессионных предприятий⁴.

На этапе подъема борьбы развивающихся стран за экономическую независимость, а также резкого обострения политической ситуации на Ближнем Востоке и американо-арабских отношений мероприятия Ливии получили поддержку на сентябрьских сессиях ОАПЕК⁵ и ОПЕК. Это было также ответной реакцией на угрозы США лишить нефтедобывающие страны рынков сбыта жидкого топлива и поставок продовольствия.

Первыми подчинились ультимативному требованию Ливии две независимые компании — «Гельзенберг» и «Грейс Петролеум», оформив признание декрета подписанными в конце сентября 1973 г. соглашениями. Участники «большой семерки», как это обычно бывало в истории ливийской нефтяной промышленности с 1970 г., не хотели сдавать позиций без борьбы, однако вновь потерпели поражение. Не отступив от выдвинутых требований, Ливия в феврале 1974 г. полностью национализировала компании «Амосиз» (филиалы «Тексако» и «Сокал») и «Лиамко». Случай с «Лиамко» (филиал «Атлэнтик Ричфилд») был здесь вторым и последним после прецедента с «Филлипс Петролеум К°», когда «независимая» фирма отказалась от предложенных ей условий, утратив Ливию как область приложения капитала. В марте того же года полной национализации подверглась доля участия филиала «Ройал Датч-Шелл» в группе «Оазис». Другие международные нефтяные монополии под непосредственной угрозой национализации предпочли уступить, сохранив за собой 49% участия. Первой из членов МНК закон № 66 признала «Мобил Ойл К°» в марте 1974 г., а в апреле за ней последовала «Экссон» [208, с. 283—285].

К апрелю 1974 г. сложилась организационная структура ливийской нефтедобывающей промышленности, которая в основном сохранилась до 1981 г. В собственность государства перешло 75%

производственных мощностей. Все основные концессии, на которых велась разработка нефти, к весне 1974 г. были полностью или частично национализированы либо договорным путем заменены системой участия, причем во всех совместных нефтедобывающих компаниях ЛНОК принадлежит не менее 51% акций, кроме совместного предприятия с «Аджип минерария» на паритетных началах [373, 1975, т. XVIII, № 29, с. 2]. Во второй половине 70-х годов в Ливии оставалось только два концессионных предприятия формально «старого» типа, т. е. принадлежавших иностранному капиталу, которые добывали нефть в очень незначительных количествах — немногим более 400 тыс. т⁶. Традиционная система концессий в ливийской нефтедобывающей промышленности была окончательно ликвидирована.

Процесс ликвидации концессионной системы в Ираке завершился полной национализацией английских и затем французских активов в последнем филиале ИПК с сохранившимся иностранным участием — «Басра Петролеум К°» — к концу 1975 г. (американские и голландские интересы здесь были национализированы окончательно еще в октябре 1973 г. в качестве санкции против поддержки правительствами США и Нидерландов израильского агрессора). Мероприятия Ирака в данной области носили для своего времени наиболее радикальный характер. Так, уже в результате национализации ИПК в полное распоряжение иракского правительства с 1 июня 1972 г. перешло 64% добычи, осенью 1973 г. — 80%, а два года спустя — все производство жидкого и газообразного топлива, причем государственная компания ИНОК практически одновременно приступила к самостоятельному экспорту первого.

Как уже неоднократно отмечалось в нашей и зарубежной литературе, национализация в этой стране опиралась на довольно сильный и продолжавший укрепляться прежде всего при поддержке членов социалистического содружества государственный сектор на всех стадиях нефтяного цикла от разведки до переработки. Сбыт национализированной нефти на начальном этапе также обеспечивался преимущественно благодаря контрактам, подписанным с данной группой государств. Как правило, они являлись частью соглашений на компенсационной основе, которые предусматривали поставки товаров традиционного иракского экспорта в обмен на оказанное экономическое, научно-техническое содействие и в погашение предоставленных кредитов. Подобные положения содержатся в договорах о сотрудничестве, заключенных Ираком в 1969—1973 гг. с СССР, а также с Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, Чехословакией, Югославией.

Это сотрудничество эффективно нейтрализовало усилия большинства акционеров ИПК организовать бойкот продукции ранее принадлежавших им предприятий. Такие попытки в ходе развития энергетического кризиса осложнялись также обострившимися межимпериалистическими противоречиями. Конкуренция покупа-

телей обусловила отказ Франции и Италии прекратить импорт иракской нефти [24, с. 46—47; 101, с. 83—84, 88—89, 109—110; 208, с. 163—167, 197—202]. Важно отметить также аналогичные с алжирскими и ливийскими принципы компенсации в Ираке, как и комплексный охват национализацией различных подразделений нефтегазового комплекса, которые в большинстве других развивающихся государств этатизировались отдельно от собственно нефтедобычи, как правило, сравнительно медленнее и в более ограниченных масштабах. (Например, система использования попутного нефтяного газа в Саудовской Аравии еще длительное время сохранялась в собственности «Арамко», а переработка углеводородного сырья здесь зачастую развивается со значительным иностранным участием в капитале новых предприятий.)

В целом события первой половины 70-х годов свидетельствуют об углублении различий в антимонополистических потенциях между освободившимися странами — экспортерами жидкого топлива различной социально-политической ориентации, на что неоднократно указывали советские и зарубежные авторы. Выделяя в рамках ОПЕК группу монархий зоны Персидского залива, которые были «готовы продолжать тесное сотрудничество с крупнейшими международными нефтяными компаниями» в противоположность таким государствам, как Алжир, Ирак и Ливия, Ж.-М. Шевалье отмечал, что «„водораздел“ между ними существенным образом расширился в 1971—1972 гг.» [175, с. 91].

Р. Н. Андреасян и А. Д. Казюков совершенно справедливо подчеркнули явную недостаточность отдельно взятого чисто количественного показателя — «процентной нормы» национального сектора в активах нефтедобывающих предприятий — для всесторонней оценки конкретных мер участников ОПЕК по огосударствлению их сырьевого хозяйства. Можно привести немало практических аргументов в пользу выдвинутого ими теоретического положения, согласно которому «даже неполная национализация в странах с прогрессивными режимами имеет гораздо большее антиимпериалистическое значение, чем полное огосударствление собственности иностранных нефтяных компаний в иных государствах Аравийского полуострова на условиях взаимоприемлемого соглашения между феодальной верхушкой и иностранными монополиями» [24, с. 60—61]. Сами авторы монографии «ОПЕК в мире нефти» обосновывают данный тезис преимущественно различным применением доходов от сырьевого экспорта в соответствии с социально-экономической и политической ориентацией нефтепроизводящих стран, обуславливающей далеко не однозначные представления их правящих кругов о целях развития и способах их достижения. Иначе говоря, дается оценка национализации с точки зрения тех ее последствий, которые выявляются в определенной перспективе и действительно позволяют вынести заключение о политических целях этого мероприятия, о степени его соответствия социально-классовым интересам конкретных слоев общества.

Ни в коей мере не ставя под сомнение предложенный выше окончательный критерий, можно дополнить его показателем, характеризующим более непосредственные результаты нефтяной политики как в ее «ценовом» аспекте, так и в области взаимоотношений освободившихся государств с иностранным капиталом. Прибегая к уже использованному в этой работе сравнению удельных величин чистых бюджетных поступлений от экспорта жидкого топлива, удастся зафиксировать более высокий уровень валютно-финансовой отдачи от вывоза равных количеств этого товара из Ирака, Ливии и Алжира по сравнению с доходами арабских нефтяных монархий за первую половину 70-х годов. В числовом выражении это преимущество Ирака перед Саудовской Аравией измерялось 25%. Между Ливией и Алжиром, с одной стороны, а также Абу-Даби и Катаром — с другой, экспортирующими сырье аналогичного качества, разница составляла 34—15%. Причем в 1973 г. разрывы расширялись до 67 и до 73—41% соответственно (см. Прил., табл. 3). Можно возразить, что во втором случае нашли отражение преимущества в географическом положении североафриканских источников жидкого топлива перед его ресурсами в зоне Персидского залива.

Однако воздействие этих факторов в известной степени элиминируется при сопоставлении иракских и саудовских показателей, так как часть продукции обеих стран имела непосредственный выход к средиземноморским портам. Основной же причиной, как особенно наглядно продемонстрировал 1973 год, послужил более действенный контроль трех арабских стран с прогрессивными режимами над собственным экспортным потенциалом, в результате чего они получили сравнительно широкие возможности использовать в своих интересах конкуренцию импортеров на капиталистическом топливном рынке накануне энергетического кризиса и во время его первого наивысшего обострения. Напротив, в иных случаях даже огосударствление основной части или всех активов нефтедобывающих предприятий некоторыми другими участниками ОПЕК не помешало бывшим концессионерам в значительной мере «снять сливки» с напряженной энергосырьевой ситуации благодаря своему статусу привилегированных покупателей жидкого топлива⁷.

Весьма характерно, что внимание буржуазных авторов к данной проблематике, судя по публикациям 80-х годов, не ослабевает даже спустя десятилетие после «начала конца» концессионной системы в нефтегазовом хозяйстве неосоциалистического мира. Многие представители западной юриспруденции, в том числе английский теоретик в области международного частного права Р. Уайт, небезосновательно выдвигают вопросы, которые связаны с определением «справедливой» компенсации за национализированную иностранную собственность, в центр многоплановой проблемы нового международного экономического порядка, поскольку для экспортеров капитала, прежде всего из развитых центров капитализма, это действительно имеет первостепенное значение.

Сейчас практически никто из этих специалистов уже не решается ставить под сомнение правомерность национализации в принципе. Однако не прекращаются попытки существенно ограничить суверенные прерогативы освободившихся государств в данной области. Категорически отрицается их право на использование подобных мероприятий для отпора прорискам империалистических держав, тогда как нередко эти меры представляют почти единственное средство реального активного противодействия. Здесь, как и во всех прочих случаях, любая тенденция к политизации внешнеэкономических функций молодых суверенных государств продолжает наталкиваться на резко негативную реакцию. Что же касается понятия о «справедливости» компенсации, то оно, по сути, не претерпевает существенных изменений. В основу концепции по-прежнему заложено определение ее величины с учетом того «уровня доходов, которые извлекались инвестором перед его экспроприацией». Следовательно, при чрезвычайно высокой прибыльности, характерной для операций иностранного капитала в развивающихся странах, речь идет о рыночной стоимости зарубежных активов, которая обычно многократно превосходит их остаточную балансовую стоимость.

С этих позиций Р. Уайт доказывает противозаконность условий, на которых были национализированы Ливией концессии, принадлежавшие трем филиалам монополий — членам МНК, — «БП Эксплорейшн К° (Либия) Лтд.», «Тексако Оуверсиз Петролеум К°» и «Калифорния Эйшиэтик Ойл К°». Действительно, сумма компенсационного платежа филиалу БП в размере лишь 28% балансовой стоимости его активов (или $62,4 - 45 = 17,4$ млн. ф. ст. как разность между причитавшимся возмещением и задолженностью фирмы ливийскому правительству по выплате подоходного налога, «ройалти», а также прочими пассивами) далеко не восполнила утраты монопольно высоких прибылей от эксплуатации ливийских нефтяных ресурсов, как того желали компании и защищающий их интересы английский правовед. Причем несмотря на то что бывшим концессионерам в конце концов пришлось принять предложенные им условия урегулирования споров и прекратить имущественные иски против Ливии, Р. Уайт в своей публикации упорно избегает понятия национализация применительно к данной стране, оперируя постоянно термином экспроприация [34], с. 17—18]. О том, что огосударствление концессионных предприятий нефтяными монархиями зоны Персидского залива больше отвечало как формальным принципам буржуазного законодательства, так и в особенности его духу, свидетельствует отсутствие «разоблачительных» исследований на эту тему, подобных упомянутой работе.

Здесь нет необходимости воспроизводить подробно изученный процесс повышения цен на нефть в 1971—1973 гг. До октября 1973 г. международные нефтяные монополии выигрывали больше, чем страны-продуценты, от роста мировых рыночных цен на жидкое топливо, поскольку справочные цены — основа расчета

«ройалти» и подоходного налога — отставали от них. В результате прибыли иностранных компаний к середине 1973 г. по сравнению с 1970 г. возросли в среднем в 4 раза, а доходы стран — членов ОПЕК в расчете на баррель экспортируемой нефти — в 3 раза [336, с. 125]. Иначе и не могло быть, пока в условиях быстрого повышения рыночной конъюнктуры монополии изменяли продажные цены нефтепродуктов непосредственно под ее влиянием, а государства-производители оставались связанными соглашениями, по условиям которых динамика справочных цен ограничивалась жесткими рамками и не имела прямой корреляции с конъюнктурой нефтяного рынка. Была установлена функциональная зависимость лишь от изменений на валютном и фрахтовом рынках. Относительно выгодного положения, как уже отмечено, добились те члены ОПЕК, которые обеспечили себе возможность больше нефти реализовать самостоятельно по ценам свободного рынка, т. е. Алжир, Ирак и Ливия.

В октябре 1973 г. страны ОПЕК впервые приняли решение, позволившее частично сократить отставание справочных цен от рыночных. В шести нефтедобывающих государствах Персидского залива условно-расчетные цены были повышены на 70% и установлена зависимость между ними и рыночными ценами. Ливия пошла дальше, «перевыполнив» это решение ОПЕК. Она повысила справочные цены по сравнению с первой половиной октября сразу на 93,9%, что позволило другим производителям африканской нефти также провести более значительное повышение цен [101, с. 75—76; 195, с. 7].

Этот шаг нефтеэкспортирующих государств имел и другое, еще более важное значение. Поскольку объединенная делегация иностранных компаний в ходе переговоров в начале октября отвергла предложение увеличить справочные цены на значительную величину, данное повышение явилось первой коллективной односторонней акцией ОПЕК в области ценообразования. Организация заявила, что ее члены больше не считают себя связанными Тегеранским, Триполийским и Женевскими соглашениями, регламентировавшими динамику справочных цен. С тех пор вопросы ценовой политики решаются членами организации самостоятельно без согласования с иностранными нефтяными компаниями.

Основным событием «революции цен» на жидкое топливо стало решение ОПЕК, утвержденное в декабре 1973 г., об установлении с 1 января 1974 г. новой базы для их расчета — издержек производства из битуминозных пород жидких углеводородов, примерно соответствующих по качеству аравийской легкой нефти. По оценке на конец 1973 г., эти издержки составляли 7,11 долл. на баррель. Однако такая оценка оказалась весьма приближенной. Она отражала результаты производства жидкого топлива из альтернативных источников только при сравнительно редких, наиболее благоприятных условиях, а не в массовом масштабе. Осенью 1974 г. участники ОПЕК, ориентируясь на реальную рыночную конъюнктуру, произвели новые изменения в системе

расчетов за вывозимую нефть, благодаря которым их доход на каждую единицу экспорта жидкого топлива существенно превысил указанный здесь оценочный уровень [276, с. 34]. Одновременно были частично урезаны спекулятивные прибыли нефтяных монополий, возникавшие благодаря разнице между низкими справочными ценами приобретаемой и более высокими рыночными ценами реализуемой нефти и нефтепродуктов.

Закономерным итогом падения роли справочных цен явилось решение XLII конференции ОПЕК в Вене, состоявшейся в декабре 1974 г., об установлении с 1 января 1975 г. единой продажной (т. е. близкой к рыночной) цены на базисную аравийскую легкую нефть фоб Рас-Таннур. Таким образом, основным объектом согласования между участниками этой организации стали контрактные цены реализации сырой нефти, на основе которых впоследствии устанавливаются справочные цены, применяемые во все более ограниченной области — для расчетов с иностранными пайщиками в смешанных нефтедобывающих предприятиях отдельных стран.

В 1973—1974 гг. наиболее последовательный радикализм ценовой политики по-прежнему был характерен в рамках ОПЕК для стран с прогрессивными режимами — Алжира, Ливии и Ирака, с которыми по тактическим соображениям в тот период временно блокировался Иран в вопросах ценообразования. Им противостояла нарастающая оппозиция со стороны прежде всего Саудовской Аравии. Королевство значительно усилило свои позиции в организации и на мировом капиталистическом рынке сырой нефти по сравнению с положением на рубеже 60-х и 70-х годов. Только за 1970—1974 гг. годовой вывоз нефти из Саудовской Аравии (с учетом половины нефтяного экспорта из бывшей Нейтральной зоны) вырос на 148%, достигнув 394,4 млн. т, удельный вес в экспорте из развитых капиталистических и развивающихся стран увеличился с 13,7 до 25,6%, а в экспорте из государств — членов ОПЕК — с 16 до 29,2%. В то же время доля Ливии, Алжира и Ирака, вместе взятых, уменьшилась за данный период в экспорте нефти несоциалистического мира с 23,9 до 13,1% и в экспорте из стран ОПЕК соответственно с 27,8 до 15%, причем в наибольшей степени это произошло за счет Ливии, чей экспорт сократился на 54,8% — с 159,4 млн. до 72,1 млн. т (расчитано по [89, с. 136]).

Ливия в целях консервации невозобновимых природных ресурсов, поддержания благоприятной конъюнктуры внешнего рынка, в знак солидарности с арабскими странами и для давления на иностранных владельцев концессий провела в первой половине 70-х годов самое большое среди всех участников ОПЕК абсолютное и относительное сокращение нефтедобычи. Кроме того, Алжир, Ирак и Ливия выдержали бойкот нефтяных монополий после национализации их активов. В Ливии это противостояние вызвало даже уменьшение производственных мощностей в отрасли примерно на четверть из-за резкого замедления геологораз-

ведки, буровых работ, несвоевременной замены изношенного оборудования. В то же самое время ввод в строй новых нефтедобывающих мощностей в Саудовской Аравии, рассчитанный по приросту числа продуктивных скважин, ускорился в 2,5—3 раза по сравнению с 60-ми годами (рассчитано по [42, с. 309; 337, с. 205; 380, 1977, т. 75, № 53; 384, 1976, т. XLIII, № 11, с. 424, 426]. При активном содействии западных монополий это королевство вышло в лидеры и прочно закрепилось на первом месте в мире по экспорту жидкого топлива, тем самым обеспечив себе значительный вес в делах ОПЕК.

Объяснение этому заключено в природно-географических, технико- и социально-экономических факторах. Саудовская Аравия лидирует среди несоциалистических стран по размерам доказанных запасов этого сырья, выделяется чрезвычайно низкой ценой его производства. Появление избыточного танкерного тоннажа, особенно новых супертанкеров, сняло проблему транспортировки из портов Персидского залива, возникшую в начале 70-х годов, а затем значительное снижение фрахтовых ставок уменьшило преимущества вывоза алжирской, ливийской и части иракской нефти, отгружаемой через средиземноморские порты. Однако первостепенное значение имела самая «либеральная» в рамках ОПЕК нефтяная и инвестиционная политика саудовской монархии, которая в наименьшей степени по сравнению с курсами других членов этой организации противоречила интересам иностранных монополий, гарантируя последние от серьезных потрясений.

Нефтеэкспортирующие государства с прогрессивными режимами — Ливия, Алжир и Ирак — наиболее тесно координировали свои наступательные действия, объединяя как политические усилия, так и материальные, в особенности финансовые ресурсы. Они образовали к началу 70-х годов в рамках ОПЕК инициативную группу, которая неизменно придерживалась радикальной линии по всем вопросам деятельности этой организации. Успехам в мероприятиях, опережающих решения и действия ОПЕК по срокам и содержанию, особенно успехам в самостоятельно проведенной национализации эти три страны, на наш взгляд, значительно больше обязаны собственным усилиям в условиях изменившегося соотношения сил в мире в пользу социализма и национально-освободительного движения, опоре на их поддержку, а также благоприятной конъюнктуре нефтяного рынка и ряду других факторов, чем недостаточно прочному единству между участниками Организации стран — экспортеров нефти в целом, хотя его положительную роль нельзя игнорировать. Ливия, Алжир и Ирак приняли на себя основной риск и тяготы острой конфронтации с нефтяными монополиями. Однако государства ОПЕК с монархическими режимами уступками нефтяным корпорациям затянули устранение неокOLONиальной системы эксплуатации нефтегазовых ресурсов развивающегося мира и препятствовали полному использованию исключительно благоприятной для нефтеэкспортирующих стран ситуации, которая сложилась осенью 1973 г.

Глава V

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГОСЫРЬЕВОЙ СТРАТЕГИИ СТРАН — УЧАСТНИЦ ОПЕК

Государство и иностранный капитал в добывающем секторе нефтегазового хозяйства

При всех различиях в методах и реальных результатах национализации нефтяного хозяйства государствами — участниками ОПЕК данное мероприятие еще раз подтвердило известное ленинское положение о том, что «одна экспроприация, как юридический или политический акт, далеко не решает дела...» [13, с. 262]. Нефтеэкспортеры стали более или менее самостоятельно подходить к проблеме иностранного участия в развитии отрасли и его условий. Однако общей для всех этих стран остается необходимость тех или иных форм взаимоотношений с зарубежным капиталом, хотя она и объясняется иногда различными причинами.

Так, в Ливии на первом плане оказалась нехватка национальных технических кадров почти во всех звеньях, но особенно специалистов высокой квалификации. Наследие монархического режима проявилось здесь и в том, что накануне сентябрьской революции 1969 г. насчитывались буквально единицы ливийцев с высшим техническим образованием. За прошедший с того времени период было многое сделано для подготовки национальных кадров нефтяников. С 1970 по 1976 г. включительно за границей прошли курс обучения и получили высокую квалификацию в данной области 1884 ливийца. Был открыт специальный факультет в университете Триполи, технические нефтяные институты в Гайране, недалеко от Триполи, и в Тобруке, а также ряд центров подготовки. Общее число ливийцев, занятых в нефтяной промышленности, возросло с 5657 накануне сентябрьской революции до 8673 человек в конце 1976 г. Однако это не позволило сколько-нибудь значительно сократить численность иностранных специалистов, которая уменьшилась лишь с 3767 до 3090 человек за тот же период. Кадровая ситуация в отрасли не претерпела коренных изменений и к началу 80-х годов. При стабилизации общей занятости на среднем уровне 12 тыс. человек в 1980 г. иностранцы составляли свыше $\frac{4}{5}$ инженерно-технического персонала и примерно половину квалифицированных рабочих-нефтяников [168, с. 72, 77—78; 195, с. 22].

Интенсивно проводимые со второй половины 70-х годов разведочные работы и обустройство новых месторождений в Ливии и Алжире усложняются по мере перехода к освоению менее продуктивных нефтяных полей, а также ресурсов углеводородного сырья, обнаруженных на шельфе Средиземного моря. Увеличивается риск финансовых потерь в разведке. Причем данный процесс происходит быстрее, чем в некоторых других нефтедобыва-

ющих государствах, например в монархиях Аравийского полуострова. Поэтому как Ливия, так и Алжир заинтересованы в привлечении иностранных специалистов, хотя перед вторым государством не стоит столь острая проблема дефицита национальных кадров и почти в равной степени — в зарубежном техническом содействии и получении передового оборудования. Вместе с тем по мере роста доходов от экспорта нефти, в особенности начиная с 1974 г., у первой из двух стран появились вполне достаточные средства для самостоятельного финансирования инвестиций даже в такой капиталоемкой отрасли, как нефтяная промышленность.

С учетом этих обстоятельств Ливия применила свой тип подрядного соглашения с иностранными нефтяными компаниями с проведением разведочных работ и осуществлении всех капиталовложений, необходимых для начала добычи и экспорта нефти, на условиях «раздела продукции» — «продакшн шэринг».

Первое соглашение типа «продакшн шэринг» Ливия подписала в феврале 1974 г. с неоднократно упоминавшейся здесь корпорацией «Оксидентал Петролеум Корп.», еще раз продемонстрировав, насколько тесно эта компания связала свою деятельность с ливийской нефтью. Было объявлено, что условия контракта будут рассматриваться ливийской стороной как минимально приемлемая для нее основа всех последующих соглашений данного типа с зарубежными нефтяными фирмами. Ливия заключила в течение 1974 г. еще шесть таких соглашений на более выгодных для себя условиях, чем первое. Их подписали три французские компании, из которых две — ЭЛФ и СНПА (филиал ЭРАП) — выступают совместно в качестве иностранной стороны в одном соглашении¹, а также «Тоталь» (филиал КФП); итальянская «Аджип минерария»; американские «Экссон» и «Мобил Ойл К°» (75%) совместно с западногерманской «Гельзенберг» (25%) и, наконец, бразильская «Бразпетро» (филиал «Петробраз»). За исключением «Петробраз» и КФП, эти фирмы уже действовали в Ливии в основном на принципах участия.

«Продакшн шэринг» ливийского типа, как и всякий контракт о подряде, отличается от соглашения об участии тем, что создаваемое нефтедобывающее предприятие полностью принадлежит государству-производителю. Услуги иностранного партнера оплачиваются передаваемой ему частью добытой нефти, однако никакой доли в капитале предприятия он не имеет. По соглашению с «Окси» добытая нефть распределяется в соотношении 81:19% в пользу ЛНОК, а по другим соглашениям установлена более высокая пропорция — 85:15% для продукции месторождений на суше, а для морских — та же, 81:19%, в пользу ливийской государственной компании. Общие сроки действия договоров определены в 30—35 лет. Из них отводятся на разведку первые четыре-пять лет, в течение которых иностранный партнер должен вложить в разведочные работы твердо зафиксированную минимальную сумму. При этом он один берет на себя все риски; вложенные им средства ни в каком случае возврату не подлежат. Суммарные

инвестиции иностранных компаний в разведку нефти в Ливии по первым шести соглашениям определялись в объеме 467 млн. долл. При обнаружении коммерческих запасов нефти каждый участник соглашения финансирует расходы на подготовку их к эксплуатации пропорционально причитающемуся на его долю количеству продукции, т. е. 85:15%, на суше, а на море эти затраты должны были распределяться поровну — 50:50% [340, с. 260—261]².

Отсюда происходят наиболее существенные отличия ливийского варианта «продакшн шэринг» от заключенных ранее другими нефтеэкспортерами подрядных контрактов. По предыдущим соглашениям все финансирование брали на себя иностранные участники, кредитуя государства-производители. Расходы иностранных компаний после начала добычи возмещались поставками нефти. В Ливии происходит обратное: иностранные партнеры возмещают правительству все его затраты. Доля нефти, которую получают зарубежные компании, освобождается от налогов и платежей «роялти», т. е. передается им по себестоимости. Однако они из своих доходов покрывают все эксплуатационные затраты предприятий и, кроме того, обязаны в течение 20 лет ежегодными взносами по 5% возместить расходы Ливии на оборудование нефтепромыслов. Платежи, как правило, имеющие форму погашения льготного кредита, начинаются по соглашению с «Окси» после достижения годового уровня нефтедобычи в 5 млн. т. Большинство других контрактов начало возмещения предусмотрено по истечении трехлетнего периода со времени первой экспортной поставки или после накопления кумулятивного (суммарного) объема экспорта в 80 млн. барр. (около 10,6 млн. т), в зависимости от того, какое из этих двух условий наступает раньше [208, с. 285—288; 340, с. 260—261; 373, 1975, т. XVIII, № 29, с. 2—3].

Алжир также еще не преодолел большинства затруднений, аналогичных тем, с которыми сталкивается Ливия. Правда, острота этих проблем здесь в значительной степени сглажена, хотя в то же время имеются другие, обуславливающие иную иерархию приоритетов во внешней нефтяной политике АНДР. Так, в год национализации французских активов в нефтегазовой промышленности Алжира государственная компания «Сонатрак» уже располагала штатом квалифицированных рабочих и служащих алжирцев численностью 1690 человек. К 1973 г. средний технический персонал в отрасли почти полностью состоял из национальных специалистов, а в высшем звене их было более половины [82, с. 82; 289, с. 204]. Вместе с тем даже значительный рост доходов от экспорта углеводородного сырья и продуктов его переработки благодаря национализации и «революциям цен» пока еще не позволил Алжиру окончательно преодолеть дефицит текущих валютных накоплений и полностью обеспечить ими капиталовложения в национальную экономику. Поэтому АНДР в отличие от Ливии продолжает проявлять гораздо больший интерес к зарубежному финансовому участию в развитии нефтедобывающей промышленности, что и является одним из основных факторов,

определяющих алжирскую инвестиционную политику в данной отрасли.

В 1972—1975 гг. Алжир заключил одиннадцать соглашений с иностранными компаниями о проведении геологоразведочных изысканий и совместной разработке нефтяных ресурсов, одно из которых с польской компанией «Копекс». Все они по типу относятся к соглашениям о партнерстве и напоминают подписанный в 1968 г. договор с американской независимой фирмой «Гетти Ойл К°». Среди основных условий этих соглашений — обязательство иностранных нефтяных компаний инвестировать в течение срока, который, как правило, устанавливается в три-пять лет, точно определенную сумму в разведку нефти на выделенных им участках алжирской территории или территориальных вод.

Здесь проявляется серьезное отличие от подрядных соглашений Ливии, где осуществление всех работ практически полностью поручено иностранным партнерам, а государство лишь финансирует их, начиная со стадии подготовки месторождений к эксплуатации. В этом обнаружилась недостаточная подготовленность ливийской государственной компании НОК к осуществлению в широких масштабах функций оператора. Алжирская фирма «Сонатрак» более успешно справляется с этой ролью, обеспечивая необходимую материально-техническую базу и кадры либо самостоятельно, либо с зарубежной технической помощью или же путем сотрудничества с иностранным капиталом, но в иных формах и не в сфере нефтедобычи непосредственно, а в отраслях, ее обслуживающих.

Поэтому большинство заключенных АНДР соглашений об участии предусматривает организацию или выполнение всех или основной части разведочных работ собственными силами «Сонатрак» в качестве оператора с начала изысканий. Иностранный партнер обязан оплатить эти работы из сумм, предназначенных для инвестиций в разведку. Так, по условиям соглашения между алжирской компанией и «Сан Ойл К°» американская независимая фирма обязывалась оплатить геофизические исследования на сумму 14 млн. долл., уже проведенные «Сонатрак» в районах разведочных площадей до подписания контракта, а также внести еще 17,5 млн. долл. за осуществление поисково-разведочного бурения. Алжирская государственная нефтяная компания выступила в данном случае единственным оператором при проведении полного комплекса работ на всей разведочной площади, а иностранному партнеру отводилась роль источника финансовых средств, которыми «Сонатрак» распоряжалась самостоятельно.

Несколько иные условия зафиксированы в соглашении с западногерманским полугосударственным объединением «Деминекс», по которому 62,5% контрактной стоимости геофизических и буровых работ осваивает иностранная компания, но роль оператора закреплена одновременно и за «Сонатрак» в размере остальных 37,5% согласованной суммы (всего 88 млн. долл.). Кроме того, «Сонатрак» выделялись еще 15 млн. долл. типа бону-

са для финансирования изысканий за пределами договорно обусловленных территорий, а также на расходы по подготовке национальных кадров для алжирской нефтяной промышленности. Только как исключение в наиболее сложных случаях — при разведке нефти на шельфе Средиземного моря — функции оператора целиком поручались иностранному партнеру. Всего зарубежные компании должны были инвестировать в разведку только за 1974—1977 гг. около 533 млн. долл. Общая же сумма их финансовых обязательств была еще выше.

Постоянным условием соглашений является безвозмездная передача Алжиру всех месторождений природного газа, обнаруженных в ходе разведочных работ. Риск потери капитала на начальной стадии полностью берет на себя иностранные партнеры «Сонатрак». Финансовое участие алжирской стороны в совместных предприятиях начинается лишь в случае обнаружения коммерческих запасов нефти после начала их разработки. Алжир поставками нефти возмещает зарубежной компании 51% капитальных затрат на разведку и 51% инвестиций в подготовку месторождений к эксплуатации. Начиная с открытия месторождений и в дальнейшем после начала функционирования смешанного нефтедобывающего предприятия роль оператора по условиям практически всех соглашений закрепляется исключительно за «Сонатрак». Национальная компания берет на себя создание и эксплуатацию нефтедобывающих мощностей, которые на 49% финансируются иностранным партнером. Добываемая нефть распределяется между участниками совместного предприятия пропорционально их доле в капитале (51:49% в пользу «Сонатрак») после уплаты иностранным партнером налогов, «роялти» и других сборов, определенных алжирским законодательством, т. е. на обычных для смешанной нефтедобывающей компании условиях.

Сравнительно новым моментом являлась специальная «деинвестиционная» оговорка, в соответствии с которой был определен довольно короткий для соглашений о партнерстве период совместной разработки обнаруженных нефтяных ресурсов. Срок коммерческого функционирования совместных предприятий ограничен 12 годами с момента начала эксплуатации месторождений, после чего все они переходят в полную собственность АНДР [208, с. 21—25, 35—37; 347, с. 10].

Для сравнения отметим, что к середине 70-х годов Ирак отличался от рассмотренных североафриканских стран относительно более благоприятные предпосылки для самостоятельного развития комплекса энергосырьевых отраслей с точки зрения оптимального сочетания широкой финансовой базы со штатом квалифицированных рабочих и технических специалистов, которым располагала ИНОК. Как было продемонстрировано на примере двух нефтеэкспортирующих государств Северной Африки, отсутствие подобной комбинации факторов явилось одной из основных причин их определенного интереса к продолжению иностранной предпри-

мательской активности в сфере нефтегазодобычи под строгим государственным контролем. В Ираке, напротив, рассмотренные выше формы привлечения зарубежной технологии и других ресурсов в нефтегазовое хозяйство не получили широкого распространения.

Некоторую роль, видимо, сыграло и то обстоятельство, что усложнение условий разработки иракских ресурсов углеводородного сырья происходило менее интенсивно. Стране принадлежит относительно небольшой участок континентального шельфа, площадь которого, включая территориальные воды, составляет 685,9 кв. км, или примерно в 12,4 раза меньше, чем у Алжира (8500 кв. км) и почти в 90 раз — чем у Ливии (61 500 кв. км) (рассчитано по [176, с. 11; 301, карты между с. 192—193, 252—253]). Кроме того, хронические территориальные разногласия с соседними государствами и периодические конфликты с ними по данному поводу до сих пор препятствовали исследованию Ираком его шельфовых минеральных ресурсов и вовлечению их в хозяйственный оборот, хотя, по прогнозам, последние могут быть значительны. Поэтому все разведочные и эксплуатационные проекты в нефтегазовой промышленности продолжают ограничиваться материковыми районами иракской территории и, вероятнее всего, подобная ситуация сохранится на обозримую перспективу. Несмотря на длительные сроки разработки ряда иракских нефтяных месторождений, их горно-геологические параметры таковы, что в целом по стране внедрение вторичных методов в данный производственный процесс, начавшееся позже, пока остается менее сложным технологически, чем в рассмотренных североафриканских государствах, а также у некоторых других членов ОПЕК.

Перечисленные факторы в комплексе позволили Ираку со второй половины 70-х годов отказаться от заключения любых договоров с зарубежными контрагентами, кроме контрактов с непосредственным вознаграждением — «стрейт фи контрэкстс». Иначе говоря, иностранная предпринимательская активность в иракской нефтегазовой промышленности не допускается, а отношения национальной нефтяной компании с зарубежными фирмами должны строиться на основе импорта их техники, технологии, инженерно-консультационных и прочих услуг, не выходя за рамки внешнеторговых связей.

Единственным исключением к началу 80-х годов оставалась бразильская компания «Бразпетро», которая вела разработку нефти в Ираке по соглашению о разделе продукции. В то же время ИНОК были заключены многочисленные контракты на выполнение некоторых видов работ в нефтегазовой промышленности: на разведочное и эксплуатационное бурение, на оборудование нефтепромыслов Северной Румейлы системой заводнения, а также другие операции. Причем весьма значительная часть контрактов с конца 60-х годов приходится на долю предприятий социалистических стран. Усилия, прилагаемые правительством Ирака для более точного выявления и освоения потенциала углеводо-

родного сырья в стране, заметно интенсифицировались в 70-е годы. За вторую половину прошлого десятилетия только на разведку этих ресурсов было выделено до 1,5 млрд. долл. [209, с. 114; 301, с. 227—228].

На рубеже 70-х и 80-х годов Ливия и Алжир провели «вторые раунды» переговоров и заключили следующие серии соглашений с западными фирмами на основе, которая стала в какой-то мере традиционной для обоих государств. В Ливии это были снова контракты «продакшн шэринг». Причем и на данном этапе первый из них опять подписан с «Оксилибиа», а второй — с западногерманской «Деминекс» в конце 1979 г. Их условия идентичны с большинством предыдущих подрядных соглашений, предусматривающих раздел продукции между государством и иностранным подрядчиком в пропорции 85:15% [372, 1980, т. 24, № 1, с. 37]. Алжир только за первую половину 1980 г. заключил семь соглашений о геологических изысканиях на жидкие углеводороды (за 1980—1981 гг. их общее число достигло 12). Здесь, как и ранее, предусмотрена организация совместных добывающих предприятий для их разработки. Зарубежными контрагентами «Сонатрак» выступали КФП (в двух контрактах, по которым отведены разведочные участки в различных районах), три американских аутсайдера — «Стандард Ойл К° оф Огайо», «Сан Ойл Интернэшнл Корп.» и «Америкэн Оуверсиз Петролеум К°» («Амоко»), а также «Бразпетро» и западногерманский консорциум в составе четырех фирм³. В отличие от предыдущих соглашений о партнерстве за алжирской государственной компанией была закреплена более высокая доля участия в будущих смешанных нефтедобывающих предприятиях, которая варьируется от 58% по контракту с «Амоко» до 60% по первому контракту с КФП и с консорциумом фирм ФРГ, до 62% — с «Бразпетро», достигая максимум 65% во втором договоре с КФП, а также с «Сан Ойл Интернэшнл Корп.». Остальные условия аналогичны ранее практиковавшимся в Алжире [386а, 1982, Прил., с. 7].

На первый взгляд возникает повод для вопроса: не явилась ли радикально-антиимпериалистическая нефтяная политика начала 70-х годов для некоторых государств в известном смысле «забеганием вперед» в их борьбе за суверенитет над своими минеральными ресурсами, не влечет ли оно за собой при неблагоприятном стечении объективных обстоятельств на последующих этапах необходимости «отступления» — либерализации внешней сырьевой стратегии. Однако более детальный анализ не только удерживает от подобного заключения, но и, напротив, еще раз подтверждает сохраняющуюся преимущество их курса на оптимальную реализацию национальных интересов в процессе освоения природных богатств в различных специфических условиях, а также вывод о том, что «именно их усилиями ОПЕК движется по пути борьбы против империализма». Не отрицая, что «правительства этих стран пошли на известный компромисс с монополиями» и при использовании иностранного капитала в своих це-

лях платят «ему временную дань за экономическую отсталость» [24, с. 60—61], необходимо в каждом конкретном случае реально оценивать степень этого компромисса, масштабы подобной «дани». Весьма показательным критерием здесь, на наш взгляд, может послужить реакция крупнейших западных транснациональных корпораций с широко диверсифицированной географической структурой деловой активности на сырьевую политику того или иного нефтеэкспортирующего государства, поскольку эти компании располагают наибольшей свободой выбора партнеров в развивающихся странах и маневрирования между ними.

Взаимоотношения Ливии и Алжира с нефтяными ТНК во второй половине 70-х и начале 80-х годов примечательны несколькими, как представляется пока что, нетипичными за пределами обеих этих стран эпизодами, в особенности нехарактерными для нефтедобывающей промышленности ближневосточного региона. В конце 1975 г. французская государственная компания ЭЛФ-ЭРАП отказалась пролонгировать на следующий пятилетний срок свое соглашение об ассоциации с «Сонатрак», подписанное 15 декабря 1971 г. Оно было заключено на 10 лет, однако до истечения половины этого срока предусматривался частичный пересмотр его положений. В основном это касалось статей, регулирующих систему налогообложения смешанных предприятий, репатриацию доходов иностранного участника от вывезенной им доли алжирской нефти, его обязательные инвестиции в разведку или восстановление продуктивности разрабатываемых месторождений, а также транспортные тарифы за пользование нефтепроводами, которые, как уже отмечалось, перешли в полную государственную собственность с 1971 г. Не преодоленные разногласия по этим пунктам привели автоматически к прекращению действия контракта от 15 декабря 1971 г. и к тому, что «Сонатрак» овладела долей участия ЭЛФ-ЭРАП во всех нефтепромыслах, эксплуатировавшихся совместно обеими компаниями. Согласно собственному заявлению руководства французской фирмы, она предпочла «обычные торговые соглашения трудному процессу выработки новых условий контракта» с АНДР в производственной сфере. В 1975 г. на долю «ЭЛФ-Алжери» приходилось до 5 млн. т нефти и конденсата, или 11,1% их общей добычи в стране. На следующий год благодаря отмеченным переменам удельный вес «Сонатрак» в производстве этих видов сырья повысился с 74,5 до 80,7%, а в их экспорте — с 70,6 до 78,5% соответственно.

В течение пятилетнего периода (1976—1980) единственной французской фирмой, продолжавшей добывать алжирскую нефть в рамках ассоциации с «Сонатрак», оставалась «Тоталь-Алжери» — филиал КФП, которая после согласования соответствующих изменений пролонгировала 23 марта 1975 г. свое соглашение с государственной компанией АНДР от 30 июня 1971 г. Причем условия пролонгации сохраняли за французской стороной ее право возобновить договор о смешанном предприятии в 1980 г. на очередной пятилетний срок [208, с. 23, 24; 209, с. 23, 26; 289, с. 154,

160—164; 384, 1976, т. XLIII, № 1, с. 13]. КФП, однако, этим правом не воспользовалась, в результате чего все ее интересы в действующих на территории Алжира нефтепромыслах перешли с 1981 г. к «Сонатрак». Произошло наиболее заметное, после национализации 1971 г., расширение государственного сектора в области добычи и экспорта жидкого углеводородного сырья как в абсолютном измерении — прирост мощностей примерно на 11,5 млн. т в год, так и в относительном выражении — повышение удельного веса «Сонатрак» с 82 до 98,5% в производстве и с 73,7 до 97,8% в зарубежных поставках [202; 203, с. 9; 387, 1980, № 874, с. 13; 1982, № 939, с. 45].

Отказы КФП и «ЭЛФ-ЭРАП» от эксплуатации действующих совместных предприятий при одновременной активизации ими геологоразведочных работ в Алжире могут показаться нелогичными. Но, с нашей точки зрения, данное противоречие объясняется особенностями ценовой политики Алжира, где в начале 1980 г. была введена надбавка к официальным продажным ценам нефти в размере 3 долл. за баррель для покупателей, не участвующих в разведке углеводородного сырья на алжирской территории. Мобилизованные таким образом средства предназначались для финансирования геологических изысканий. Они зачислялись на специальные счета в АНДР и рассматривались как аванс в счет обязательств иностранных партнеров «Сонатрак» по будущим соглашениям о совместном предпринимательстве. С момента заключения договоров об ассоциации соответствующие импортеры алжирской нефти освобождались от уплаты надбавок и начиналось целевое расходование сумм, аккумулированных на их счетах. В противном случае эти средства по истечении установленного срока перечислялись в распоряжение «Сонатрак» [228, с. 27].

Введение Алжиром надбавок к ценам по времени совпало с периодом общего удорожания жидкого топлива на мировом капиталистическом рынке, а также с повышением курса американского доллара, что существенно осложнило проблему оплаты поставок этого товара для многих импортеров, включая Францию. Благодаря заключенным с алжирской государственной компанией контрактам французские фирмы, во-первых, получали как бы частичную отсрочку в процессе удорожания своего нефтяного импорта из АНДР, поскольку взимание надбавок прекращалось непосредственно после подписания договоров, а согласованные суммы вложений в разведочные работы реализовались постепенно, обычно в течение четырех лет. Во-вторых, если иностранная фирма назначалась оператором этих работ, то фактически она получала возможность компенсировать определенную долю стоимости закупаемого топлива (по крайней мере в размере надбавки к его цене) встречными поставками производственных услуг в АНДР. Следовательно, вторым стимулом для французских компаний могла послужить перспектива некоторой экономии американской валюты. Иначе говоря, систему надбавок можно рассма-

тривать как скидки с контрактных цен для компаний, участвующих в разведке углеводородного сырья на алжирской территории.

Вскоре, во второй половине 1981 г., аналогичная по ряду признаков ситуация возникла во взаимоотношениях Ливии (с 1977 г. Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия — СНЛАД) с двумя американскими нефтяными гигантами из числа членов МНК — корпорациями «Экссон» и «Мобил Ойл». Как и французские компании в Алжире, обе эти монополии являлись акционерами совместных с ливийской государственной компанией нефтедобывающих предприятий, основанных взамен бывших концессий после их частичной национализации, но, кроме того, были еще и подрядчиками ЛНОК по контрактам «продакшн шеринг». Американские корпорации также выступили с инициативой прекращения своей предпринимательской активности в Ливии. Однако в отличие от французских фирм этот шаг не был увязан с каким-либо формально-юридическим поводом и, что еще более важно, подразумевал полное прекращение операций, включая их деятельность как в рамках смешанных предприятий, так и подрядных соглашений.

Свертывание активности двух корпораций, по всей видимости, не случайно совпало с резким обострением американо-ливийских отношений, а было им в значительной мере обусловлено. Почти непосредственно за согласованием условий, на которых ЛНОК переданы активы «Экссон», США усилили нападки на антиимпериалистическую и дружественную СССР внешнюю политику Джамахирии. Вашингтон ввел торгово-экономическое эмбарго против СНЛАД. Тем не менее корпорации отрицали политическую мотивировку своих действий. Они выдвигали на передний план уменьшение доходности инвестиций в нефтегазовую промышленность этой страны за последние годы. Обозреватель «Интернэшнл Геральд Трибюн» Д. Мартин со ссылкой на их мнение «преобладающей причиной» свертывания операций «Экссон» в СНЛАД называет «недовольство неподатливостью Триполи по вопросу о снижении цен, достаточном для того, чтобы производство ливийской нефти сделало бы прибыльным» [368, 07.01.1982]. Ливийские источники, напротив, подчеркивают политический аспект. Например, издававшийся в Лондоне журнал «Джамахирия ревью» указал на то, что «Вашингтон стремится причинить ущерб экономике Джамахирии, добываясь от нефтяных компаний США прекращения их операций в Ливии» [369, 1982, № 21, с. 18], и что «Экссон» следует в русле этой политики.

Очевидно, обе отмеченные причины — экономическая и политическая — сыграли свою роль. Вместе с тем ни одна из действующих в этой стране независимых компаний, включая американские фирмы, не изъявила желания последовать за членами МНК. Наоборот, они публично декларировали свое намерение продолжить здесь операции, а также предприняли некоторые практические шаги для обхода ограничений, введенных Белым домом. После запрета на выезд граждан США в Ливию с 10 де-

кабря 1981 г., а также распоряжения всем находившимся там американцам покинуть СНЛАД эти компании расширили использование в стране квалифицированных рабочих и специалистов из Западной Европы. Иногда для этого оказывалось достаточно лишь перегруппировать штаты их собственных филиалов. Помимо относительно меньшей диверсификации источников нефтеснабжения, на которую в связи с данными событиями вновь ссылаются западные издания и в их числе «Петролеум Экономист» [384, 1981, т. XLVIII, № 12, с. 531], подобная позиция аутсайдеров также свидетельствует, на наш взгляд, о менее тесном взаимодействии в современных условиях американской администрации с некартелированными фирмами по сравнению с ведущими энергетическими монополиями, а возможно, и выявляет некоторые тактические противоречия между первой и вторыми.

В большинстве сообщений об «исходе» корпораций «Экссон» и позже «Мобил Ойл» из Ливии, а также в оценках этого явления справедливо, отчасти, отмечена его исключительность. По мнению итальянского исследователя Дж. Лучиани, оно «представляет собой... необычное исключение» [286, с. 73]. Акция крупнейшей в мире американской нефтяной монополии «рассматривается как чрезвычайно необычная для отрасли, где неохотно жертвуют любым надежным источником сырой нефти», — писала «Интернэшнл Геральд Трибюн» [368, 07.01.1982]. Тем не менее здесь упомянуты уже имевшие ранее место другие прецеденты, которые тогда почти не привлекали внимания комментаторов и исследователей, по всей вероятности, ввиду отсутствия сенсационности и «драматизма», присущих более поздним событиям в ливийской нефтегазовой промышленности.

Что действительно можно было бы признать исключительным без всяких оговорок, но практически нереальным, так это даже отдаленное подобие данной ситуации в какой-либо из нефтяных монархий Аравии. Насколько нам известно, ни в одной из них бывшие владельцы концессий ни разу не отказывались от продолжения операций, связанных с разработкой выявленных и тем более освоенных ресурсов углеводородного сырья, стремясь всячески закрепить свое присутствие, будь то в рамках «совместного» предпринимательства с национальным государственным капиталом или на любой другой договорно-правовой основе. Более того, во взаимоотношениях обеих сторон, несмотря на существование объективных противоречий, никогда не наблюдалось достаточно серьезных обострений, которые поставили бы эти связи на грань разрыва. Разногласия неизменно устраняются «мирными средствами» при строгом соблюдении партнерами «правил игры», хотя бы такое урегулирование и растянулось на долгие годы.

Так, к середине 1982 г. истекло уже почти восемь лет с того времени, как было заключено в ноябре 1974 г. соглашение о передаче Саудовской Аравии 60% активов «Арамко» — крупнейшей на Ближнем Востоке и, вероятно, во всех развивающихся странах

концессионной компании, а также с начала переговоров о полном выкупе ее капитала (вложенного в добычу нефти) государством-концедентом. Несмотря на то что «Арамко» обычно считается полностью национализированной с марта 1976 г., когда с ее бывшими владельцами была достигнута принципиальная договоренность о приобретении оставшихся у них пакетов акций, до 1982 г. все еще не был согласован ряд условий сделки и не состоялось официального оформления договора. Эти формальности не препятствовали и не препятствуют активной деятельности группы американских нефтяных монополий — акционеров «Арамко» в прежнем составе — как консорциума подрядчиков по обслуживанию основных саудовских нефтепромыслов, по проведению разведочных и других работ на бывшей концессионной территории, а также в качестве коллективных комиссионеров по реализации преобладающей части жидкого топлива, экспортируемого Саудовской Аравией [116; 146, с. 138—139, 144—145; 187, с. 106—110].

В конечном счете столь заметные различия тактики ведущих энергетических ТНК по отношению к конкретным развивающимся странам — экспортерам углеводородного сырья в современных условиях должны иметь под собой те же основания, что и на предыдущих этапах при системе традиционных концессий и в ходе перестройки последней. Они сводятся прежде всего к проанализированным нами выше особенностям государственной нефтяной стратегии этих стран, к ее соотношению с интересами транснационального бизнеса. Неизбежно напрашивается вывод, что условия, на которых прежние концессионеры продолжают свою экономическую деятельность в аравийских нефтяных монархиях даже после 100-процентной национализации, остаются более приемлемыми, чем статус некоторых смешанных предприятий в странах типа Алжира и Ливии, где бывшие иностранные владельцы сохранили право собственности на часть акционерного капитала. Логично предположить, что одинаковый инвестиционный климат и равенство прочих предпосылок вообще лишают смысла выборочное прекращение предпринимательской активности в рамках одной и той же отрасли.

В данной связи западная пресса обратила внимание на то обстоятельство, что обе американские монополии, свернувшие свои ливийские операции, являются акционерами «Арамко», в которой на долю «Экссон» приходится 30% и «Мобил Ойл» — 10% западных интересов. Высказывалось мнение, что действия корпораций «были в известной мере спровоцированы Саудовской Аравией, которая разорвала перед тем свои отношения с Ливией» [368, 19.11.1981]. С учетом последующей реакции Эр-Рияда на санкции США против СНЛАД подобное предположение представляется бесспорным. В алжирском еженедельнике «Револьюсьон Африкэн» — центральном органе партии Фронт национального освобождения — приведен такой факт. На 62-й очередной конференции министров нефти государств — членов ОПЕК, состоявшейся в Абу-Даби 11 декабря 1981 г., «Ливия не смогла получить под-

держки, хотя бы вербальной, от этой организации в конфликте, навязанном ей администрацией Рейгана» [226, с. 25—26].

Несмотря на солидарность с ливийской стороной, выраженную восемью участниками ОПЕК и включающую практические предложения АНДР, Ирана, Кувейта и ОАЭ оказать ей немедленную помощь командированием кадров нефтяников, Саудовская Аравия наложила вето на проект соответствующей резолюции, заявив, что по своему политическому характеру данный вопрос не входит в компетенцию Организации стран — экспортеров нефти. Однако наиболее важное реальное значение, на наш взгляд, имеют все же не саудовские демарши подобного рода, а сохранение за акционерами «Арамко» тех преимуществ, которыми пользуются привилегированные контрагенты этой аравийской монархии. Думается, что доступ фирм-аутсайдеров в той или иной форме к разработке ее нефтяных ресурсов, крупнейших в капиталистическом мире, не облегчен сколько-нибудь существенно в результате национализации основной концессии. Имея здесь прочные тылы и будучи в значительной степени огражденными от конкуренции, ведущие американские энергетические концерны могут позволить себе более жесткую сырьевую политику по отношению к другим освободившимся государствам, чем основная масса «независимых» компаний.

Таким образом, в рамках ОПЕК как единого целого за период после первого обострения энергетического кризиса и до настоящего времени не наблюдается тесной координации при выработке ее участниками основ взаимоотношений с нефтяными ТНК. Нет даже достаточно широкого и полного обмена информацией на общеорганизационном уровне по всему спектру этой проблематики. Например, переговоры Саудовской Аравии с акционерами «Арамко» неизменно окружены обстановкой строжайшей секретности. Правда, это не исключает взаимодействия в данной области нефтеэкспортирующих государств, которые придерживаются аналогичной экономической и социально-политической ориентации, что во многом сближает также и их энерго-сырьевую стратегию. Примером такого взаимодействия было и остается сотрудничество Алжира и Ливии, которое носит практически постоянный характер с начала 70-х годов.

Однако недостаточно широкий охват данным процессом развивающихся стран препятствует решению ими таких важных и сложных проблем, как минимизация неизбежных издержек доступа иностранных инвесторов к разведке и разработке запасов минерального сырья и обеспечение наиболее выгодных условий для приобретения техники, технологии, услуг, финансовых ресурсов. Особенно актуальны эти вопросы для государств, которые последовательно придерживаются антиимпериалистического курса на всемерное упрочение экономической самостоятельности, активно отстаивают национальные интересы в этой области. Более «умеренные» режимы предпочитают обходить подобные «острые углы» и, чтобы застраховаться от возможных последствий недо-

воинства крупнейших ТНК, обеспечивают операциям последних со своим жидким топливом рентабельность заведомо выше среднего уровня. Таким образом, например, Саудовской Аравии удается в целом поддерживать достаточную устойчивость внешнеэкономических связей с государствами развитого капитализма и их транснациональным бизнесом.

Достижения освободившихся стран, добивающихся относительно равноправных условий в мирохозяйственных взаимоотношениях с Западом, служат сторонникам осторожной тактики своеобразным индикатором для постепенной ее корректировки. Часть новых завоеваний, которые уже удалось прочно закрепить, иногда берется на вооружение. Однако к другим, более рискованным мероприятиям они никогда не присоединяются. Такая осторожная тактика неприемлема для радикально антиимпериалистических режимов, в чьи основные цели входит ограничение сверхприбылей западных монополий. Наиболее полная реализация данной целевой установки предполагает доскональное выявление позиций контрагентов или, вернее, соперников развивающихся государств в лице ТНК, что практически почти невыполнимо иначе, чем в обстановке довольно острой конфронтации с последними. Именно посредством такой пробы сил, как правило, окончательно выясняется максимум того, что действительно доступно освободившимся странам в конкретной области и при конкретных условиях. Однако подобное сопротивление всегда рискует перерасти в открытый конфликт, чреватый дезорганизацией внешнеэкономических связей. Эти трудности как раз и приходилось преодолевать Ливии и Алжиру. Разрыв СНЛАД с двумя американскими нефтяными монополиями — одно из последних тому свидетельств.

Особенности производственной и экспортной стратегии

Проблемы современной сырьевой стратегии нефтеэкспортеров отнюдь не ограничиваются инвестиционной политикой, сохраняясь и в других смежных областях, к важнейшим из которых продолжает относиться обеспечение оптимальных объемов экспорта и соответственно валютных поступлений, а также ценообразование.

Все эти вопросы представляют особый интерес, поскольку их анализ позволяет подойти к решению более общих проблем — сущности ОПЕК, механизма взаимодействия ее участников, — которые продолжают оставаться предметом длительной и достаточно оживленной дискуссии исследователей, особенно на протяжении десятилетия, минувшего после первого обострения энергетического кризиса в мировом капиталистическом хозяйстве.

Для энергосырьевого хозяйства Ливии и Алжира, так же как и для данной группы отраслей и в других странах — участницах ОПЕК, характерна чрезвычайно высокая экспортная квота. Цифровые значения этого показателя применительно к основному под-

разделению их сырьевого комплекса — добыче нефти по сравнению с ее поставками на внешний рынок как в необработанном виде, так и в виде продуктов перегонки — содержатся в Прил. табл. 4.

Изучаемые страны к концу прошлого десятилетия экспортировали от 90% (Алжир) до 96% (Ливия) общего физического объема производства этой продукции. В тот же интервал вписывались параметры еще двух африканских нефтеэкспортеров — Нигерии и Габона, а также одного ближневосточного государства — Ирака. Более высокая (свыше 97—98%) экспортная квота наблюдалась лишь у четырех аравийских нефтяных монархий (Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ и Катара). Показатели четырех остальных участников ОПЕК были заметно ниже. Средневзвешенный уровень для всех членов организации, вместе взятых, определялся в 93%. К началу 90-х годов большинство специалистов предсказывают существенное его снижение. Например, согласно прогнозам американского исследователя Ф. Фешараки, последнее могло бы достигнуть порядка 20%.

Конечно, количественное выражение этой тенденции не менее спорно и не более надежно, чем результаты основной массы прогнозов, касающихся конкретных отраслей в рамках мирового капиталистического хозяйства. Однако главное направление тенденции сомнений не вызывает. Оно подкрепляется данными об опережающем росте энергетического и неэнергетического потребления топливных ресурсов странами — участницами ОПЕК как за счет общей активизации их экономического развития в 70-е годы, так и, в первую очередь, по мере ускоренной индустриализации, опирающейся на энерго- и материалоемкие отрасли промышленности. Это внутреннее использование углеводородного сырья увеличивалось на фоне стабилизации или даже сокращения его производства многими членами организации по экономическим, техническим и иным причинам, что, естественно, не может не ограничивать экспортный потенциал сырьевого сектора их хозяйства, хотя нередко его предполагается компенсировать расширением экспортных возможностей обрабатывающих отраслей. Но последнее открывает уже иной круг проблем, требующих отдельного изучения.

Среди арабских нефтеэкспортирующих стран — членов ОПЕК данные процессы наиболее отчетливо выражены в самом населенном и относительно промышленно развитом государстве группы — в АНДР (табл. 8).

Если в 60-е годы объем производства алжирской нефтегазодобывающей промышленности как в общем, так и в каждом из двух ее крупных подразделений намного опережал растущее внутреннее потребление этой сырьевой продукции, то для 70-х годов в целом, исключая лишь газовое хозяйство АНДР, была характерна обратная тенденция. Доказанные резервы природного газа в этой стране более чем в 2,5 раза превышают ее разведанные нефтяные запасы (на основе калорийности обоих топлив) и

Таблица 8

Производство и внутреннее использование
углеводородного сырья *
(среднегодовые темпы прироста, %)

Углеводородное сырье		1961—1970 гг.	1970—1979 гг.
Жидкое топливо	Производство	11,8	1,4
	Использование	3,6	9,2
Газообразное топливо	Производство	28,5	19,6
	Использование	17,9	16,1
Всего	Производство	12,3	2,7
	Использование	6,8	9,9

* Рассчитано по [344, с. 12—13; 351, с. 72—73].

в течение еще нескольких лет позволят наращивать добычу и экспорт быстрее, чем расширяются потребности национального рынка [304, с. 42]. Но и здесь, как показывает табл. 8, динамика производства и потребления заметно сблизились.

Чтобы сдерживать развитие отмеченных процессов с целью возможно дольше сохранить за нефтью, природным газом и продуктами их переработки роль крупного источника экспортных доходов, ряд членов ОПЕК, включая Алжир и Ливию, разрабатывают и уже начинают осуществлять программы экономии наиболее дефицитных видов углеводородного сырья и перехода на альтернативные энергоресурсы. Ливия строит атомную электростанцию при содействии СССР, Алжир намерен осваивать солнечную энергию. Пока еще трудно судить о том, насколько успешными окажутся эти мероприятия. Например, АНДР предполагает замедлить снижение экспортной квоты в общем производстве первичных энергоносителей с 8,5% за 1970—1979 гг. (когда она уменьшилась от начального уровня 93,5 до 85%) до 5,2% в течение 1979—1990 гг., с тем чтобы к концу прогнозируемого периода зарезервировать 79,8% годовой продукции для поставок за рубеж и расширить физический объем последних более чем на 78 млн. т ежегодно в пересчете на нефтяной эквивалент (рассчитано по [303, с. 41—42; 344, с. 12—13]). Решающее значение для реализации этих планов должен иметь дальнейший рост вывоза природного газа. Он позволил бы компенсировать абсолютное и относительное уменьшение внешнеторгового потенциала нефтяной промышленности, который к началу 90-х годов вряд ли существенно превысит половину ограниченных мощностей по добыче жидкого углеводородного сырья (см. Прил., табл. 4).

В целом объем предложения этих топливно-сырьевых товаров и продуктов их первичной переработки со стороны арабских

государств на мировом рынке, согласно имеющимся прогнозам на ближайшее десятилетие, будет сокращаться медленнее (под воздействием комплекса факторов, объединяющего ресурсную базу и технико-экономические условия функционирования добывающей промышленности, регламентацию производства и рост внутреннего потребления ее продукции), чем со стороны большинства других членов ОПЕК, и прежде всего таких ныне крупных экспортеров нефти и газа, как Иран, Венесуэла, Индонезия. Нефтяной экспорт последних трех стран может уменьшиться особенно резко — в 2—4 раза — относительно его уровня на рубеже 70-х и 80-х годов, снизившись до менее 2/5 производимого ими количества жидкого топлива, несмотря на сохранение, по всей видимости, их значительной заинтересованности в увеличении валютных поступлений⁴.

Напротив, Алжир принадлежит к меньшинству участников ОПЕК, у которых отчетливо заметно сочетание следующих трех факторов: достаточно большие неиспользованные резервы для наращивания добычи и вывоза углеводородного сырья, внутренние стимулы к их более активному вовлечению в хозяйственный оборот и, наконец, практическое выражение этих возможностей и побудительных мотивов в государственной энергосырьевой стратегии. Для остальных шести арабских государств — членов ОПЕК, кроме Ирака, характерно сохранение умеренных масштабов поставок топливно-энергетических товаров за рубеж. Однако ввиду узости внутреннего рынка сохранится преимущественно экспортная ориентация нефтегазовой промышленности: для внешнего рынка к началу 90-х годов все еще будет предназначаться от 3/4 общего производства первичных и вторичных энергоносителей в Ливии до 9/10 и более в странах Аравийского полуострова.

Высокая степень интеграции топливно-энергетических отраслей в систему мирохозяйственных связей предопределяет значение и ключевые направления сырьевой стратегии для участников ОПЕК. Превалирующим, на наш взгляд, для них всех в настоящее время выступает внешнеэкономический аспект, который, если оправдаются высказанные здесь только что предположения, сохранит за собой центральное место в ближайшей обозримой перспективе среди приоритетов арабских членов организации и, возможно, Нигерии. Нефтегазовая политика весьма тесно переплетается с внешнеторговой, а с учетом узкой специализации этих стран в системе международного разделения труда, по сути, почти тождественна экспортной политике. В значительной мере то же самое справедливо и для валютно-финансовой области, поскольку вывоз товаров топливной группы является основным источником валютных поступлений и, следовательно, главным инструментом регулирования внешних финансовых расчетов. Причем с данных точек зрения ситуация принципиально не изменится от того, будут ли предметами экспорта первичные энергоресурсы или вторичные энергоносители.

Первичная переработка сырой нефти, импортированной из стран — участниц ОПЕК в Западную Европу, в среднем повышала стоимость этого сырья лишь на 13,4% при ценовых пропорциях на рубеже 70-х и 80-х годов. Иначе говоря, если базой цен фоб на продукты перегонки нефти, вывозимые из государств — членов организации, послужат их собственные официальные котировки углеводородного сырья, то соотношение между основными элементами издержек — сырьевым компонентом и затратами на его переработку — определила бы пропорция 88,2:11,8 (расчитано по [175, с. 18; 345, с. 100]). При таком соотношении сырьевой или, для стран ОПЕК, точнее, рентный компонент внешне-торговых поступлений еще длительный период не утратит своей значимости, несмотря на вероятное изменение товарной структуры их экспорта, в котором значительное или даже первое место может занять базовая или промежуточная продукция обрабатывающих отраслей энергосырьевого комплекса (как это уже произошло в Венесуэле) и отчасти — основной органической химии. Соответственно внешняя сырьевая политика не перестанет играть, по сути, заглавной роли в областях, о которых говорилось выше. В то же время для адекватного выражения ее новой, измененной формы скорее всего потребуются какая-то иная терминология.

Для выяснения роли и места ОПЕК в современном нефтегазовом хозяйстве развитых капиталистических и развивающихся стран представляется необходимым рассмотреть следующей проблемы: какова степень координации внешней энергосырьевой политики между экспортерами жидкого и газообразного топлива, значение их межгосударственного объединения в процессе этой координации, наконец, каково вообще соотношение коллективных, групповых и национальных инструментов в реализации данного круга ключевых аспектов из области их государственной экономической стратегии.

Выше уже шла речь о приоритете национальных и отчасти групповых методов над коллективными мероприятиями на более широкой основе в области регулирования отношений нефтеэкспортирующих государств с транснациональными нефтяными корпорациями в производственной сфере. Постараемся показать на опыте Ливии и Алжира, что аналогичная ситуация характерна и для сферы обращения, т. е. для внешнеторговой политики нефтеэкспортеров, уровень координации которой в работах ряда советских и зарубежных авторов представляется заметным преувеличенным, равно как и вклад в нее со стороны ОПЕК. Пример этих двух стран достаточно показателен, поскольку они представляют различные группы участников данной организации соответственно с повышенной и более ограниченной способностью освоения валютных доходов. Способность производительно применять поступления от нефти важна как один из основных факторов, участвующих в формировании внешней сырьевой политики.

АНДР до настоящего времени не смогла полностью утолить инвестиционный голод, заставляющий сосредоточивать усилия

на расширении экспортного потенциала. Последнее же оказывается практически осуществимым преимущественно за счет нефтегазовой промышленности. Поэтому линия на стимулирование вывоза ее продукции пока еще преобладает над усилиями по консервации наиболее дефицитных ресурсов углеводородного сырья, хотя необходимость максимально обеспечить ими будущие потребности национальной экономики признается и учитывается алжирским руководством. Так, в резолюциях IV сессии Центрального Комитета правящей в АНДР Партии Фронт национального освобождения (сессия состоялась в декабре 1980 г. и значительное внимание уделила проблемам энергетической политики) в число первоочередных задач выдвинута «настоятельная необходимость обеспечить энергетическое будущее страны, сохраняя „стратегические резервы“ углеводородов», а также «отдавать приоритет удовлетворению растущих нужд внутреннего потребления энергии и развития страны» [315, с. 9].

Как правило, верхний предел экспорта жидкого топлива из Алжира определяется ограниченностью его разведанных запасов. Однако иногда этой стране приходится преодолевать препятствия и в области размещения на мировом капиталистическом рынке своих ограниченных по сравнению с большинством других участников ОПЕК экспортных ресурсов на приемлемых условиях.

Для 70-х годов наиболее характерны были временные, но достаточно серьезные осложнения в торгово-экономических отношениях с основным партнером — Францией. При этом мотивировались они отнюдь не одной только национализацией ее нефтяных интересов. На протяжении 60-х годов Франция традиционно являлась основным покупателем алжирской нефти. В 1970 г. на нее пришлось 27 млн. т, или около 59% экспорта этого сырья из АНДР. Алжир, в свою очередь, был крупнейшим поставщиком его во Францию, обеспечивая до 27% импорта нефти (расчитано по [82, с. 81; 103, с. 222—223]).

В 1971 г. кризис взаимоотношений в связи с национализацией и французский бойкот привели к падению этого показателя до 7 млн. т. Но после урегулирования кризиса импорт жидкого топлива во Францию стал восстанавливаться довольно быстро и достиг примерно 15 млн. т уже в 1972 г., что составляло более 32% объема алжирского экспорта нефти и газового конденсата. Однако наиболее сильное сокращение французский нефтяной импорт из АНДР вновь испытал позже в результате попыток переориентации внешней энергетической и в целом экономической политики Франции. Он резко понизился в 1975—1976 гг. — до 5,97 млн. и 4,75 млн. т соответственно, или около 4,1% общего объема французского импорта нефти. При этом место Алжира на французском рынке занял не кто иной, как его «партнер» по ОПЕК — Саудовская Аравия. В 1976 г. из королевства было ввезено 44 млн. т сырой нефти, или 36,3% ее импорта во Францию (расчитано по [208, с. 29—30; 375, 28.06.1977; 378, 1977, т. 1, № 21, с. 2—3]).

«Сонатрак» удалось затем компенсировать эти потери за счет увеличения продаж прежде всего в США, а также в некоторые западноевропейские страны, особенно в ФРГ.

Только к 1978 г. стала отмечаться более благоприятная для АНДР тенденция в алжиро-французских экономических отношениях под воздействием следующих событий. Обеспокоенный крупным дефицитом в торговле с Францией (более 1 млрд. долл. в 1975 г. и 766 млн. в 1976 г.), Алжир принял ответные радикальные меры для сокращения импорта из этой страны. Сумма предоставленных французским фирмам новых контрактов на сооружение промышленных объектов была уменьшена с 1425 млн. долл. в 1975 г. до 306 млн. в 1976 г., а позже принято решение полностью приостановить их выдачу. Вследствие этого французский концерн «Мишлен», например, лишился крупного заказа на строительство в Алжире шинного комбината мощностью 4 млн. автопокрышек в год, предоставленного двум его соперникам: итальянскому «Пирелли» и западногерманскому «Крупп». Реальная опасность утраты очень емкого алжирского рынка товаров и услуг производственного назначения в пользу американских, западногерманских и итальянских конкурентов побудила правящие круги Франции частично пересмотреть политику в отношении импорта нефти из АНДР. Другим стимулом послужило то, что надежды на значительное расширение французского экспорта в Саудовскую Аравию не оправдались. Одним из конкретных результатов этих перемен явился долгосрочный контракт, заключенный между «Сонатрак» и КФП, на импорт во Францию конденсата в течение 10 лет, начиная с 1 млн. т в 1978 г. [370, 1977, т. 33, № 1658; 372, 1978, т. 22, № 16, с. 23; 378, 1977, т. 1, № 21, с. 2—3; № 28, с. 3].

Последовавшее в 1979—1980 гг. второе обострение энергетического кризиса в капиталистическом мире повысило спрос на алжирскую нефть, позволило значительно поднять цены на нее. По мере роста валютных доходов актуализировалась проблема консервации ресурсов жидкого углеводородного сырья, о чем здесь уже было сказано. В 1978—1980 гг. добыча нефти (вместе с газовым конденсатом) была организованно сокращена на 10%, с 57,2 млн. до 51,5 млн. т. Однако в 1981 г. Алжир наряду с другими нефтеэкспортерами вновь начал испытывать трудности сбыта своей продукции, которые в течение того же года вызвали вынужденное снижение ее производства еще примерно на 10%, до 46,4 млн. т, и вывоза жидкого топлива, включая нефтепродукты, почти на 20%, с 41,8 млн. до 33,6 млн. т. В 1982—1983 гг. отмечалась стагнация в среднем на этом пониженном уровне [211, с. 30, 35; 384, 1984, т. LI, № 8].

Потенциал ливийской нефтедобывающей промышленности по своим горно-геологическим и технико-экономическим параметрам в 2—3 раза превосходит алжирские показатели для этой отрасли. Оптимальный возможный суммарный дебит действующего фонда скважин в Ливии определялся советскими исследователями на

конец 70-х годов примерно в 175 млн. т в год. К этой величине близка также максимальная пропускная способность магистральных нефтепроводов и нефтегрузочных портов. В перспективе ожидалось умеренное повышение геологически возможной мощности нефтедобычи до 200 млн. т в год к 1990 г. и стабилизация на этом уровне [158, с. 182]. Фактические экспортные мощности, однако, были ниже. Они оценивались западными специалистами на уровне 100—115 млн. т в год, поскольку затянулась замена части оборудования нефтепромыслов и объектов инфраструктуры. Так, в порту Марса-Харига, через который экспортируется продукция месторождения Сарир и близлежащих нефтепромыслов, полностью национализированных и разрабатываемых ЛНОК самостоятельно, в конце 1977 г. были непригодны к эксплуатации около 30% емкостей нефтехранилищ [373, 1977, т. XXI, № 1, с. 1; 384, 1976, т. XLIII, № 11, с. 426; 1983, т. L, № 2, с. 39].

В том случае, если бы добыча и вывоз нефти были доведены до технического максимума, не говоря уже о геологически возможном, валютные поступления Ливии весьма значительно превзошли бы ее потребности. Стоимость нефтяного экспорта объемом 115 млн. т в год, даже с учетом понижения цен на высококачественную нефть до 220 долл. за тонну на свободном рынке наличного товара в феврале 1983 г., могла бы достигнуть 25,3 млрд. долл. В то же время в 1981 г. ливийский импорт находился на уровне до 14,1 млрд., а план развития на 1981—1985 гг. предусматривает среднегодовые ассигнования объемом около 12,5 млрд. долл. (рассчитано по [234, с. 42; 367, 1982, т. XXXV, № 12, с. 264—265; 372, 1981, т. 25, № 2, с. 25]). Причем следует учитывать, что эти показатели импортных и инвестиционных расходов отражают резко возросшую за 70-е и начало 80-х годов способность ливийской экономики к абсорбированию валютных доходов, повышенную благодаря целому комплексу стимулирующих мероприятий. На начальных этапах «революции цен» углеводородного сырья эти «абсорбционные» возможности были гораздо ниже.

Стремясь к наиболее полному соответствию нефтяной политики долгосрочным национальным интересам, антиимпериалистический режим Ливии с начала прошлого десятилетия первым среди государств — участников ОПЕК приступил к активной и последовательной консервации ископаемых ресурсов. В течение 1970—1975 гг. это государство произвело самое значительное абсолютное сокращение экспорта нефти с 159,4 млн. до 69,2 млн. т в год (на 90,2 млн. т), а также относительное — на 56,6% (рассчитано по [353, 1982, № 10, с. 153]). Таким образом, Ливия внесла наиболее весомый реальный вклад в сдерживание роста поставок на мировой капиталистический рынок жидкого топлива в тот важный для нефтеэкспортирующих стран период и в создание благоприятной для них конъюнктуры. Политика этого государства стала не последней по значению предпосылкой «революции цен» 1973—1974 гг., а затем в условиях временного сокращения спроса

в конце 1974 г. и в 1975 г. помогла участникам ОПЕК сохранить основные завоевания, закрепить новую ценовую базу углеводородного сырья.

С 1970 г. примерно до середины 1974 г. консервация нефтедобычи осуществлялась по инициативе и под полным контролем ливийского правительства. Затем наступил спад конъюнктуры, наиболее серьезно затронувший производителей высококачественной, близкой к центрам потребления и соответственно самой дорогой нефти, в том числе Ливию и Алжир. Лучшие сорта жидкого топлива временно лишились преимуществ перед тяжелой и сернистой, но более дешевой нефтью, отгружаемой из портов Персидского залива. В этих условиях нефтедобыча в Ливии стала сокращаться уже вопреки намерениям правительства. К концу 1974 г. данный процесс трудно поддавался его контролю.

Объем производства в ноябре 1974 г. опускался почти до 45 млн. т в годовом исчислении, а за первое полугодие 1975 г. соответственный показатель не превышал 51,5 млн. т [365, 22.08.1975; 02.02.1976].

О противоречии этих уровней добычи финансовым планам Ливии свидетельствует хотя бы факт довольно резкого сокращения ее валютных резервов, за счет которых страна в тот период погашала значительную часть своих внешних платежных обязательств. Производство жидкого топлива было несколько повышено к 1976 г. и в целом стабилизировано до начала 1979 г. преимущественно посредством снижения премий за качество и географическое положение, в результате чего сократилась разница в котировках между ливийской и эталонной аравийской легкой нефтью.

Почти точное повторение данной ситуации наблюдалось в ходе второго обострения энергетического кризиса и последовавшего за ним гораздо более глубокого спада конъюнктуры на капиталистическом нефтяном рынке, чем в середине 70-х годов. По мере удорожания жидкого топлива с 1979 г. до начала 1981 г. Ливия вновь приступила к сокращению его экспорта, который был понижен с 96 млн. т в 1979 г. до 80 млн. т в 1980 г., или на 16,7%. Тогда же был опубликован второй пятилетний план экономического и социального развития СНЛАД, который предусматривает уменьшение вывоза жидкого топлива до менее 65 млн. т в 1985 г., а немного раньше появились сообщения о долгосрочной экономической программе на период до 2000 г., предполагающей довести поставки нефтепродуктов (по преимуществу) и сырой нефти (в минимальном количестве) за рубеж до ежегодного уровня ниже 50 млн. т начиная с середины 90-х годов (рассчитано по [312, с. 35; 372, 1981, т. 25, № 2, с. 25; 377, 04.09.1980]).

Постепенное снижение нефтедобычи в Ливии примерно до 74 млн. т в пересчете на год за первый квартал 1981 г., вероятно, продолжало соответствовать ее энергосырьевой политике. Однако затем произошло скачкообразное падение уровня производства

до 46 млн. т к середине и ниже 28 млн. т к концу того же года по мере отказа большинства покупателей от возобновления краткосрочных контрактов на приобретение ливийской нефти или резкого уменьшения ее закупок, а также поставок акционерам смешанных добывающих предприятий в счет доли участия [339, с. 18; 384, 1981, т. XLVIII, № 12, с. 531].

Такие показатели далеко расходились даже с наиболее радикальными намерениями Ливии относительно консервации ее ресурсов углеводородного сырья. По некоторым оценкам, при среднем физическом объеме внешнеторговых операций за 1981—1982 гг. и понижительной тенденции в ценообразовании на рынке жидкого топлива валютная выручка едва достаточна для покрытия текущих платежных обязательств без учета импортируемой инфляции и роста капитальных ассигнований по плану развития. Как и в середине прошлого десятилетия, уровень экспорта был частично восстановлен в 1982 г. главным образом средствами национальной ценовой политики и другими методами стимулирования. Аналогия между двумя периодами дополняется также весьма ощутимым сокращением ливийских валютных запасов в 1981—1982 гг.

Приведенные здесь факты об АНДР и СНЛАД можно было бы дополнить из практики целого ряда других нефтеэкспортирующих государств многочисленными примерами, свидетельствующими о преобладании национального инструментария в их экспортной энергосырьевой политике, особенно в периоды повышенной конъюнктуры. Да и в полосе депрессивного рынка они тоже стремятся отстаивать свои интересы в процессе урегулирования национальных квот. Именно это происходило в 1983—1984 гг., когда ОПЕК, наконец, ввела квотирование добычи. Такая ситуация расхождается с точкой зрения отдельных советских экономистов, которые отдают приоритет прежде всего процессам коллективного регулирования производства и вывоза жидкого топлива, не уделяя достаточного внимания расхождениям между участниками ОПЕК⁵.

Попытки разработать и утвердить подобную программу действительно предпринимались на всем протяжении 60-х и 70-х годов, причем весьма многочисленные и достаточно широко освещавшиеся как в прессе, так и в научных публикациях. Однако за первые два десятилетия существования ОПЕК не только ни одна из них не получила всеобщего одобрения государств-участников, не говоря уже о практической их реализации, но даже сам принцип квотирования экспорта или распределения рынков так и не стал постоянной основой деятельности этой международной организации, по крайней мере до 1983 г. Сокращение добычи и вывоза жидкого топлива членами Организации арабских стран — экспортеров нефти в октябре 1973 г. после начала арабо-израильской войны осталось единственным примером совместного выступления группы нефтеэкспортирующих государств в данной области за тот период. Однако оно было кратковременным, пресле-

довало прежде всего политические цели и предусматривало снижение производства по сравнению с фактическим уровнем до начала военных действий, опять-таки не ставя задачу унифицировать в целом рыночную стратегию участников данного мероприятия и не являясь частью какой-либо программы.

Основным принципиальным противником радикального крыла ОПЕК в лице Ливии и Алжира постоянно выступает Саудовская Аравия — главный оплот консерватизма и прозападной ориентации в арабском мире. В нефтяной области такой курс Эр-Рияда упрощается огромным весом этой страны как первого по ресурсам и добыче жидкого топлива участника ОПЕК. Для того чтобы отчетливо выявить антиимпериалистические начала в нефтяной политике СНАД и АНДР и представить трудность их борьбы за свои законные интересы, рассмотрим подробнее линию их основного оппонента в организации. Саудовская Аравия вплоть до 1983 г. выступала против единой производственной и сбытовой политики государств — членов ОПЕК, причем все чаще под тем предлогом, что закрепление каких-либо нормативов в данной области повлекло бы недопустимое ограничение национального суверенитета этих стран. Саудовский министр нефти и минеральных ресурсов шейх А. З. Ямани при обсуждении соответствующего круга вопросов неоднократно, и в том числе на 66-й очередной конференции этой организации в декабре 1982 г., повторял: «Наш уровень производства (нефти. — В. К.) устанавливается в Эр-Рияде, а не в Вене (штаб-квартире ОПЕК. — В. К.)» (цит. по [233, с. 55]). В целом же начало 80-х годов характеризовалось весьма сложной и противоречивой ситуацией на капиталистическом нефтяном рынке, многие трактовки которой вызывают возражения.

С точки зрения авторов коллективной монографии «Ценообразование на мировом капиталистическом рынке», «силу ОПЕК в современный период, после свержения шахского режима в Иране, особенно доказывает относительное единство, в том числе и со стороны Саудовской Аравии, в проведении политики ограничения добычи нефти, что является решающим фактором в сдерживании чрезмерного разбухания предложения сырой нефти на мировом капиталистическом рынке и соответственно играет заметную роль в повышательной политике и тенденции цен на нефть» [173, с. 21—22].

С подавляющим большинством веско аргументированных выводов данной весьма ценной работы нельзя не согласиться, но рассматриваемый здесь конкретный тезис представляет как раз одно из немногих исключений. Оставим в стороне наиболее глубокий, пожалуй, за всю историю существования ОПЕК спад конъюнктуры на рынке жидкого топлива, с которым столкнулись участники организации ко времени выхода в свет указанной монографии. Но ее авторам, конечно, трудно было предвидеть длительность этого спада, а потому они лишь отметили, что в 1981 г. нефтеэкспортеры «под воздействием сокращения спроса на нефть

незначительно снизили цены на отдельные сорта нефти» [173, с. 23].

Предметом дискуссии, следовательно, может служить только оценка предшествующих событий. В них саудовская монархия сыграла иную роль, чем отведенная этому государству в монографии «Ценообразование на мировом капиталистическом рынке». Как достаточно откровенно, хотя и не без некоторого рекламного преувеличения, заявил в интервью американской телекомпании Эн-би-си 19 апреля 1981 г. А. З. Ямани, «существующий избыток на международном нефтяном рынке создан Саудовской Аравией» (цит. по [271, с. 45]). Действительно, ее уровни нефтедобычи и экспорта жидкого топлива соответствовали или поддерживались весьма близко к техническому максимуму на протяжении более чем двухлетнего периода, со второй половины 1979 г. до ноября 1981 г., когда также почти одновременно бывало приостановлено действие ограничений на вывоз наиболее высококачественной аравийской легкой и сверхлегкой нефти⁶.

Таким образом, саудовская энергосырьевая политика на рубеже и в начале нынешнего десятилетия была направлена не на предотвращение, а на провоцирование перепроизводства в нефтегазовой промышленности капиталистических и развивающихся стран, причем под сильным влиянием американской администрации. Важно отметить, что в 1979—1981 гг. добыча и экспорт поддерживались Саудовской Аравией на максимальном уровне не только в условиях дефицита на мировом рынке жидкого топлива, связанного с революцией в Иране и затем с ирано-иракским вооруженным конфликтом, но и на протяжении достаточно длительных периодов (с точки зрения их воздействия на рыночную конъюнктуру) уже после того, как этот дефицит сменялся явным затовариванием. Так, в 1981 г. подобная тактика все еще сохранялась, даже по формальным признакам, в течение более полугода — с марта — апреля (тогда начала снижаться среднемировая цена нефти) по октябрь включительно, — в то время как на нефтяном рынке не только обозначилась смена тенденций, но и весьма прочно утвердилась депрессивная ситуация.

Реальная продолжительность периода целенаправленного перепроизводства была гораздо значительнее, так как на рубеже 1980—1981 гг. и даже ранее весомая доля саудовского экспорта использовалась импортерами не на цели потребления, а для наращивания сверхнормативных запасов жидкого топлива: прежде всего стратегических резервов государствами развитого капитализма, а также коммерческих — транснациональными нефтяными корпорациями [224, с. 42; 339, с. 19]. Поэтому определение энергосырьевой политики аравийского королевства как «так называемое гибкое ограничение» нефтедобычи [173, с. 21] нуждается в существенных оговорках относительно преимущественного направления этой «гибкости». Характер политики этого государства, в особенности нефтяной, гораздо более веско подтверждает общий вывод проф. Р. А. Ульяновского об эволюции Саудовской Ара-

нии, которая «стала в еще большей степени, чем прежде, троизмским концом американского и западноевропейского неоколониализма в арабском мире» [166, с. 280], а также утверждение академика Е. М. Примакова о том, что «сдерживающее воздействие на рост цен саудовские руководители оказывали не только своим политическим влиянием на некоторых членов ОПЕК, но и экономическими мерами, необоснованно увеличивая добычу в условиях насыщенности нефтью мирового рынка... например, в 1981 г.» [135, с. 30], и тезис другого советского исследователя, Р. В. Борисова, что «саудовский режим выступал в качестве подрывной силы империализма в ОПЕК и ОАПЕК, орудия ослабления единой антиимпериалистической нефтяной политики арабских государств» [45, с. 54].

Для данного исследования важно выделить среди главных объектов, а затем и «жертв» саудовской экспансии на рынке жидкого топлива в начале 80-х годов африканские государства, которые отличались от аравийского королевства последовательно антиимпериалистическим курсом (в особенности Ливия и Алжир) и наиболее радикальной линией по вопросу ценообразования на нефть. Перерыв в ограничениях на экспорт аравийской легкой нефти имел самой вероятной целью нанести экономический и политический ущерб Ливии, Алжиру и Нигерии посредством усиленной конкуренции с высококачественным сырьем этих трех экспортеров. Наряду с ростом добычи аналогичных сортов в районе Северного моря он в конце концов действительно создал трудности сбыта. Данный аспект нашел отражение и в работах западных специалистов. Например, редактор международного раздела американского еженедельника «Ойл энд Гэс Джорнел» Р. Вильвой подчеркивал в июле 1981 г., что «за проблемами, с которыми сталкиваются африканские участники ОПЕК, стоит Саудовская Аравия» [339, с. 17]. Позже, по мере переполнения капиталистического нефтяного рынка, усугубились трудности реализации, характерные в такой обстановке для наиболее дорогих, лучших разновидностей нефти.

Как стало обычным в 70-е годы, при вялом спросе на нефтепродукты, вызывавшем недогрузку перерабатывающих мощностей, их владельцы организованным порядком или вынужденно, под давлением конкуренции, закрывали прежде всего предприятия, использовавшие наименее сложное оборудование и технологию, а соответственно и самые чувствительные к качеству сырья. Напротив, сохранявшиеся в эксплуатации наиболее технически передовые комплексы, рассчитанные на глубокую переработку исходного сырьевого продукта и его производных, а также оснащенные более эффективными очистными системами, гораздо лучше приспособлены для использования сравнительно низкосортной нефти. При повышенной конъюнктуре наблюдается противоположная тенденция.

Учитывая весьма существенную разницу в стоимости оборудования, обратно пропорциональную качественным характеристикам

нефтяного сырья, для обработки которого оно предназначается, можно выявить дополнительные причины неравномерности в процессе обновления основного капитала в нефтеперерабатывающей отрасли помимо известной всеобщей материальной основы капиталистического цикла. А эта неравномерность и сохранение довольно многочисленных предприятий старого типа представляют собой, в свою очередь, важные предпосылки, которые вместе с усилившимся непостоянством спроса и предложения еще резче расширяют амплитуду колебаний размеров премий за качество различных сортов нефти. По мере усиления дефицита на рынке жидкого топлива увеличиваются надбавки к средним ценам, а в периоды избытка эти надбавки сводятся до минимума.

В 1982 г., казалось бы, наступил переломный момент с точки зрения возможной активизации существующих консультативных и придания дополнительных функций ОПЕК, которая была близка к началу практической координации производственных и экспортных программ, к реализации квотирования в области добычи и вывоза жидкого топлива ее участниками. Была проведена интенсивная кампания дискуссий по данному кругу проблем на уровне министров государств — членов организации. Уже на первом из этой серии консультативном совещании, которое состоялось 19 марта 1982 г. в Вене, было решено сократить общий уровень нефтедобычи в странах — участницах ОПЕК до 17,5 млн. барр. в день (около 875 млн. т в год) с 1 апреля 1982 г. Фактически к концу апреля — началу мая уровень производства был снижен еще значительно и составил всего 15,85 млн. барр. в день (до 793 млн. т в год) [234а, с. 24; 303, с. 35].

Это оказало некоторое стабилизирующее воздействие на конъюнктуру «свободного» нефтяного рынка, приостановило понижательную тенденцию ценообразования на нем, которая преобладала в течение предшествующего годового периода. Наметилось восстановление соответствия между ценами жидкого топлива в розовых сделках с наличным товаром и более высокими официальными контрактными котировками членов ОПЕК. Уровень первых для эталонной аравийской легкой нефти повысился с 27,5 долл. в марте до 34 долл. за баррель в мае 1982 г., т. е. возрос на 23,6%, или на 6,5 долл., сравнявшись с официальной котировкой [234а, с. 23]. Временное улучшение ситуации для продавцов на мировом капиталистическом рынке жидкого топлива, который помимо сокращения поставок из стран ОПЕК испытал весьма заметное «психологическое» воздействие англо-аргентинского вооруженного конфликта в Южной Атлантике, породило целый ряд оптимистических заявлений, исходивших от официальных деятелей нефтеэкспортирующих государств, а также еще более многочисленные комментарии обозревателей и ряда специалистов. Так, венесуэльский министр нефти Берти, оценивая результаты мартовского совещания ОПЕК, заявил, что эта организация решила «впервые в своей истории установить контроль над производством» (нефти. — В. К.) (цит. по [224, с. 43]).

И действительно, с небольшими колебаниями общий уровень нефтедобычи в странах — участницах ОПЕК вплоть до июня 1982 г. поддерживался ниже упомянутого ранее «потолка» в 17,5 млн. барр. в сутки, благодаря чему цена эталонной аравийской легкой нефти на рынке наличного товара восстановилась до уровня ее официальной котировки. Однако уже в июле производство жидкого топлива поднялось до 18,5 млн. барр. в сутки, превысив на 5,7% ранее согласованный максимум. Этого оказалось достаточно, чтобы нарушить условия достигнутого неустойчивого равновесия между спросом и предложением, незамедлительно ослабить позиции продавцов и возобновить ценопонижающий процесс на «свободном» рынке [232, с. 12—13]. Можно ли в данном случае говорить о каком-то сбое в налаженной системе контроля со стороны организации над производственным потенциалом ее участников?

Для такого вывода нет аргументов, поскольку данная система все еще не получила постоянной договорной основы. Отсутствие ее главного необходимого условия — гибкий и взаимоприемлемый механизм квотирования нефтедобычи и экспорта. Предпринятая в марте 1982 г. попытка установить верхний предел для этих двух важнейших параметров, с помощью которых нефтеэкспортирующие государства могли бы оказать коллективное влияние на рыночную конъюнктуру, оказалась обреченной, не имея под собой фундамента в виде четких обязательств каждого из них.

Как уже отмечалось, крупнейший поставщик жидкого топлива на мировой капиталистический рынок — Саудовская Аравия — отверг сам принцип фиксации этих обязательств. Но поскольку все решения и резолюции высшего органа ОПЕК — ее конференции — принимаются только единогласно, а обязательный характер приобретают лишь после их ратификации соответствующими органами государств — участников Организации [327], то для систематической блокировки принципа квотирования достаточен отказ от него хотя бы одного из участников, а тем более столь влиятельного, как Саудовская Аравия.

На саудовскую позицию не повлияло и то обстоятельство, что проект распределения квот, вынесенный на обсуждение мартовской конференции 1982 г., пожалуй, наилучшим образом удовлетворял интересы этой страны как почти никакого другого члена ОПЕК. Предложенный для нее максимум нефтедобычи позволял поддерживать экспортные поступления на уровне, намного превосходящем текущие валютные расходы. В то же время квоты, предназначенные для Ливии, Нигерии и ряда других участников организации, заведомо сильно расходились с их финансовыми планами и программами развития, давая этим государствам гораздо более веские основания для несогласия с некоторыми положениями проекта, хотя в целом принцип квотирования встречал с их стороны полную и безоговорочную поддержку. Самое же большее, на что была согласна Саудовская Аравия, это ни к че-

му не обязывающее обещание «возможного» снижения производства жидкого топлива в одностороннем порядке и в пределах, которые она «сочтет необходимыми» [233, с. 55].

Уровень нефтедобычи в королевстве подвергался на относительно короткие периоды сокращениям, притом весьма значительным, если за точку отсчета принять длительно поддерживавшийся его максимум — свыше 525 млн. т в год. В феврале 1983 г. он опускался до 200 млн. т в годовом исчислении, т. е. почти на 62% (рассчитано по [55; 231, с. 25]). Однако в связи с этим важно подчеркнуть три момента. Во-первых, не только кратковременные, но даже гораздо более длительные периоды консервации 50—60% саудовских нефтедобывающих мощностей не создают никакой реальной угрозы для финансовой стабильности этого государства, сохраняя достаточным валютное покрытие как его весьма высоких текущих и капитальных ассигнований, так и львиной доли непомерно раздутых военных расходов. Правда, существуют различные количественные оценки соотношения между собственными инвалютными потребностями Саудовской Аравии и достаточным для их удовлетворения уровнем производства жидкого топлива. Но большинство экспертов оценивают последний ниже 250 млн. т в год, по состоянию на начало 80-х годов [230, с. 44; 298, с. 142—143; 371, 1981, № 80, с. 60]. Следовательно, анализ сырьевой политики королевства не дает повода говорить всерьез о каких-либо жертвах, принесенных им на алтарь солидарности нефтеэкспортирующих государств.

Во-вторых, к настоящему времени у Саудовской Аравии сложилось самое значительное среди всех экспортеров жидкого топлива абсолютное превышение (или, точнее, избыток) предельной производительностью установленных нефтедобывающих мощностей уровня добычи «черного золота», достаточного для нормального функционирования национальной экономики. В периоды высокой конъюнктуры на мировом капиталистическом рынке углеводородного сырья, как особенно наглядно продемонстрировали события 1979—1980 гг., ни этот крупнейший экспортный потенциал в целом, ни избыточные мощности не позволили саудовскому королевству контролировать рыночную ситуацию, выступать единоличным ценовым лидером. Несмотря на полную загрузку его наличных мощностей, совокупный спрос не был до конца уравновешен предложением, что сделало невозможным предотвращение существенного роста цен. Последние ориентировались тогда в гораздо большей степени на высшие котировки, в основном африканских нефтеэкспортирующих государств, чем на намеренно заниженные саудовские котировки.

Сохранявшаяся более двух лет — с 1979 г. до начала 1981 г. — «вилка» между среднемировыми и саудовскими официальными продажными ценами способствовала главным образом спекуляциям аравийской нефтью, на которых наживались акционеры «Арамко», продолжая экспортировать основную ее часть и тем самым не оставляя почти никаких выгод импортерам и конечным

потребителям. Поэтому в роли коллективного ценового лидера имели возможность выступать и действительно выступали африканские страны — Ливия, Алжир, Нигерия, а также республиканский Иран, хотя фактический суммарный потенциал их нефтяной промышленности заметно меньше саудовского. Тем более не в пользу названной четверки складываются сравнительные финансовые возможности консервации этого потенциала.

Даже до развертывания широкомасштабных военных операций на ирано-иракском фронте возможности маневрирования в экспортной сырьевой политике четырех государств были значительно ограничены (почти вдвое) по сравнению с Саудовской Аравией. После резкого ухудшения финансово-экономических позиций Ирана прежде всего под бременем затянувшегося вооруженного конфликта разрыв расширился до четырех-, пятикратного размера (рассчитано по [298, с. 142—143, 145, 147—148]). Данные обстоятельства не замедлили сказаться при первых признаках спада конъюнктуры на мировом капиталистическом рынке жидкого топлива. Средства воздействия на рыночную ситуацию, в первую очередь на цены, начали переходить под контроль саудовской монархии. Если же сюда приплюсовать весьма существенные (хотя и уступающие саудовским) возможности других нефтяных монархий Аравийского полуострова, чья энергосырьевая политика за последние годы явно сблизилась с курсом Эр-Рияда, то их объединенный контроль над условиями реализации жидкого топлива, экспортируемого из развивающихся стран, без особого преувеличения можно было бы рассматривать как определяющий. Рост влияния аравийских монархий среди государств — поставщиков углеводородного сырья, как правило, является прямым следствием трудностей этих стран. При неблагоприятной конъюнктуре консервативные силы внутри ОПЕК не только получают возможности спекулировать на трудностях, переживаемых большинством партнеров по ОПЕК, но и активно стремятся реализовать эти возможности для давления на них. Поэтому саудовские угрозы «затопить» мировой капиталистический рынок дешевой аравийской нефтью, которые участились в начале 1983 г., с точки зрения советского специалиста А. М. Васильева, разделяемой автором, отнюдь не следует принимать за чистую риторику [55].

Третий момент, заслуживающий внимания, — это цели саудовской внешней нефтяной политики. Судя по многим мероприятиям, в которых реализуются различные аспекты энергосырьевой стратегии королевства во второй половине прошлого и в начале нынешнего десятилетия, из этой политики все более выхолащиваются заложенные в нее первоначально антимонополистические элементы и одновременно усиливается ее прозападная направленность, соответствующая специфическим узкоклассовым, даже, точнее, узкоклановым интересам так называемой нефтекратии — обуржуазивающейся феодально-племенной знати и феодально-монархической элиты, тесно связанных с крупными торгово-банков-

скими капиталистами. В свою очередь, здесь находит выражение одна из сторон более общего процесса, который анализируется рядом советских исследователей и некоторыми зарубежными специалистами: прогрессирующая утрата аравийскими монархиями антиимпериалистических потенций, в той или иной степени приущих основной массе освободившихся государств, и одновременно слияние нефтекратии с международной финансовой олигархией по мере развития на базе рентных доходов особой разновидности «государственного феодально-монополистического капитализма», используя введенный Р. Н. Андреасяном термин ([21, с. 11]; см. также [53; 54; 66; 187]). Однако зачастую отмеченные тенденции содержатся в конкретных политических акциях в скрытой форме, маскируются и выдаются за более глубокое и правильное якобы восприятие и воплощение подлинных долгосрочных интересов всего развивающегося мира в противовес «экстремистским» (по критериям консерваторов) позициям радикально-антиимпериалистических сил. В этой связи весьма характерен пример «содействия», оказанного Саудовской Аравией в 1982 г. Нигерии.

Эта африканская страна из числа самых населенных освободившихся государств — экспортеров углеводородного сырья (второе по числу жителей среди членов ОПЕК) наиболее болезненно переносила последствия перепроизводства жидкого топлива в капиталистическом хозяйстве. Когда нефтедобыча в Нигерии к концу марта 1982 г. упала ниже 30 млн. т в годовом выражении по сравнению с обычным для последних лет уровнем около 100 млн. т, что вызвало резкое сокращение валютных резервов и необходимость экстренных мер финансовой экономии, Саудовская Аравия предложила ей «помощь» на довольно крупную сумму (чуть позже с привлечением средств других аравийских монархий общий объем был определен в 1 млрд. долл.), а также обещала оказать влияние на западные корпорации с целью предотвратить назревавший разрыв контрактов и стимулировать закупки ими нигерийской нефти. На практике последняя мера, о которой вначале было громко заявлено как об угрозе давления на нефтяные компании, почти целиком свелась к тому, что за счет Саудовской Аравии расширилось коммерческое кредитование покупателей этого сырья, т. е. фактически финансировались скрытые скидки с официальных продажных цен жидкого топлива, вывозимого из Нигерии.

Кроме того, уже вскоре отчетливо проявились «связанный» характер саудовского «содействия», его жесткая политическая обусловленность. Внимание комментаторов привлекла определенно не случайная последовательность событий. Буквально через несколько дней после того, как советник президента Нигерии по нефтяным проблемам нанес визит в Саудовскую Аравию, в ходе которого согласовывались условия срочной финансовой «поддержки» африканского государства странами Персидского залива, 6 мая 1982 г. в замбийской столице Лусаке состоялась 18-я ежегодная сессия совета Африканского банка развития (АфБР).

Одним из основных пунктов ее повестки дня был наболевший вопрос об изменении ряда положений устава этого общеафриканского финансового института, касающихся главным образом участия в нем [222, с. 51; 224, с. 43—44; 245, с. 57].

На протяжении первых восемнадцати лет со времени учреждения АФБР его деятельность регулировалась соглашением, в соответствии со ст. 3 которого участвовать в банке могли только страны, имеющие «статус независимого государства Африки» [99, с. 174]. Эта статья закрепляла одно из принципиальных различий между организационной структурой АФБР и других международных банков развития, в частности отличие от Межамериканского банка развития и Азиатского банка развития. В противоположность двум последним международным финансовым институтам, основанным при активном участии США и с самого начала оказавшимся под контролем империалистических держав, африканский банк с первых дней своего существования отстаивал самостоятельность. Задача эта осложнялась прежде всего финансовыми трудностями большинства молодых освободившихся государств континента, а также бойкотом, которому его подвергали страны Запада — экспортеры капитала и доноры финансово-экономической «помощи».

Поэтому еще с начала 70-х годов отмечалось стремление ряда африканских правительств расширить банковские фонды ценой компромисса с государствами развитого капитализма, открыв им доступ в АФБР, которого они столь упорно добивались и который выдвигали основным предварительным условием пересмотра негативной позиции в отношении него. В тот период советский исследователь К. Ф. Ключников подчеркивал, что «делу африканского единства, антиимпериалистическому фронту в Африке будет нанесен серьезный урон, если странам Запада удастся овладеть Африканским банком развития, учреждением с большим экономическим и политическим потенциалом» [99, с. 182]. Укрепление финансовых позиций нефтеэкспортирующих государств Африки в 70-е годы, увеличение их взносов в капитал АФБР, а также оказанное ими совместно с рядом других стран противодействие попыткам подчинить данное учреждение империалистическому диктату отдалили эту опасность, хотя и не ликвидировали ее.

И вот на 18-й сессии совета банка ввиду кардинальной перемены Нигерией своей позиции (она тогда впервые выступила за включение в число акционеров этого кредитно-финансового института представителей частного и государственного капитала из-за пределов континента) баланс сил резко изменился в пользу сторонников расширения членства за счет приема неафриканских участников. Внесенные в устав АФБР поправки открыли доступ туда 24 государствам, в числе которых США, Япония, страны Западной Европы и арабские нефтяные монархии. Это решение сессии связывают с давлением Саудовской Аравии на Нигерию — одного из основных акционеров (13% капитала до 1982 г.) и наиболее влиятельных участников банка. Несколько других его чле-

нов, включая еще двух крупнейших держателей акций — Ливию и Алжир, а также Мадагаскар, остались в твердой оппозиции данному решению, однако оказались в меньшинстве [360, 1981, № 33, с. 73; 222, с. 51—52].

Тот факт, что в «поддержке» отдельных участников ОПЕК саудовская правящая верхушка руководствовалась своими корыстными политическими интересами, а отнюдь не идеями солидарности членов организации или арабских нефтеэкспортеров, свидетельствует о строго избирательном подходе к различным странам и к выдвигаемым ими инициативам. Например, довольно глубоко укоренилось недружественное, а временами и враждебное, отношение к Ливии. На второй арабской конференции по энергетике, состоявшейся 6—11 марта 1982 г. в столице Катара г. Доха, почти в точности повторилась ситуация, которая имела место на конференции ОПЕК в декабре 1981 г. Так же как ранее Саудовская Аравия довольно откровенно отказалась осудить решение США об отзыве из Ливии американских специалистов, так и на сей раз королевство выступило против каких бы то ни было практических мер, которые предполагалось противопоставить объявленному рейгановской администрацией экономическому бойкоту СНЛАД.

Еще более далеко идущие последствия имеет категорический отказ саудовского королевства наряду с другими арабскими нефтяными монархиями от использования «нефтяного» и «финансового оружия» для противодействия израильской агрессии и проискам империализма в регионе, несмотря на общепризнанную высокую эффективность совместного выступления участников ОАПЕК осенью 1973 г. Почти девять лет спустя, 16 июня 1982 г., в Тунисе на заседании совета министров государств — членов этой организации Ливия обратилась с призывом вновь использовать «нефтяное оружие» для отпора израильскому вторжению в Ливан. Это требование, активно поддержанное Сирией и Алжиром — двумя ее партнерами по Национальному фронту стойкости и противодействия, — было, однако, отвергнуто другими арабскими экспортерами жидкого топлива. А ведь подобная акция, как и нефтяное эмбарго 1973 г., помимо существенного политического эффекта, безусловно, не оставила бы без изменений и депрессивную конъюнктуру на капиталистическом рынке жидкого топлива, если учесть, что даже его сократившийся экспорт из арабских стран продолжал обеспечивать на 60% потребление этого энергоресурса в Западной Европе и более чем на 38% — во всех основных государствах развитого капитализма — членах ОЭСР [224, с. 42; 232, с. 15].

Бездеятельность консервативных нефтяных монархий в столь критический момент дала веское основание для вывода арабских коммунистов о том, что в ходе ливанских событий 1982 г. «с особой неприглядностью выявилась вся глубина падения правых арабских режимов, которые капитулировали перед империалистско-сионистскими замыслами, скатились к отказу от национальных патриотических целей» [32, с. 50]. В интересы этих политических

сил явно входит экономическое ослабление прогрессивных государств на Арабском Востоке, подрыв их хозяйственной и в особенности финансовой самостоятельности, что позволило бы потеснить их с позиций как внутри региона, так и на международной арене, осложнило бы положение всего радикально-антиимпериалистического крыла в национально-освободительном движении. Как справедливо подчеркнуто в редакционной статье центрального органа ФНО Алжира, подобная ситуация чревата тем, что «большинство стран ОПЕК перейдет под усиливающуюся опеку международных финансовых учреждений, контролируемых Западом, и в особенности США, теряя суверенное право определять ориентацию социально-экономической политики, так же как они перестали распоряжаться уровнем цен на свою нефть» [387, 1983, № 992, с. 5].

Наконец, следует отметить особенно характерный для последнего времени «двойной стандарт», широко применяемый монархиями Аравии для сопоставления собственной и чужой нефтяной политики. Так, на заседании Совета сотрудничества государств Арабского (Персидского) залива⁷ 14 октября 1982 г. была принята декларация, выражающая, в частности, «крайнее неудовлетворение действиями отдельных стран — участниц ОПЕК и других нефтеэкспортеров», которые «превысили установленные для них пределы добычи» этого сырья и сбывали его по «ценам ниже тех, которых они обязались придерживаться» (цит. по [227, с. 43]). Следовательно, и Саудовская Аравия, не признавшая обязательности принципа квотирования, требовала от других неукоснительного его соблюдения. Однако даже те из арабских нефтяных монархий, чья оппозиция этому принципу не была столь явной, не считали связанной им собственную практическую деятельность. Например, вскоре после мартовской (1982 г.) конференции ОПЕК, на которой была предпринята первая попытка организовать регулирование добычи нефти, данные о ее производстве в ОАЭ отнюдь не случайно были засекречены: прекратилась их официальная публикация и действующим в эмиратах иностранным компаниям было запрещено разглашать эти сведения. В то же время, по оценке западных специалистов, в октябре 1982 г., т. е. как раз к моменту принятия Советом сотрудничества декларации, ОАЭ производили на 17% больше жидкого топлива (58,5 млн. вместо 50 млн. т в пересчете на год), чем устанавливала для них разработанная в марте система квот (рассчитано по [243, с. V]).

Можно привести аналогичные факты и из другой области — ценообразования. Резкие выпадывающие нефтеэкспортирующих государств Аравии в адрес партнеров по ОПЕК против сбивания цен также не подкреплялись «безукоризненной принципиальностью» первых. Как только на рубеже 1982—1983 гг. Иран начал предоставлять покупателям его сырья крупные скидки с официальных контрактных цен, Кувейт и ОАЭ вступили в ценовую конкуренцию с ним и с другими нефтеэкспортерами, не дожидаясь решения этой организации о пересмотре котировок, на котором они настаивали,

опережая собственные «последние предупреждения» по этому поводу и не соблюдая букву этих предупреждений. По сообщению кувейтского информационного агентства, переданному 1 февраля 1983 г., государства — члены Совета сотрудничества готовились (подчеркнем, что речь шла формально о намерении, а не о свершившемся факте) к снижению официальных продажных цен на 4 долл. за баррель, или с 34 до 30 долл. применительно к эталонной аравийской легкой нефти.

Комментируя в номере от 4 февраля эти планы, американский еженедельник «Бизнес Уик» также указывал на возможность снижения цен, но лишь после того, как оно, «четко обозначившись на рынке... вынудило бы другие страны ОПЕК уменьшить свои цены». В то же время в японской прессе появились сведения о том, что Кувейт ранее уже реализовал ведущим транснациональным нефтяным компаниям крупные партии жидкого топлива по цене около 28,5 долл. за баррель с оплатой наличными (данная форма расчета с покупателями в принципе предполагает некоторую скидку с официальных котировок нефти, обычно предусматривающих рассрочку платежа, однако скидку гораздо меньшего размера). Были также опубликованы сообщения о скидках порядка 4—4,5 долл. на баррель, которые Абу-Даби предоставлял японским импортерам своего сырья [234, с. 40, 41].

В целом суверенитет развивающихся стран над нефтегазовыми ресурсами в числе прочих сдвигов вызвал и качественное изменение механизма, формирующего структуру совокупного предложения на рынке углеводородного сырья. Ранее, при традиционной системе концессий в основных освободившихся или еще зависящих государствах-производителях, мировое капиталистическое производство жидкого топлива за пределами США в своей преобладающей части, по существу, нормировалось транснациональными монополиями соответственно экономической силе каждой из них, в значительной степени определявшейся мощностями концессионных нефтепромыслов, на которые непосредственно распространялись права этих корпораций. Наибольшую роль среди них играли семь членов Международного нефтяного картеля, КФП и несколько крупных независимых компаний, нередко связанных с МНК деловыми интересами, как было, например, в Ливии и Алжире.

Юридически эта система «квот» не обязательно нуждалась в специальном оформлении, так как была достаточно надежно закреплена в самой акционерной форме компаний-концессионеров. Особые правовые нормы помимо регулирующих принадлежность пакетов акций разрабатывались преимущественно лишь для корректировки и упорядочения системы, придания ей большей мобильности и тем самым для дополнительной ее стабилизации. Каждый из пайщиков концессионных консорциумов имел в них право голоса, в том числе и при определении объемов нефтедобычи, соответственно своей доле в акционерном капитале, и в той же пропорции между ними распределялась продукция. Кроме владельцев контрольных пакетов (свыше половины всех акций), один

участник, как правило, не мог исключительно по своему усмотрению, без согласия другого или других, владеющих большинством или равной долей активов, изменить уровень добычи, а при избытке или дефиците сырья обычно реализовал его партнерам или приобретал у них. Только немногие компании, располагавшие собственными концессиями или нефтедобывающими предприятиями иного типа, нарушали эту систему. Участие узкого круга преимущественно восьми — монополий в совместных нефтедобывающих концессионных консорциумах не исключало их взаимного соперничества, но было одной из важнейших гарантий единства Международного нефтяного картеля (подробнее см. [286, с. 16—26; 239, с. 33—34]).

Теперь традиционных концессий как орудия господства МНК над нефтяной промышленностью неосоциалистического мира практически не существует. Контроль над уровнем производства и экспорта жидкого топлива перешел в руки национальных правительств стран — членов ОПЕК. Одновременно с этим безусловно прогрессивным событием система контроля в значительной степени утратила свой международный характер (международный, конечно, лишь в смысле охвата мирового капиталистического рынка, а по сути выражавший интересы транснационального нефтяного бизнеса, прежде всего американского происхождения). ОПЕК не создала иного постоянного аппарата регулирования нефтедобычи и реализации жидкого топлива взамен ликвидированного наднационального орудия монополистического диктата.

Как подчеркнул в своем исследовании высокопоставленный служащий секретариата ОПЕК Ф. Дж. аль-Шалаби, «старый „экстерриториальный“ подход... (западных. — В. К.) компаний внешне уступил место сугубо „территориальному“ подходу к решению национальных нефтяных проблем. Горизонтальные связи отсутствуют. Правда, существование ОПЕК способствует интеграции ее участников, но лишь в области определения абсолютного уровня цен на нефть. Все же другие отраслевые проблемы, особенно относящиеся к инвестиционным программам, производственным мощностям, сбыту продукции, распределению рынков и т. д., решаются на чисто национальной основе без усилий наладить действенную координацию между странами-участницами... с целью уменьшить риски нефтяных операций и обеспечить наибольшие экономические выгоды... Нефтяной национализм стал прямым результатом достигнутой независимости в данной области» ([239, с. 138—139]; см. также [321, с. 56, 99]).

Ценовая политика

Приоритет национальных средств в экспортной нефтяной политике неизбежно придает ценообразованию регулирующие функции, которые особенно расширяются при спадах конъюнктуры, острой необходимости стимулировать сбыт продукции и невозможности добиваться этого иными методами.

Например, в 1974—1975 гг., чтобы предотвратить дальнейшее падение уровня нефтяного экспорта, Ливия и Алжир значительно снизили официальные контрактные цены на свои основные сорта жидкого топлива (в долл. за баррель) соответственно на 30% (с 16,0 в первом квартале 1974 г. до 11,2 с 1 июня 1975 г.) и на 16% (с 14,0 до 11,75 примерно за тот же период). Резолюции ОПЕК при этом не нарушались. Снижению были подвергнуты премии за качество и местоположение в соответствии с худшей конъюнктурой для данных видов нефти, которые после этого оставались дороже базисной.

Особенно заметное понижение официальных контрактных цен Ливией объясняется тем, что с начала 1974 г. и до конца первого квартала они поддерживались на наиболее высоком в рамках ОПЕК уровне в соответствии со стремлением страны полнее использовать благоприятную рыночную конъюнктуру того периода [373, 1975, т. XVIII, № 34, с. 5; 384, 1976, т. XLIII, № 9, с. 337]. Ливия также сохраняла первенство в рамках организации по среднему взвешенному уровню экспортных цен на общее количество жидкого топлива, вывезенного из страны в 1974 г. По этому показателю она на 25,7% превосходила ОАЭ — экспортера нефти аналогичного качества. Алжирское сырье на мировом рынке продавалось примерно на столько же (на 22,1%) дороже соответствующих сортов легкой малосернистой нефти, которая отгружалась из портов Персидского залива. Столь существенные несовпадения лишь отчасти определялись разностью величин фрахта до основных рынков сбыта. Фактически они явно свидетельствовали о множественности цен, в значительной степени обязанным своим происхождением различной ценовой политике нефтеэкспортеров.

В последующее пятилетие наблюдалась относительная нивелировка их среднегодовых экспортных цен. Для ливийского жидкого топлива превышение над ценами ОАЭ ограничилось пределами 2,5—8,1%, для алжирского — 4,3—13,3%. Однако второй этап энергетического кризиса вновь углубил разрыв до 17,5% применительно к Ливии и до 23,6% в отношении Алжира по средним итогам 1980 г. ввиду опережающего роста их официальных контрактных котировок, новой активизации африканских нефтеэкспортеров в роли ценовых лидеров ОПЕК, что соответствовало намерениям их правящих кругов полнее использовать наличную конъюнктуру, вероятно, без достаточно взвешенной оценки ее перспективы. Впоследствии опять возобладала тенденция к сглаживанию различий.

Отмеченные колебания достаточно наглядно прослеживаются и на более общем уровне, например, если сопоставить средние цены нефтяного экспорта Саудовской Аравии с аналогичными сводными данными об участниках ОПЕК в целом. Так, если в середине 70-х годов эти показатели сближались почти до полного совпадения (в 1975 г. саудовская нефть была лишь на 1,6% дешевле жидкого топлива участников организации в среднем), то к концу десятилетия — в 1979 г. — сырье аравийского королевства стоило на

8,3% дешевле экспортной продукции членов ОПЕК⁸. В отдельные более короткие интервалы времени (в феврале — марте и в июне — июле 1980 г.) эти различия углублялись до 11,3—12,5%, а на протяжении первых пяти месяцев 1981 г. официальная контрактная котировка аравийской легкой нефти оставалась на 9,3—9,9% ниже средней взвешенной цены жидкого топлива на мировом капиталистическом рынке с учетом поставок из Мексики, Египта и ряда других стран, не входящих в ОПЕК (рассчитано по [339, с. 19]).

Автор разделяет вывод советских исследователей, в частности С. М. Никитина, о том, что «в 70-е годы на отдельных сырьевых рынках растущая множественность цен стала в значительной степени определяться напряженностью баланса предложения и спроса данного сырья» [120, с. 91; 173, с. 14]. Вполне очевидно, что более дорогой товар при прочих равных условиях может найти сбыт лишь тогда, когда предложение более дешевых ограничено. В этом смысле высокая рыночная конъюнктура действительно является необходимой предпосылкой для реализации максимальных котировок в конкретных сделках.

Вместе с тем данное условие можно считать одновременно и необходимым, и достаточным основанием для ценовых различий преимущественно между разнохарактерными рынками: прежде всего между операциями с наличным товаром и наиболее распространенными в мировой торговле нефтью среднесрочными контрактами. Поскольку нефтеэкспортирующие государства оказывают на «спотовый» рынок незначительное и в основном косвенное влияние, постольку данную причину множественности цен можно считать продуктом игры рыночных сил, если и не всегда стихийных, то, во всяком случае, зачастую внешних по отношению к основным экспортерам углеводородного сырья — развивающимся странам. Справедливо и то, что именно в этой области ценовые различия достигают наибольшего масштаба, как, например, это было во второй половине 1979 г., когда наблюдалось почти двукратное повышение «спотовых» цен над контрактными котировками ОПЕК.

Напротив, практически не может возникнуть вне связи с политикой продавцов множественность цен на одном и том же рынке. Не случайно на рынке наличного товара, где механизм их выравнивания действует в достаточно близком соответствии с общими закономерностями товарного обращения, рассматриваемое явление теоретически не вытекает из этих закономерностей, реально существуя прежде всего за счет колебаний курсов при платежах различными конвертируемыми валютами, т. е. порождается факторами из иной, денежно-кредитной сферы.

Когда же множественность цен предопределяется в основном внутренними свойствами рынка, как это происходит при контрактных поставках, такими свойствами обладает именно дифференцированная ценовая политика поставщиков. Стихийные рыночные регуляторы и здесь, в принципе, стимулируют тенденцию к после-

дующей нивелировке, которая происходит обычно на другой ближайшей стадии процесса обращения — в ходе реализации продуктов переработки сырья потребителям.

Пример Саудовской Аравии показывает, что при повышающейся конъюнктуре длительное отклонение национальных котировок вниз от среднего уровня на достаточно большую величину в конце концов неизбежно превращало ее экспортную продукцию в объект все более активных спекуляций, игры «на повышение». Даже западные специалисты зачастую бывают вынуждены признать, что результаты множественности цен на мировом капиталистическом рынке жидкого топлива либо оборачиваются дополнительными сверхприбылями для частного нефтяного бизнеса, либо какая-то доля разности в рыночной стоимости углеводородного сырья, полученного от различных поставщиков, улавливается бюджетами государств развитого капитализма — импортеров, если последним удастся наладить прямые торговые контакты с экспортерами относительно дешевых энергоносителей. Однако независимо от этого цены готовой продукции для массового конечного потребителя, как правило, выравниваются приблизительно по высшей границе, возможной при данной конъюнктуре, не оставляя ему сколько-нибудь ощутимых выгод.

Как показывают расчеты по данным экспертов «Ройал Датч-Шелл», операции с саудовской нефтью, ввезенной и после переработки реализованной западноевропейскому потребителю нефтепродуктов, позволяли повысить средние чистые прибыли нефтепромышленников за 1979 г. более чем в 3,5 раза по сравнению с их доходами от более дорогого сырья, приобретенного у других экспортеров (рассчитано по [345, с. 100]; см. также [258, с. 667]). Директор французского филиала «Экссон» — компании «Эссо САФ» — Ж. Сегюре также не может, да фактически и не пытается аргументированно опровергать слишком хорошо известные факты обогащения концернов в период обоих обострений энергетического кризиса, когда дифференциация цен проявлялась в наибольшей степени. Так, в 1979—1980 гг. отношение чистых прибылей «семи сестер» к их собственному капиталу, даже без учета доходов от манипулирования товарными запасами, почти вдвое превзошло предкризисный уровень, повысившись до 22—24%. Причем это процветание особенно отчетливо выделялось на фоне затруднений ряда ведущих предприятий в других отраслях капиталистической экономики: крупнейшая в недавнем прошлом корпорация «Дженерал Моторс» впервые за 60 лет, согласно ее официальному финансовому отчету, понесла убытки по итогам года, открывшего нынешнее десятилетие [322, с. 4—5].

В целом, таким образом, свободно действующие рыночные силы, которые в процессе постоянных колебаний стремятся восстановить неустойчивое динамическое равновесие между спросом и предложением, для любого объема предложения, по сути, автоматически определяют верхний предельный уровень цен сырьевого рынка, а также поддерживают тенденцию к подтягиванию цен

конкретных сделок до этого уровня при повышающейся конъюнктуре, а при понижающейся — дают на них в противоположном направлении. Если эта тенденция не находит адекватного выражения в конкретных котировках поставщиков, то она все же так или иначе пробивает себе дорогу на рынке наличного товара, при реализации промежуточных или конечных продуктов переработки сырья.

В отличие от максимальной границы, на которую независимо от воли экспортеров объективно ориентировано ценообразование на мировом капиталистическом рынке углеводородного сырья и по которой оно в итоге косвенным образом унифицируется, нижний предел отклонений от этого подвижного ориентира отнюдь не является столь же самостоятельным продуктом действия рыночного механизма. В данном случае, конечно, имеется в виду, что этот предел продолжает удерживаться выше действительно минимальной стоимостной границы — регулирующей цены производства минерального топлива. Последняя рассматривалась в первой части работы.

Более низкие цены, чем те, которые обусловлены состоянием платежеспособного спроса в конкретный период, могут быть лишь результатом целенаправленной торговой политики продавцов. К самым распространенным мотивам подобной политики относится расширение объема продаж и таким путем — суммарной выручки, разумеется, если физический рост реализованной товарной массы превзойдет динамику ее удешевления. Однако она может иметь и менее типичную мотивировку. Например, как признают многие исследователи и как здесь ранее пытался показать автор, политические интересы оказывают гораздо более сильное влияние на сырьевую стратегию Саудовской Аравии в отличие от большинства других развивающихся стран-нефтеэкспортеров. Заметно также и воздействие экономических интересов, которые выходят за пределы собственно нефтегазовой промышленности и связаны в первую очередь с проблемами сохранности и самовозрастания саудовских инвестиций за рубежом, сконцентрированных по преимуществу на Западе, крупнейших из авуаров государств — членов ОПЕК.

В данной связи представляется вполне закономерной возросшая за 70-е годы роль «свободного» нефтяного рынка как индикатора конъюнктуры или даже ориентира для нефтеэкспортирующих государств при разработке ими ценовой политики. Вполне обоснованны прогнозы относительно закрепления этой роли на будущее, поскольку «колебания и тем более рост цен» в розовых сделках, даже при их незначительной доле во внешнеторговом обороте сырой нефти, «являются хорошим барометром соотношения спроса и предложения» [173, с. 45—46]. Естественно также, что в условиях «рынка продавца» данные свойства «спотовых» цен наиболее активно используются именно сторонниками радикальной линии в области ценообразования. С середины прошлого и до начала нынешнего десятилетия они широко применялись

африканскими странами — участниками ОПЕК. Характерно, что «рыночный регулятор» был, по сути, «встроен» как один из основных компонентов в систему коррекции официальных продажных цен Алжира, которая действовала наряду с другими базовыми условиями его контрактов на поставки жидкого топлива еще с начала 1976 г. Алжирские контрактные цены на сырую нефть корректировались ежемесячно автоматически по следующей формуле индексации:

$$P = A + \Delta F + \Delta Q,$$

где P — цена фоб определенного сорта алжирской нефти;
 A — цена эталонной нефти (согласно действующему в ОПЕК порядку цена аравийской легкой нефти плотностью 34° АПИ фоб Рас-Таннур, выраженная в долларах США);
 ΔF — разность между издержками морской транспортировки эталонной и алжирской нефти до рынка покупателя;
 ΔQ — разность между общей стоимостью продуктов прямой перегонки алжирской и эталонной нефти в районе рынка покупателя.

Каждый из перечисленных компонентов формулы, в свою очередь, подробно детализировался условиями контрактов. Например, для определения разности издержек транспортировки разрабатывалась и согласовывалась с контрагентами «Сонатрак» специальная «корзина» из нескольких индексов фрахтовых ставок, отражавших конъюнктуру фрахового рынка танкеров, а также учитывавших предельное водоизмещение судов, способных швартоваться к алжирским нефтепогрузочным терминалам и разгружаться в портах, через которые снабжается сырьем рынок покупателя.

Соответствующая система индексации предназначалась и для учета в ценообразовании качественных характеристик алжирской нефти: брались за основу справочные цены какого-либо утвержденного сторонами свободного рынка нефтепродуктов, а также типичная структура продукции, получаемой из алжирской и эталонной нефти на выходе с нефтеперегонных предприятий в районе рынка (или нескольких рынков) покупателя. Тем самым отражались различия во фракционном составе этих видов сырья, специально учитывалось низкое содержание серы в котельно-печном топливе, выделенном из алжирской нефти. Базовые условия контрактов устанавливались на годичный период, совпадающий с общим сроком их действия.

Причем следует подчеркнуть еще раз, что принятая Алжиром система ценообразования отнюдь не копировала практику сделок на свободном нефтяном рынке, а лишь использовала ее в качестве индикатора для поддержания конкурентоспособности сырья, экспортируемого государственной компанией. Так, применение индексации было ограничено четкими пределами, которые фиксировали минимальную и максимальную величину отклонений алжирских цен от котировок эталонной нефти, предохраняя продавца и

покупателей от чрезмерно резких колебаний конъюнктуры на «спотовых» рынках. Пределы этих вариаций также относились к базовым контрактным условиям [208, с. 69—70].

Алжир вынес разработанную им систему ценообразования на обсуждение участников ОПЕК в качестве основы для проекта унификации системы официальных котировок на все многообразные сорта экспортируемой этими государствами сырой нефти, их гибкой увязки с эталоном, что являлось предметом длительных дискуссий в рамках данной организации. Однако конкретного решения на этот счет так и не было принято. В результате с октября 1973 г., когда члены ОПЕК перестали считать себя связанными тегеранским, триполийским и двумя женевскими соглашениями, которые детально регламентировали динамику справочных (тогда еще условно-расчетных) цен на жидкое топливо, вывозимое концессионными компаниями из стран Ближнего и Среднего Востока и Африки, вплоть до июня 1979 г., нефтеэкспортирующие государства, по сути, индивидуально определяли размеры надбавок или, наоборот, скидок за качество и местоположение своего сырья по сравнению с аравийской легкой нефтью⁹.

Данная практика эпизодически легализовалась организацией в постановлениях ее форумов. Так, на 47-й очередной конференции ОПЕК в мае 1976 г. в Бали (Индонезия) наряду с общим решением о замораживании базисной цены возможность подъема котировок на более высококачественные сорта нефти была оставлена на усмотрение соответствующих государств-экспортеров [384, 1976, т. XLIII, № 7, с. 246—247]. Воспользовавшись этим положением резолюции по вопросу о ценообразовании и, главное, благоприятной конъюнктурой на рынке легких сортов нефти в фазе циклического подъема, некоторые страны, включая Ливию, повысили свои официальные контрактные котировки. Аналогичная резолюция была принята в марте 1979 г. на внеочередной конференции ОПЕК, которая утвердила право каждого члена организации самостоятельно устанавливать размеры надбавок к эталонной цене. Решение оставалось в силе до июня 1979 г., когда впервые была введена верхняя граница этих надбавок [239, с. 88—89].

Таким образом, динамика официальных котировок, определяемая различными участниками ОПЕК, почти никогда не копировала полностью принятый организацией рыночный эталон даже в периоды наибольшего сближения практической ценовой тактики. Соответственно темпы и даже иногда направленность изменений цен еще более различались при усилении таких явных или скрытых противоречий в данной области, какие отмечены в ходе обострений энергетического кризиса.

Поэтому характеристика ценовой ситуации начала 80-х годов как «отказа ОПЕК от установления одинаковых систем и потолка официальной продажной цены» [120, с. 90] или утверждение о том, что «страны ОПЕК приняли решение отныне поддерживать лишь минимальные цены, их верхний уровень отменялся, и теперь уровень рыночных цен должен был определяться только

спросом и предложением» [38, с. 290], уязвимы из-за фактических неточностей.

Во-первых, само существование системы и максимального предела, о которых здесь сказано, практически не подтверждается для всего предшествующего периода — второй половины 70-х годов. Подобная система существовала лишь на раннем этапе, когда она объединяла не контрактные, а расчетные справочные цены. Во-вторых, на протяжении самого длительного периода, с середины 1979 г. до ноября 1981 г., когда официально существовали двойные котировки эталонной нефти ОПЕК — более низкие устанавливались Саудовской Аравией, к которой обычно присоединялись ОАЭ, более высокие — другими членами организации. Тогда же почти постоянно, кроме первой половины 1980 г., фиксировался и общий потолок цен, т. е. максимальная величина для суммы премий за качество и выгодное географическое положение источников жидкого топлива.

Одно из отличий второго энергетического кризиса от первого и от межкризисного периода именно в том и состоит, что на протяжении большинства фаз нефтяного дефицита на капиталистическом рынке, исключая выделенное полугодие, а также в ходе смежных дефицита избытком и затем все более явным перепроизводством вплоть до 1984 г. ОПЕК оставляла в силе принятый на ее очередной июньской 1979 г. конференции в Женеве принцип ограничения официальных продажных цен согласованным верхним пределом. Правда, смысл резолюций этого форума иногда не совсем верно истолковывается. Например, в монографии А. И. Бельчука отмечено, что на данной конференции ОПЕК «нижняя граница» нефтяных цен «была поднята до 18—23,5 долл. за баррель в зависимости от сорта нефти» [38, с. 291], хотя, точнее, 23,5 долл. ограничивался их максимальный уровень с учетом всех надбавок [301, с. 45—46; 239, с. 89].

Вместе с тем всегда необходимо четко разграничивать решения ОПЕК и то, как они реализуются государствами-участниками. Преобладающее большинство резолюций, принятых этим межгосударственным объединением нефтеэкспортеров, в силу самой его природы и круга полномочий носит не директивный, а рекомендательный характер, а следовательно, воплощается зачастую в более или менее измененной национальной интерпретации. Например, в четвертом квартале 1979 г. установленный в июне на всю вторую половину того же года максимум официальных продажных цен был превышен вначале Нигерией, а затем Алжиром и Ливией [93, с. 16].

В декабре 1979 г. на очередной 55-й конференции в Каракасе участники ОПЕК не достигли договоренности о ценах, которые, как уже сказано, регулировались каждым из них индивидуально (не исключая при этом двусторонней или групповой координации, в частности, между африканскими нефтеэкспортерами) до июня 1980 г. Однако и в этот полугодичный период от ОПЕК не исходило никаких заявлений об «отказе» от систематизации ценооб-

разования. Со второго полугодия 1980 г. организация вновь практикует объявление наряду с базовой также и второй котировки для самой высококачественной и выгодно расположенной нефти, фактически для экспортной продукции африканских участников.

Следует отметить, что минимальный уровень официальных продажных цен на вывозимое членами ОПЕК жидкое топливо, наиболее низкого качества и сильно удаленное от основных рынков сбыта, напротив, никогда не фиксировался организацией. Иначе говоря, она не устанавливала максимально допустимые пределы скидок с эталонной котировки в зависимости от качества и местоположения нефтяного сырья. Напомним, что здесь не имеются в виду условно-расчетные справочные цены. Кроме того, как базовая, так и другие официальные продажные цены предполагают четко определенные условия поставок.

К основным из них обычно относят несвязанный характер сделок, их оплату в долларах США, а также предоставление покупателю 30-дневной рассрочки платежа. В действительности, однако, конкретные формы экспортных контрактов зачастую сильно отличаются от базовой. Причем со стороны ОПЕК, насколько известно, до сих пор не предпринимались серьезные коллективные усилия для разработки единой системы, учитывающей эти немаловажные факторы ценообразования [239, с. 100, 104—107]. Их роль заметнее всего усиливается в периоды пониженной конъюнктуры на капиталистическом рынке жидкого топлива, например, при ее спаде, начавшемся в 1981 г.

В таких рыночных ситуациях условия реализации варьируются, как правило, с целью предоставления скрытых скидок с официальных продажных цен. В одних случаях, как в приведенном ранее примере о продаже Кувейтом нефти японским фирмам за наличный расчет, установить факт предоставления скидки и вычислить ее размеры не очень сложно. Достаточно лишь иметь данные о соответствующей норме процента на денежных рынках. В контрактах других типов, особенно в бартерных сделках, выявить реальные цены экспортируемого сырья сложнее. Номинально они обычно соответствуют официальным котировкам, вариации же их действительного уровня осуществляются за счет оценки встречных поставок товаров и услуг, приобретаемых нефтеэкспортерами в порядке компенсации. Обоснованные суждения на этот счет практически невозможно вынести на базе публикуемых данных без детального анализа специфических условий бартерных соглашений, без сопоставления этих условий с аналогами в рамках несвязанных сделок.

Наконец, следует выделить еще один участок современного капиталистического рынка жидкого топлива — торговлю нефтепродуктами, на которую ОПЕК пока не пыталась распространить свои регулирующие функции, хотя бы в той ограниченной форме, какая показана выше (см. также [286, с. 164, 178]). Экспорт продукции собственной нефтеперерабатывающей промышленности государствами — членами этой организации пока еще относитель-

но невелик. В среднем его доля к началу 80-х годов лишь немного превышала 7% общего объема поставок жидкого топлива на мировой рынок странами-участницами (в натуральном выражении). Однако отдельными государствами — членами ОПЕК уже к этому рубежу степень переработки нефтяного экспорта была существенно повышена: например, более чем до $\frac{1}{3}$ в Венесуэле и свыше $\frac{1}{4}$ в Алжире (рассчитано по [352, 04.12.1982; 381, 1981, т. XII, № 1, с. 15, 17]). Вывоз нефтепродуктов испытал меньшее количественное сокращение, чем поставки сырой нефти из зоны ОПЕК в 1981—1982 гг., что должно было вызвать временно некоторое дополнительное увеличение его удельного веса.

Кроме того, в начале 80-х годов получили довольно широкое распространение так называемые процессинговые сделки. К 1981 г. их применяли 10 из 13 участников ОПЕК. Это соглашения с владельцами нефтеперегонных предприятий в странах развитого капитализма о переработке сырья развивающихся государств на готовых продуктах, и о последующей реализации этих товаров на аналогичных основаниях или через специальные смешанные общества. По зарубежным оценкам, Ливия весной 1982 г. сбывала на западноевропейском рынке примерно 7—8 млн. т нефтепродуктов посредством подобных соглашений, что составляло весомую часть ее сократившегося совокупного экспорта [89, с. 52; 308, с. 17]. Ряд публикаций как на Западе, так и в некоторых нефтеэкспортирующих странах (например, статьи алжирских авторов) свидетельствует о том, что уровень цен на нефтепродукты в процессинговых контрактах тяготеет к свободному рынку. В результате при низкой конъюнктуре 1982—1984 гг. их общая стоимость зачастую заметно уступала стоимости исходного сырья, если последнюю исчислить в официальных продажных ценах [305, с. 36, 37; 316, с. 181].

Роль ОПЕК во взаимодействии нефтеэкспортирующих государств

Нередкие в специальной литературе выводы о практических результатах тесно скоординированной нефтяной политики участников ОПЕК после первого энергетического кризиса трудно принять без существенных оговорок. Более же категоричные утверждения о «формировании единой сырьевой стратегии, которая могла быть не подвержена сильным конъюнктурным колебаниям» [28, с. 117], вообще не представляются правомерными для какого-либо продолжительного этапа в истории межгосударственного объединения нефтеэкспортеров.

Нельзя согласиться в этой связи также с довольно распространенными в последнее время близкими аналогиями между данной сырьевой ассоциацией и частномонополистическими союзами картельного типа. Например, в совместной монографии А. А. Арбатова и А. Ф. Шакая объединения экспортеров нефти и иных видов

сырья характеризуются соответственно как «так называемый картель» [28, с. 118], а в монографической работе А. В. Шадровского — как «картель стран-производителей» [174, с. 54]. Следуя контексту, эти определения, видимо, надо относить к организационным формам и отчасти к механизму функционирования сырьевых ассоциаций. Примерно в том же смысле, по всей вероятности, употреблен термин «картель» и венгерскими исследователями Ф. Чаголи и Э. Муракези, когда они формулировали вывод о том, что «картель ОПЕК просто использовал закономерности и потенциальные возможности капиталистического рынка против самих его хозяев — индустриально развитых нефтепотребляющих стран» [246, с. 362]. В данных случаях можно спорить по поводу того, насколько устойчивые стереотипы, характеризующие хозяйственную практику и взаимоотношения частных монополий в их разнообразных группировках, пригодны для описания деятельности сырьевых ассоциаций типа ОПЕК, не затухают ли и тем более не деформируются ли при подобном подходе некоторые существенные черты межгосударственных объединений развивающихся стран.

Совершенно неприемлема и вызывает резкие возражения позиция большинства западных исследователей, обозревателей, политических деятелей и представителей деловых кругов, которые не просто сопоставляют, а целиком отождествляют ОПЕК с империалистическими картелями, преподнося действительную сущность организации в явно искаженном свете. Подобный постулат наиболее безапелляционно, зачастую аксиоматически либо по преимуществу схоластически, без сколько-нибудь разностороннего и обобщенного анализа реальных фактов о деятельности объединения нефтеэкспортеров и отдельных его участников, утверждается такими буржуазными авторами, как Р. З. Алибер, Д. Р. Боухай и М. Рассел, Х. Дж. Моргентау, Р. Йонас и Х. Минте, Дж. Мэддокс, Р. С. Пиндик, А. Сэмпсон и целый ряд других (см., например, [201; 221; 297; 276; 288; 310; 320]), а среди политиков — бывшим государственным секретарем США Г. Киссинджером. Однако и на Западе далеко не все разделяют эту оценку Организации стран — экспортеров нефти и нередко подвергают ее аргументированной критике.

Иная концепция в советской экономической литературе отчетливее выявляет особенности генезиса и конкретизирует направление деятельности ОПЕК, хотя последнее во все большей мере относится к отдельным нефтеэкспортирующим государствам и их более узким группам, чем ко всей организации в целом. Согласно предложенной Р. Н. Андреасяном формулировке, «исторически ОПЕК является... „антикартелем“ или, вернее, „антиимпериалистическим картелем“, разрушающим колониально-монополистическую систему эксплуатации освободившихся стран» [22, с. 12].

Данная концепция присутствует в работах некоторых других авторов, а также в коллективных монографиях (см. [24, с. 119; 88, с. 196—198; 121, с. 91—92]). И хотя ее содержание здесь рас-

крывается недостаточно подробно, из контекста указанных исследований можно заключить, что под «антикартельной» деятельностью сырьевых ассоциаций понимаются меры ограничительной деловой практики, заимствованные из арсенала частномонополистических объединений, но обращенные на борьбу с доминированием транснационального капитала в энергосырьевом хозяйстве соответствующих групп государств развивающегося мира. Причем некоторые исследователи не исключают, а в отдельных акциях ОПЕК определенно усматривают иногда трансформацию «антикартельных» функций в традиционные картельные, перенос давления, как отмечает И. Д. Иванов, с монополий по преимуществу на «массивы потребителей» [88, с. 197].

Разделяя в общем данную позицию и принимая на вооружение указанную терминологию, попытаемся установить разграничения между действиями отраслевой ассоциации нефтеэкспортеров и практикой частномонополистических объединений.

Прежде всего следует подчеркнуть далеко не полное функциональное соответствие ОПЕК вплоть до марта 1983 г. ленинскому определению традиционных картелей в труде «Империализм, как высшая стадия капитализма», согласно которому «картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и пр. Они делят между собой области сбыта. Они определяют количество производимых продуктов. Они устанавливают цены. Они распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т. д.» [11, с. 317].

Конечно, эти функции постоянно модифицировались, становились более гибкими. Однако и на современной стадии развития империализма обычно формируются комплексы главных объектов картельного регулирования, охватывающие цены и условия платежей, раздел рынков и сбытовую деятельность, причем ограничение ценовой конкуренции и раздел рынков являются его основными целями. Пример крупнейшего и, вероятно, самого мощного в экономической истории монополистического союза капиталистов — Международного нефтяного картеля — на этапе его расцвета демонстрирует полное сочетание перечисленных признаков. Кроме того, его прочность и примечательное «долгожительство» опирались на координацию деловой активности не только в рыночной, но и в инвестиционной, и в производственной сферах через систему концессионных нефтедобывающих предприятий, организованных обычно по типу консорциумов¹⁰.

Монополистическая система раздела и передела наличных и потенциальных сырьевых ресурсов, продукции, рынков и прочих компонентов экономического потенциала имеет единственную причину и единственный принцип. «Капиталисты делят мир, — подчеркивал В. И. Ленин, — ...потому, что достигнутая ступень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его „по капиталу“, „по силе“ — иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма» [11, с. 372—373].

Именно с позиций экономических сил и их соотношения осуществляется «сотрудничество» между членами классических монополистических группировок. Ясно, что этот принцип — продукт совершенно определенной социально-классовой основы и только на ней может поддерживаться, самовоспроизводиться. Вряд ли система господства и подчинения, подобная империалистической, может рассматриваться в качестве постоянной основы взаимоотношений суверенных освободившихся государств, экономические связи между которыми «носят переходный характер» [161, с. 198—199].

Основой для широких совместных выступлений развивающихся стран-нефтеэкспортеров в начале 70-х годов служило единство их первоочередных национальных интересов, в первую очередь антиимпериализм. Однако прогрессирующая экономическая и социально-политическая дифференциация этой группы независимых государств сужает данную базу их сотрудничества.

В сложившейся обстановке, которая отягощается затянувшимся ирано-иракским конфликтом, участникам ОПЕК все труднее согласовывать свои интересы и действия. Одновременно со стороны крупнейшего нефтеэкспортера — Саудовской Аравии — принимаются все более активные попытки привести в эту организацию тот самый «силовой» принцип, который характерен для классических монополистических группировок. Так, резолюция чрезвычайной лондонской конференции ОПЕК, принятая 14 марта 1983 г., формально закрепила за аравийским королевством роль своеобразного арбитра, которая присвоена им фактически ранее благодаря начавшемуся в 1981 г. спаду конъюнктуры на рынке жидкого топлива. Ключевая позиция обеспечивается тем, что в отличие от всех других участников организации, которым выделялись четко ограниченные экспортные квоты, для этой страны не устанавливался потолок производства. Предполагалось регулирование саудовской нефтедобычи и экспорта в зависимости от динамики рыночной ситуации. Последняя же, по всей видимости, подлежит индивидуальной оценке данным государством.

Тем не менее перед лицом атак империализма на позиции развивающихся стран-нефтеэкспортеров в условиях депрессивной рыночной конъюнктуры участники ОПЕК сумели урегулировать свои разногласия, принять и поддерживать в целом систему квот. Если квотирование станет реальным долгосрочным фактором в деятельности организации, то ей в большей степени, чем ранее, станут присущи картельные признаки типа монополистического объединения. Что же касается предшествующего периода более чем двадцатилетней истории организации, то применительно к нему весьма существенные различия в форме и природе традиционных картелей и ОПЕК неоднократно отмечены рядом советских и зарубежных исследователей как в развивающихся странах, так и на Западе (среди работ иностранных авторов, затрагивающих этот вопрос, см. [159, с. 315—326; 205; 255, с. 191—193; 274; 275, с. 131—139; 294, с. 82—92; 296, с. 75—77; 299, с. 74—76; 323, с. 40; 324, с. 125—127]).

В опубликованных работах по проблематике нефтяного рынка и ОПЕК большинство специалистов, особенно западных, применяющих системный анализ и моделирование, стремятся зачастую механически представить всю ее деятельность посредством какой-либо единой, устойчивой, а нередко и жесткой схемы, причем «картельная модель» в различных вариациях пользуется безусловным приоритетом. Однако при таких попытках обычно недооценивается либо вовсе игнорируется почти непрерывная эволюция или модификация реальных функций ОПЕК за время ее существования при сохранении организационного единства и некоторых общих принципов. Поэтому для характеристики различных этапов ее истории потребуется, по всей вероятности, не одна, а несколько моделей.

Применительно к периоду 70-х и начала 80-х годов особо пристального внимания, пожалуй, заслуживает так называемая «групповая», или «децентрализованная», модель, краткое изложение которой содержится, например, в работе американского автора Ч. Ф. Дорэна [250, с. 417—423]. Сфера ее действия — преимущественно ценовая политика ОПЕК. Данная модель трактует ценовую политику как результат взаимоотношений в пределах организации нескольких групп или коалиций, непостоянных по своему составу, экономическому потенциалу и влиянию, руководствующихся специфическими интересами и чередующихся в качестве своеобразных коллективных лидеров. Примером наиболее однородной и устойчивой группировки служат аравийские нефтяные монархии во главе с саудовской. Данная схема выгодно отличается от многочисленных других схем довольно значительной гибкостью. Но даже с учетом этого преимущества ее ценность представляется ограниченной ввиду явного преобладания описательных, демонстрационных свойств над аналитическими.

Необходимо подчеркнуть, что в конкретных ситуациях на мировом капиталистическом рынке углеводородного сырья «групповая модель» нередко скрывает за внешним сходством различные по содержанию явления. Так, ценовое лидерство радикальной группировки в рамках ОПЕК было в значительной мере условным, за исключением первого, особенно начального этапа революции цен на жидкое топливо, когда существенное сокращение нефтедобычи Ливией — одним из трех крупнейших его поставщиков на мировой капиталистический рынок — оказывало ощутимое, хотя и не решающее влияние на конъюнктуру. Но даже тогда консервация ливийских нефтяных ресурсов не сдержала, да и не могла бы сдержать абсолютное расширение их разработки в странах ОПЕК в целом.

В дальнейшей ценовой ситуации не наблюдалось крупных сдвигов, которые явились бы прямым результатом активного, целенаправленного воздействия со стороны радикальной группы среди нефтеэкспортирующих государств ввиду ранее отмеченной ограниченности доступных им средств такого воздействия. Например, снижение производства нефти Ираном в 1979 — начале 1980 г. бы-

ло с лихвой перекрыто ростом ее добычи в ряде других стран — участниц организации, а также за ее пределами. Поэтому эффект ценовой политики радикальной группы зачастую и с особой очевидностью на рубеже 80-х годов опирался на благоприятные рыночные условия — свою неперемнную предпосылку, которая, однако, была сформирована преимущественно иными факторами. Более высокие контрактные котировки, подтягиваясь поэтапно к уровню «спотовых», в первую очередь сдерживали спекулятивные доходы транснационального нефтяного бизнеса от посредничества между производителями и потребителями и лишь затем косвенно стимулировали общее вздорожание жидкого топлива.

Составляя прежде всего неотъемлемую часть общехозяйственной стратегии таких стран, как Алжир и Ливия, производственное и экспортное регулирование их нефтегазовой промышленности в тот период и на протяжении большей части 70-х годов было направлено не на цены в качестве непосредственных первостепенных объектов, а на объемы внешнеторговой выручки.

В противоположность этим государствам рыночная тактика крупнейшего нефтеэкспортера — Саудовской Аравии — за последнее время отличалась большей активностью, весомыми реальными результатами (по воздействию на конъюнктуру), а также своей самостоятельной ролью. По принятой ОПЕК весной 1983 г. системе квотирования нефтедобычи от саудовской экспортной политики действительно во многом зависит стабилизация цены рыночного эталона. Данная совокупность признаков представляет гораздо более веские основания трактовать в качестве ценового лидерства не только форму, но и содержание нефтяной политики аравийского королевства в современной затяжной ситуации «рынка покупателя», нежели поводы для попыток вменить идентичные свойства в действия радикальной группы ОПЕК в условиях «рынка продавца».

Различия состоят и в том, что нынешние усилия стабилизировать конъюнктуру непременно требуют согласованности между всеми участниками объединения, тогда как предыдущий ценоповышательный процесс протекал при слабой координации и даже усилении разлада между ними.

Для большинства нефтеэкспортирующих государств значение нефтегазовой промышленности детерминировано в первую очередь ее ролью базы государственных финансов и финансовой основы расширенного воспроизводства в целом. Именно потребности в валютных средствах для осуществления прежде всего их внутренней экономической и социальной стратегии, а также для финансирования внешнеполитических акций и, зачастую не в последнюю очередь, военных расходов обычно выступают в роли фактора, определяющего экспортную политику, диктуют выбор темпов освоения наличного минерально-сырьевого потенциала. Причем эластичность внутреннего спроса на текущие валютные поступления сильно различается у разных развивающихся стран как по величине, так и по направленности.

Теоретически и практически наиболее эластичны в сторону сокращения потребности аравийских нефтяных монархий в экспортных доходах. И, напротив, они проявили гораздо меньшую эластичность в направлении роста, что было особенно заметно в ходе второй «революции цен» на жидкое топливо по сравнению с первым этапом энергетического кризиса. С этими четырьмя членами ОПЕК можно сравнить Ливию, которая, однако, отличается от них весьма существенно.

В другую группу можно условно объединить почти все остальные вновь освободившиеся государства — экспортеры углеводородного сырья, у которых более или менее отчетливо проявляется эластичность спроса на иностранную валюту в сторону его расширения. После того как расходные части стоимостных балансов в планах социально-экономического развития и бюджетных программ этих стран тесно увязываются с новыми, более крупными величинами экспортных доходов, любое заметное их сокращение обычно влечет весьма нежелательные экономические, а порой и социально-политические последствия.

Среди крайних мер, к которым вынуждены были прибегнуть многие нефтеэкспортеры в рамках кампаний по экономии на государственных расходах, можно упомянуть решение правительства Нигерии о высылке граждан ряда соседних африканских стран — главным образом Ганы, Бенина, Того, Нигера. В соответствии с этим постановлением только за вторую половину января 1983 г. Нигерию покинули свыше 1,2 млн. иммигрантов в основном из числа занятых на объектах, развитие которых было приостановлено ввиду резкого уменьшения правительственных ассигнований. Накануне этой акции отмечалась полная приостановка продаж нигерийского жидкого топлива, не находившего сбыта по официальным контрактным ценам [279, с. 32—33].

Примерно тогда же Венесуэла вынуждена была понизить на 28,7% обменный курс своей национальной денежной единицы для некоторых видов валютных операций. Даже такая страна, как Ливия, первоначально имевшая возможности частично компенсировать нарушенные пропорции между внешними поступлениями и платежами, расходуя свои достаточно крупные ликвидные активы за рубежом, также не смогла нейтрализовать дисбаланс на прежнем уровне затрат. Сокращению подверглись в первую очередь текущие, а затем и капитальные ассигнования по ряду статей государственных расходов. Общие суммы средств, выделенных по ливийским бюджетам развития, были уменьшены за 1982 и 1983 гг. на 5 и 9% соответственно по отношению к инвестиционным программам предыдущих лет [231, с. 23, 25].

В подавляющем большинстве случаев, когда нефтеэкспортирующие государства встают перед дилеммой ощутимого замедления намеченных темпов социально-экономического развития для поддержания более выгодных условий внешнеторгового обмена или неизбежного ухудшения этих условий до некоторого предела вследствие усилий, призванных предотвратить чрезмерный (с на-

циональных позиций) спад в экспортных доходах, второе из «двух зол» признается сравнительно меньшим. Соответственно императивы ценовой политики в таких ситуациях отступают перед финансовыми потребностями.

Однако оговорка о пределах этого отступления необходима и весьма существенна. Определяются они прежде всего эластичностью спроса потребителей жидкого топлива. Если этот показатель значительно отклоняется вниз от единицы, то конкуренция и односторонняя коррекция цен (в сторону снижения) могут потерять смысл для отдельных продавцов, так как удешевление экспорта им не удастся компенсировать ростом его физического объема. Например, при ценовой эластичности спроса на уровне 0,5 понижение цен на 20% позволяет расширить сбыт количественно лишь на 10% и в итоге ведет к потере 12% общей суммы доходов. Точно такой же результат при данной эластичности может быть следствием 20%-ного повышения цен и 10%-ного сокращения спроса относительно некоторого равновесного состояния обеих переменных. Естественно, что при прочих равных условиях вторая ситуация гораздо предпочтительнее для производителей исчерпаемых минерально-сырьевых продуктов¹¹.

Причем в перспективе следует ожидать продолжения и даже умножения усилий, которые прилагаются правительствами развитых капиталистических стран с целью сдерживать рост потребления топлива не только в периоды бума, но и при вялой конъюнктуре. Об этой тенденции свидетельствует, в частности, знаменательный признак сближения между системами государственно-монополистического регулирования рынка углеводородного сырья и продуктов его переработки в США и Западной Европе. Так, незадолго до мартовского 1983 г. совещания нефтеэкспортеров в Лондоне, где члены ОПЕК официально решили снизить цены, администрация Рейгана выступила с проектом специального дополнительного налога на все жидкое топливо, производимое в Соединенных Штатах и импортируемое в эту страну, в размере 5 долл. за баррель.

Следовательно, осуществленное в марте 1983 г. первое в истории этой организации понижение эталонной контрактной котировки примерно на 15% (с 34 до 29 долл. за баррель) само по себе вряд ли представляет достаточный стимул для роста спроса на продукцию членов ОПЕК и расширения ее сбыта, по крайней мере в странах развитого капитализма — основных потребителях и импортерах углеводородного сырья. Гораздо сильнее величина их спроса зависит и, по всей видимости, сохранит зависимость от темпов структурной перестройки энергопроизводства и потребления, смены циклических фаз воспроизводственного процесса, а также от государственной энергосырьевой политики.

Не останавливаясь подробно на причинах трудностей, с которыми столкнулись участники ассоциации нефтеэкспортеров и которые уже достаточно глубоко проанализированы в ряде работ, подчеркнем совпадающие точки зрения большинства советских и за-

рубежных исследователей на главную среди этих причин — глубокий циклический спад в мировом капиталистическом хозяйстве начала 80-х годов, особенно в группе энергоемких отраслей. За счет экономической депрессии, валютно-финансовых потрясений и связанной с ними массовой распродажи нефти и нефтепродуктов из коммерческих запасов относят не менее половины общего сокращения сбыта жидкого топлива членами ОПЕК. Среди других причин выделяются рост его производства за пределами организации, меры по экономии и рационализации потребления, переход на альтернативные энергоносители [23, с. 59—60; 219, с. 25].

О сохраняющейся довольно низкой эластичности спроса на энергоресурсы по цене в кратко- и даже среднесрочном аспекте свидетельствует отмеченная советским исследователем К. И. Мангушевым тенденция к замедлению процессов их экономии в начале 80-х годов. Если за 1973—1979 гг. энергоемкость ВВП промышленно развитых капиталистических стран в целом понизилась на 8,8%, сокращаясь приблизительно на 16,7 г ут/долл. ежегодно, то за 1979—1981 гг. — всего на 1%, или на 5 г ут/долл. в среднем за год¹². По-видимому, к началу снижения максимальных котировок нефти ОПЕК в 1981 г. на исходе оказалась первая серия наиболее доступных и наименее капиталоемких энергосберегающих мероприятий, в которых продолжалась реакция все еще на первое обострение энергетического кризиса.

Таким образом, против ОПЕК «сработали» и продолжают действовать объективные экономические факторы негативного для нее характера. Прежде всего к этим факторам относится вступление мирового капитализма в длительную полосу низких темпов роста общественного производства, самые глубокие после «великой депрессии» 1929—1933 гг. экономические кризисы 1974—1975 гг. и 1980—1982 гг.; меры по экономии энергии и снижению нефтеемкости ВВП, активно проводимые под влиянием двух резких повышений цен на жидкое топливо в предыдущие годы, а также процесс сокращения доли нефти в топливно-энергетических балансах и замещения ее (точнее, в первую очередь мазута в качестве котельно-печного топлива) природным газом и каменным углем. В определенной мере к экономическим факторам следует отнести и наращивание развитыми капиталистическими государствами добычи на своих нефтяных месторождениях с худшими технико-экономическими характеристиками по сравнению с большинством промыслов участников ОПЕК, поскольку в результате значительного повышения цен стала рентабельной разработка ресурсов жидкого топлива с высшими ценами производства. Таким образом, объективно экономически обоснованный курс ОПЕК на ликвидацию монопольно низкой цены на главную экспортную продукцию участников организации и повышение этой цены до конкурентоспособного уровня, учитывающего ведущую роль нефти в энергообеспечении и соотношении спроса и предложения, обернулся усилением позиций ее конкурентов на мировом капиталистическом рынке.

Другая группа факторов, действующих против ОПЕК, носит скорее политический, в немалой степени субъективный характер. Политическая нестабильность региона Персидского залива, порожденная в значительной мере центральным элементом ближневосточного кризиса — агрессивным курсом Израиля, который активно поддерживают США; ирано-иракским вооруженным конфликтом, к которому США также причастны, и, наконец, взрывами внутренней социальной напряженности в странах региона, усилила стремление западных государств или импортеров нефти создать крупные страховые запасы этого сырья. Последние обычно превышают трехмесячное ожидаемое его потребление. Агрессивные действия империализма в конечном счете привели к накоплению таких запасов, и правящие же круги Запада используют их для нажима на ОПЕК, уменьшая спрос на ее нефть и оказывая понижающее давление на цены.

Повышение Соединенными Штатами курса доллара в первой половине 80-х годов посредством увеличения учетной ставки Федеральной резервной системой привело к тому, что для «недолларовых» импортеров даже после понижения в марте 1983 г. официальной продажной цены «эталона» на 15% ввозимая нефть оказалась дороже в национальных валютах, что побуждало и побуждает предпринимать различные действия для сокращения расходов на импорт топлива. Отлив капитала из ряда стран Западной Европы в США под влиянием роста курса доллара, разницы банковских учетных ставок, а позднее также в связи с расширением «капиталоемкости» американского рынка в условиях нового экономического оживления в США совпал с практическим удорожанием импортной нефти. Эти два фактора, безусловно, сдерживают выход Западной Европы из экономического кризиса. Они же побуждают западноевропейские государства усиливать борьбу против курса ОПЕК на сохранение своих позиций и поддержание установленного в 1983 г. уровня цен.

Стремясь найти выход из хозяйственных трудностей и одновременно нанести удар по ОПЕК, Великобритания в 1983—1984 гг. фактически сыграла роль «ценового лидера» в процессе понижения цен. Снизив в эти годы цены на свою нефть, она способствовала спаду цен и на «спотовом» рынке. Британские правящие круги рассчитывали таким путем захватить наличные и перспективные рынки ОПЕК, компенсируя пониженные цены ростом экспорта. Подобные шаги практически означали, что Великобритания стремится выйти из экономического кризиса в немалой степени за счет развивающихся стран, объединенных в ОПЕК. Здесь налицо целенаправленная политика империалистических держав против интересов ОПЕК. Этот курс рассчитан на усиление разногласий среди участников организации и даже на ее возможный раскол.

Особенно большой урон действия Великобритании нанесли Нигерии, а также Ливии и Алжиру, которые экспортируют нефть, аналогичную по качеству британской. Нигерия, находясь в отча-

нном экономическом положении, в 1983—1984 гг. была вынуждена вслед за Великобританией и вопреки своим обязательствам перед ОПЕК понизить официальные продажные цены на жидкое топливо и потребовать (в 1984 г.) увеличения квоты на его экспорт. Ливия и Алжир не последовали примеру Нигерии. Они предпочли согласованные действия в рамках организации по уже-сточению системы квот, чтобы ослабить давление на рынок. Стремясь сохранить уровень цен 1983 г., ОПЕК дважды прибегала к снижению общего размера нефтедобычи странами-участницами. Под действием всех перечисленных факторов доля государств — членов организации в продукции нефтедобывающей промышленности капиталистического мира за 1979—1983 гг. сократилась с 64 до 46%, а в экспорте жидкого топлива с 88 до 70% [183, с. 33, 35; 351, с. 300, 308, 313, 315]. В 1984 г. эта тенденция сохранялась. Можно утверждать, что лишь опасение участников ОПЕК остаться вновь один на один с империализмом заставило их примирить существующие разногласия. Вместе с тем, судя по предыдущему опыту, приходится признать, что вряд ли реальные действия отдельных членов организации будут вписываться в согласованную ими систему квотирования. В то же время сохраняется «антиОПЕКовский» курс западных нефтепроизводителей и экспортеров, прежде всего Великобритании и Норвегии, на то, чтобы удовлетворить именно своей нефтью растущий спрос на жидкое топливо. Видимо, в 1984 г. добыча этого сырья в капиталистическом мире росла более высокими темпами, чем вяло оживлявшийся спрос на данный энергоноситель. В результате конъюнктура оставалась неустойчивой, депрессивной и невыгодной для ОПЕК.

Следует также отметить, что в суровых природно-климатических условиях Северного моря консервация действующих мощностей на морских нефтепромыслах крайне невыгодна владельцам хотя бы ввиду сравнительно быстрого износа дорогостоящего оборудования даже в нерабочем режиме, оставляя в стороне прочие соображения. Поэтому в принципе их экономическим интересам соответствует полная загрузка этих мощностей при ценах производимой продукции, возможно точнее учитывающих тенденции спроса.

Напротив, возможности консервации наличных мощностей в нефтедобыче с технико-экономической точки зрения у большинства стран ОПЕК заметно шире, как здесь уже отмечалось. Поэтому вполне логично предположить, что при предельно тесной координации действий ее участников их общим интересам гораздо более отвечало бы не снижение официальных продажных цен, а попытка их стабилизации на уровне, близком к существовавшему до марта 1983 г.

В конце концов члены ОПЕК убедились в вопиющем противоречии ценопонижающей политики не только их коллективным интересам, но и национальным задачам каждой страны в отдельности. При сложившихся обстоятельствах такая линия угро-

жала лавинообразным падением как суммарной валютной выручки, так и всех без исключения индивидуальных доходов, несмотря на возможный рост физического объема экспорта, ведущий лишь к растрате невозобновимых сырьевых ресурсов. Причем если бы «война цен» была развязана арабскими поставщиками жидкого топлива из района Персидского залива, как некоторые из них неоднократно угрожали, то помимо бессмысленных экономических потерь оказался бы непоправимо подорванным политический престиж нефтяных монархий не только среди партнеров по организации или в регионе, но скорее всего и в более широких масштабах развивающегося мира. Участники ОПЕК стремились в большинстве своем полнее использовать рыночную ситуацию настолько, насколько позволяла их позиция ограниченной группы крупных производителей и экспортеров, но не сумели предпринять активных усилий по целенаправленному видоизменению этой ситуации.

Распределение ограниченных рынков сбыта в отличие от объемов экспорта до сих пор не контролировалось ОПЕК, но в то же время, как правило, не являлось результатом конкурентной борьбы ее участников. Оно представляется в значительной мере итогом мероприятий нефтеэкспортеров и нефтеимпортеров по балансированию взаимного обмена встречными потоками товаров, услуг и капитальных ресурсов, в известном смысле равнодействующей этих мер.

Со стороны главных потребителей углеводородного сырья спрос на него благодаря государственно-монополистическому регулированию приблизительно на столько же концентрирован, насколько сконцентрировано предложение этого сырья со стороны членов ОПЕК. Поэтому выбор поставщиков сильно зависел от того, как импортеры жидкого топлива оценивали для себя перспективы расширения рынков сбыта в конкретных странах — участницах организации. На определение внешних источников и объемов закупок энергосырьевой продукции немаловажное воздействие оказывали возможности рециклирования нефтедолларов за счет роста экспорта в зону ОПЕК или привлечения оттуда денежного капитала. Нефтеэкспортеры, в свою очередь, как было показано на примере АНДР, стремились использовать конкурентную борьбу за их внутренние рынки между государствами развитого капитализма как средство стабилизации вывоза жидкого топлива при затруднениях с его сбытом. В начале 80-х годов для этой цели все шире стали применяться бартерные операции и ряд других методов торговой политики. Капиталистический нефтяной рынок был охвачен широко распространенным процессом «бартеризации» внешнеторговых сделок, на которую обращает внимание советский исследователь М. Гельвановский [65, с. 86—87].

При оценке противостояния между центрами капитализма и участниками ОПЕК необходимо учитывать, что свои главные удары империализм направляет против радикального крыла этой организации, и в первую очередь против таких национально-де-

мократических государств, как Ливия и Алжир. В их лице государство-монополистический капитализм видит не только своих прямых антагонистов в рядах ОПЕК и сторонников максимально жесткой конфронтации с империализмом, но также государства, вставшие на путь социально-экономического развития, отрицающего капитализм как общественную систему (по крайней мере в ее мелкобуржуазной трактовке).

В данной связи важно отметить и существенные различия в процессах перераспределения и реализации нефтяной ренты, с одной стороны, между Алжиром и Ливией, а с другой — теми членами ОПЕК, где у власти стоят эксплуататорские классы и утверждаются либо господствуют буржуазные производственные отношения. Классовый подход к проблемам использования нефтяной ренты служит основой для дальнейшего анализа реализации этих доходов изучаемыми государствами, преимущественно Ливией.

Часть III

ДОХОДЫ ОТ НЕФТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Для большинства развивающихся стран, сравнительно щедро одаренных природными факторами экономического роста, характерен тот или иной тип капиталистической эволюции, для которой одним из важнейших катализаторов обычно служит национальная государственная политика в области использования основных элементов народнохозяйственного потенциала. Типичен в этом отношении пример стран — крупных производителей и мировых экспортеров углеводородного сырья, где, как уже говорилось, практически повсеместно государство выступает собственником геологических запасов данных топливно-энергетических ресурсов и первым получателем доходов от их эксплуатации.

Среди молодых освободившихся государств, которые в настоящее время отвергают капиталистический путь развития и где социально-экономические преобразования нередко выходят за рамки наиболее радикальных проявлений антиимпериалистической борьбы, обнаруживая отдельные антибуржуазные тенденции, сравнительно немного стран, богатых дефицитными сырьевыми ресурсами или обладающих другими важными на современном этапе естественными средствами производства. Их нынешнее место в международном разделении труда и ближайшие перспективы специализации в мировом капиталистическом хозяйстве далеко не благоприятны.

Алжир и Ливия в этом смысле относятся к исключениям. Оба государства, вероятно, одними из первых в истории не только современного национально-освободительного движения, но и большинства буржуазных и буржуазно-демократических революций прошлого оказались в крайне нетипичной ситуации, когда недавно вставшие у власти мелкобуржуазные леворадикальные круги национальной демократии получили в распоряжение столь мощное экономическое средство для реализации своих специфических классовых интересов, каким сейчас являются доходы от нефтегазовой промышленности.

Широкое участие представителей мелкой буржуазии или еще чаще выходцев из ее среды в различных, в том числе достаточно высоких, звеньях государственной системы при капитализме было явлением довольно ординарным. Как отмечал в своем тру-

де «Государство и революция» В. И. Ленин, «через все буржуазные революции, которых видала Европа многое множество со времени падения феодализма, идет развитие, усовершенствование, укрепление этого чиновничьего и военного аппарата... дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки...» [12, с. 30].

Однако ранее этот социальный слой, как правило, никогда не приобретал существенной экономической силы, которая неизбежно сосредоточивалась у восходящего класса капиталистических предпринимателей, в основном средних и крупных. Соответственно и представительство мелкой буржуазии в государственном институте отнюдь не было тогда равнозначно ее реальному политическому весу, во всяком случае на протяжении сколь угодно длительных хронологических интервалов. Подчеркивая, что мелкобуржуазная по социальному составу государственная администрация в подобных ситуациях неизменно обслуживала чужие классовые интересы, В. И. Ленин писал в том же произведении: «...именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата...» [12, с. 30].

Специфика нынешнего положения в развивающихся странах с национально-демократическими режимами определяется тем, что мелкобуржуазное политическое руководство нередко располагает там и важной экономической опорой — обширным государственным сектором. Однако слаборазвитость, финансовые и другие трудности зачастую резко снижают реальные преимущества от контроля государства даже над существенной частью хозяйственного потенциала. Наиболее полно этими преимуществами теоретически способны воспользоваться правящие круги стран — мировых экспортеров углеводородного сырья. Выгоды их позиций в международном разделении труда (с начала 70-х годов) материализуются в крупных валютных доходах рентного происхождения, которые обеспечивают государственной власти экономическую, и прежде всего финансовую, автономию и открывают перед государством потенциальные возможности, беспрецедентные в развивающемся мире. Отмеченная советским исследователем А. И. Левковским «тенденция к росту относительной самостоятельности государственного аппарата» [109, с. 170] здесь, пожалуй, проявилась наиболее отчетливо.

Другой аспект новизны ситуации в странах-нефтеэкспортерах с прогрессивными режимами выявляется их отличиями, например, от консервативных нефтяных монархий. Нынешняя концентрация государственной властью крупных рентных доходов в принципе отнюдь не уникальное событие экономической истории. В последнее время многими авторами проводятся ретроспективные параллели между этим явлением и притоком денежных ресурсов в некоторые западноевропейские государства в период первоначального накопления капитала. При этом обычно внима-

ние концентрируется почти исключительно на негативном опыте Испании и Португалии, где финансовые результаты колониальной экспансии в эпоху великих географических открытий конца XV—XVI в. не только не стимулировали становление нового способа производства, но и, напротив, по преимуществу консервировали хозяйственную и социально-политическую отсталость перенейских абсолютных монархий, ведя их к застою и неизбежному упадку в следующем столетии.

Классики марксизма среди основных причин этой деградации выделяли роль такого надстроечного фактора, как испанский абсолютизм с его отличительными особенностями. В первой из серии своих статей о революционном движении в Испании, характеризуя XVI век как эпоху «образования крупных монархий, которые повсюду возникли в связи с ослаблением враждовавших между собой феодальных классов: аристократии и горожан», К. Маркс подчеркнул, что «в других больших государствах Европы абсолютная монархия выступает как цивилизующий центр, как объединяющее начало общества... Напротив, в Испании аристократия приходила в упадок, сохраняя свои худшие привилегии, а города утрачивали свою средневековую власть, не приобретая значения, присущего современным городам» [2, с. 431—432].

В узком «финансово-экономическом» аспекте несоответствие испанского абсолютизма его исторической миссии проявилось на практике растратой колоссальных по тем временам государственных средств прежде всего на реализацию, преимущественно военно-политическими методами, амбициозной идеи мировой монархии, а также на паразитическое потребление, что не только быстро истощило сконцентрированные феодальной метрополией колониальные сокровища, воспрепятствовал их капитализации, но и возложило вскоре непосильное налоговое бремя на зарождавшуюся промышленность страны. Об утраченных возможностях в этой области свидетельствует хотя бы возникший там ранее на рубеже XV—XVI вв. ряд крупных мануфактурных предприятий.

Однако не менее характерен и в своем роде даже более закономерен противоположный пример английского государства эпохи позднего средневековья. Так, в Англии тогда еще сравнительно более скромные казенные средства весьма активно применялись для насаждения капиталистического предпринимательства, особенно новых производств, организаторы которых нередко черпали свой первоначальный капитал непосредственно из казны в виде крупных денежных субсидий. Но в этой стране не только правящая верхушка господствующего класса феодального общества на этапе возникновения и упрочения абсолютизма (конец XV—XVI в.) проводила политику, объективные результаты которой зачастую как нельзя лучше соответствовали становлению элементов новой общественно-экономической формации. Одновременно численно преобладающие представители этого

класса в лице нового дворянства (джентри) проявили примечательные способности к обуржуазиванию, постепенно органически интегрируясь в хозяйственную и государственно-политическую системы английского капитализма по мере их развития.

По характеристике К. Маркса и Ф. Энгельса, «загадка консервативного характера английской революции, объясняется длительным союзом между буржуазией и большей частью крупных землевладельцев... Этот связанный с буржуазией класс крупных землевладельцев... находился... не в противоречии, а, наоборот, в полном согласии с условиями существования буржуазии» [8, с. 222]. Важно подчеркнуть, что проявления данной исторической особенности не ограничились классическим буржуазным обществом на домонополистической стадии. Как отмечают советские исследователи, эти проявления наложили заметный отпечаток также на конкретные социальные формы британского империализма вплоть до современного государственно-монополистического этапа его развития. Английская финансовая олигархия сформировалась не только из крупнейших банкиров и промышленников, но и при достаточно широком участии членов королевской фамилии, представителей земельной и колониальной аристократии (см. [127, с. 210]).

Нет нужды подчеркивать сугубо условный характер сопоставлений ролей средневековых западноевропейских монархий с нынешними арабскими нефтяными монархиями, а также земельной и феодально-племенной аристократией в процессе первоначального накопления денежного капитала. И все же эти аналогии небеспопословны. Опыт показывает, что более или менее значительная часть господствующего класса феодального общества в переходный для своего государства период к новому общественному строю в подавляющем большинстве случаев, хотя и с неодинаковыми успехами, прибегает к весьма схожим, по сути, испытанным приемам классовой стратегии. Ее высшая цель — максимально упрочить и продлить экономические и политические преимущества, само бытие особой привилегированной социальной группы.

И на заре капитализма, и тем более в настоящем самыми эффективными и, наконец, все чаще единственно возможными способами достижения этой цели аристократии служат сотрудничество с буржуазией или собственное буржуазное перерождение представителей феодальных сословий. Причем с течением времени задачи государственного управления для феодально-монархической элиты неизбежно усложняются объективными закономерностями исторического процесса и прежде всего возрастающей ролью в нем народных масс. В прошлом для сохранения власти зачастую оказывалось достаточным лавировать между узкими группировками представителей эксплуататорского меньшинства. Ныне даже в сравнительно отсталых общественных организмах ряда освободившихся стран сколько-нибудь продолжительное

политическое маневрирование обречено без гибкой реакции на расстановку внутренних социальных сил, включая широкие слои населения, а также на целый ряд внешних факторов.

В нефтяных монархиях одним из основных критериев индивидуальной «приспособляемости» конкретных традиционных общественных институтов к капиталистической трансформации служит решение комплексной проблемы использования доходов от эксплуатации минерально-сырьевого потенциала. К худшим примерам неспособности воспользоваться этими ресурсами для удовлетворения хотя бы малой части наиболее насущных общенациональных нужд и тем самым для упрочения социальной базы режима, несомненно, относится социально-экономическая политика ливийской монархии, обусловившая и значительно ускорившая ее крушение в 1969 г.

Относительно более рациональные принципы, которых придерживаются монархические государства Аравии при распределении и перераспределении известной доли нефтяных доходов, широкий охват их подданных развитой системой социального обеспечения, финансируемой из этих источников, пока позволяют существенно притуплять внутринациональные классовые противоречия, способствуют лояльности основных групп коренного населения к правящей верхушке. Ее обуржуазивание интенсифицировалось благодаря скачкообразному росту нефтяной ренты в 70-е годы, однако без столь же резкого обострения конфликтов, присущих первоначальному накоплению. Наряду с более четким оформлением капиталистической природы базиса этот процесс в отдельных случаях продвинулся так далеко, что советские исследователи аргументируют уже буржуазно-феодальную сущность современной государственной надстройки, например, в Кувейте (см. [92, с. 32—33, 38—39]).

В целом финансы эксплуататорского государства разных эпох — от позднефеодального абсолютистского на Западе до современного буржуазно-феодального и, наконец, собственно буржуазного в освободившихся странах — играют двоякую роль в процессе первоначального накопления. В зависимости от преобладания или только наличия буржуазных элементов непосредственно в государственном аппарате и политических тенденций эта роль сочетает в себе, с одной стороны, насаждение частнопредпринимательского и государственного капитализма, а с другой — консервацию отдельных докапиталистических институтов — сравнительно реже базисных и гораздо чаще надстроечных. Есть все основания считать эту двоякую роль объективной закономерностью, исторически обусловленной присутствием у власти аристократии, средней и крупной буржуазии или их коалиций.

Однако в экономической истории трудно, если вообще возможно, найти прецеденты, когда столь же значительные, как современная нефтяная рента, финансовые средства поступили бы в длительное распоряжение, причем полноправное, а не формальное, мелкобуржуазной национальной или, что еще менее вероят-

но, революционной демократии. По существу, на опыте отдельных нефтеэкспортирующих стран мы скорее всего впервые сталкиваемся с подобным явлением, тем более заслуживающим анализа. Выражая интересы прежде всего широких непролетарских трудящихся масс города и деревни и промежуточных социальных слоев мелкого чиновничества, значительной части гражданской и военной интеллигенции, а также интересы формирующегося рабочего класса и в меньшей степени — некоторых мелких частных предпринимателей, правящие здесь режимы приложили усилия, чтобы направить основную часть государственных доходов на решение общедемократических задач, укрепление политической и хозяйственной самостоятельности, углубление антифеодальных и антиимпериалистических преобразований, которые в ряде случаев приобретают антикапиталистический характер.

Политико-экономическая и идеологическая направленность этих преобразований определяется национальными концепциями, в которых преобладают, по сути, отголоски утопического и мелкобуржуазного социализма наряду с сохраняющимся в мусульманских странах сильным влиянием исламских традиций, которые прогрессивные силы стремятся поставить на службу своим политическим интересам, в сочетании с заимствованными отдельными элементами теории научного коммунизма. Причем не до конца исчерпанный прогрессивный потенциал этих доктрин объясняется не только характерной для большинства освободившихся стран сравнительной молодостью и зачастую немногочисленностью рабочего класса, но и спецификой обстоятельств, при которых их пытаются практически осуществить нефтеэкспортирующие государства. Социальные эксперименты последних опираются на собственную финансово-экономическую базу, тогда как, например, на Западе инициаторы подобных опытов были «вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и кошельков» [7, с. 457], что в итоге сближало их, по определению основоположников марксизма, с реакционными или консервативными социалистами.

Глава VI

СПОСОБЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВНУТРЕННЕГО ПРИМЕНЕНИЯ НЕФТЯНЫХ ДОХОДОВ

Для большинства традиционных укладов Ливии бурное развитие ее нефтегазовой промышленности в 60-е годы — период монархии — характеризовалось прежде всего негативно. Их разложение намного опередило модернизацию ливийской экономики в целом, создание современных отраслей и предприятий где бы то ни было за пределами анклавного сырьевого сектора, а также связанной с ним инфраструктуры. В результате к концу 60-х годов хозяйственная структура Ливии стала типично моноотвар-

ной, всецело основанной на вывозе сырой нефти — практически единственным источнике валютных поступлений и основной статье бюджетных доходов. О деформации экономики, а вслед за ней и социальной сферы свидетельствует резкое возрастание удельного веса добывающей промышленности в материальном производстве — с 14 до 83,6% за 1960—1970 гг. — при одновременном снижении долей обрабатывающей промышленности (вместе с электроэнергетикой) с 18,8 до 2,5% и сельского хозяйства — с 32,8 до 3,6% (рассчитано по [31, с. 39]). Первыми жертвами «нефтяной лихорадки» стали традиционные отрасли: прежде всего слаборазвитое оазисное земледелие и кочевое скотоводство, а также городское ремесленное и мелкокапиталистическое производство и кустарные промыслы. Почти сразу же возникла проблема дефицита продовольствия (самообеспеченность им снизилась более чем наполовину) и снабжения другими потребительскими товарами, которую государственная власть и нефтяные монополии решали за счет резкого расширения импорта. Все это разорвало застойную замкнутость ливийского общества, повысило его социальную мобильность, резко ускорило отток сельского населения в города и концентрацию там деклассированных слоев, существовавших за счет гипертрофически разросшейся сферы обслуживания.

В стране начался процесс формирования рабочего класса в значительной мере из числа иммигрантов и в меньшей степени за счет коренных ливийцев — разорившихся крестьян, бедуинов и городской бедноты. Большинство его представителей были мало-квалифицированными или неквалифицированными рабочими, которые использовались на транспорте, предприятиях коммунального хозяйства, в торговле, услугах и других непромышленных подразделениях. Таким образом, процесс формирования кадрового пролетариата замыкался в основном узкими рамками нефтедобычи и вспомогательных отраслей и тормозился отсутствием сколько-нибудь ощутимого прогресса в производственной сфере за их пределами.

Немногочисленная ливийская буржуазия к концу 60-х годов оставалась еще на раннем этапе первоначального накопления капитала, для которого ею использовались такие наиболее доступные и прибыльные области экономической активности, как посреднические операции, спекуляция недвижимостью и земельными участками, подрядные работы в строительстве, розничная торговля и т. д. Монополизация ограниченного внутреннего рынка иностранной импортной продукцией до предела сузила возможности становления национального промышленного капитала, толкала предпринимателей в непроизводственную сферу, предопределив паразитизм основной части формирующейся ливийской буржуазии, главным образом торгово-компраторской.

В отличие от большинства арабских нефтяных монархий в дореволюционной Ливии и государственный капитализм не получил заметного развития. К концу 60-х годов там действовало все-

го восемь небольших полностью государственных и одно смешанное (с долей ливийского частного сектора) предприятие; из них семь в легкой промышленности и два в производстве строительных материалов (см. [138, с. 322—325]). И хотя в целом за указанное десятилетие мелких частных предприятий было основано несколько десятков, однако подавляющее большинство имело нефабричный характер и только единицы относились к объектам среднего размера.

Безусловно, поступления от вывоза «черного золота» обогатили страну и способствовали прогрессу в некоторых областях. Достаточно отметить, что накануне сентябрьской революции, в 1968 г., Ливия занимала первое место в Африке (без ЮАР) и второе среди развивающихся стран (после Кувейта) по размеру среднедушевого дохода. Но этот интенсивный экономический рост Ливии в 60-е годы (среднегодовое увеличение ВВП на 34,5%) (рассчитано по [349, с. 4]) целиком опирался на внешние факторы: импорт иностранного капитала, почти всех инвестиционных и основной массы потребительских товаров, а также на привлечение из-за рубежа значительной части рабочей силы, особенно квалифицированной, и кадров специалистов. Кроме того, практиковавшийся способ распределения и перераспределения нефтяной ренты, ее концентрация в руках представителей прозападного коррумпированного королевского режима резко усугубили социальные контрасты, которые, в свою очередь, генерировали напряженность внутри ливийского общества. К конкретным ее проявлениям относились рост дороговизны, скрытой и явной безработицы, разорение и обезземеливание крестьян, упадок ремесла, жилищный кризис.

Весьма серьезную тревогу патриотических сил страны вызвала фактически ничем не оправданная растрата ее исчерпаемого природного богатства, которая почти не компенсировалась формированием какой-либо альтернативной экономической базы на перспективу. Несмотря на принятие закона об использовании на социально-экономическое развитие минимум 70% отчислений от нефти, в действительности на эти цели было выделено за 1963/64—1968/69 финансовые годы менее половины нефтяных доходов, а реализовано — менее 42%; общая же норма государственных внутренних инвестиций оказалась еще ниже — 31% бюджетных поступлений (рассчитано по [284, с. 122, 125; 357, 09.06.1977]).

Процесс обуржуазивания не миновал и некоторых членов королевской семьи, представителей родо-племенной знати, обладателей больших состояний и денежных доходов. Однако крайний консерватизм, зависимость от Запада и политическая близорукость свели расходование ими нефтяной ренты преимущественно к расточительному потреблению, тазаврации и накоплению заграничных авуаров, к содержанию разросшегося государственного аппарата, армии и полиции. Непомерное разбухание государственно-административного и репрессивного аппаратов про-

Таблица 9

Доли экспорта в производстве и импорта в потреблении валового продукта Ливии и АНДР *, %

		Страна	1971 г.	1975 г.	1979 г.
Экспортная та **	кво-	Ливия АНДР	59,9 21,4	53,4 34,2	59,0 34,2
Импортная та ***	кво-	Ливия АНДР	40,1 28,7	48,2 41,5	41,5 40,0

* Рассчитано по [199, с. 1—2, 2—3].

** Отношение экспорта к ВВП по системе национальных счетов ООН.

*** Отношение импорта к общему объему использованных страной товаров и услуг: ВВП, исключая экспорт, но включая импорт.

Непосредственно за сентябрьской революцией 1969 г. в Ливии последовали глубокие изменения экономической и социальной политики. Однако перемены произошли прежде всего в ее целях, методах и социальной направленности, в значительно меньшей степени затронув инструментарий и базу, которые за период 60-х годов успели набрать весьма сильную инерцию. Прежде всего сохранился открытый тип ливийской экономики, ставший почти неотъемлемым признаком малых нефтеэкспортирующих стран, но характерный также, хотя и в несколько меньшей степени, для таких гораздо более крупных государств, как Алжир. Воспроизводственные процессы и в первую очередь условия реализации основной части валового продукта для них в значительной мере продолжают определяться факторами мирового капиталистического рынка, как свидетельствуют данные табл. 9 об экспортной квоте в производстве ВВП и об импортной — в потреблении.

Таким образом, внешнеэкономические условия развития для Ливии сохранили, а для Алжира даже повысили свою роль за 70-е годы. Несмотря на резкие колебания, для нефтеэкспортирующих стран эти условия начиная с первой половины 70-х годов остаются наиболее благоприятными относительно всего предшествующего периода их экономической истории. Это справедливо в двух аспектах: как в плане долгосрочной тенденции к значительному улучшению условий торговли углеводородным сырьем и продуктами его переработки, так и позитивных результатов последовательно радикальной сырьевой политики, успехов в борьбе с иностранным частным и государственно-монополистическим капиталом за реализацию и новые принципы распределения нефтяной ренты.

Общим итогом этих взаимосвязанных процессов — роста

явилось в быстром росте числа чиновников, военных и гражданских служащих. Наряду с высокими окладами важнейшим источником обогащения этой категории средних слоев были коррупция, спекуляция и всякого рода посреднические услуги иностранцам. Именно на эту паразитическую и социально пассивную среду и опиралась в основном прогнившая монархия, свергнутая в сентябре 1969 г.

реальной экспортной выручки и сравнительно меньшего ее обратного оттока за рубеж в качестве репатрированных прибылей на иностранные инвестиции в нефтегазовое хозяйство — стала возможность для нефтеэкспортеров обменивать соответствующие физические объемы своего валового продукта посредством мирового рынка на массы товаров и услуг, в несколько раз большие в 70-х и 80-х годах, чем за предыдущее десятилетие. Под действием обоих факторов «покупательная способность» государственных доходов Ливии и Алжира от каждой физической единицы их нефтяного экспорта в отношении импортных машин и оборудования достигла пика в 1980 г., увеличившись соответственно примерно в 11,6 и в 19,5 раза (без учета индивидуальной структуры данной товарной группы в импорте каждой из двух стран), если принять за единицу соотношение между удельными текущими платежами концессионеров концедентам и ценами импортных машин и оборудования в 1970 г.¹

Со второй половины 1981 г. наблюдается снижение данного показателя, но почти никем не подвергается серьезному сомнению преходящий характер этой тенденции и невозможность возврата к эре дешевого энергетического сырья. Именно благодаря относительному удешевлению импорта, прежде всего оборудования, т. е. активных элементов основных производственных фондов, а также других инвестиционных товаров, достаточно высокая динамика валовых внутренних накоплений и расширенного воспроизводства в целом была в 70-е годы обеспечена в Ливии заметно сокращенными масштабами разработки и вывоза ее основного минерального богатства, а в Алжире — замедленным их ростом. В то же время заметное сокращение в последние годы доходов от нефти серьезно затрудняет осуществление планов развития в этих странах.

Среди наиболее серьезных проблем социально-экономического развития Ливии продолжает выделяться дефицит национальных трудовых ресурсов и недостаточно эффективное их использование, что вызывает растущую зависимость от привлечения рабочей силы из-за рубежа. К началу 1982 г. ее численность достигла 623 тыс. человек и, по свидетельству секретаря (министра) государственных служб, сильно расходилась с контрольной цифрой второго пятилетнего плана — 368 тыс. человек, предусмотренной на 1985 г. [369, 1982, № 21, с. 12]. Среднегодовой темп прироста занятости иностранных рабочих и служащих за 1971—1981 гг. составил 25,6%, а ливийское экономически активное население в 70-е и начале 80-х годов увеличивалось всего на 3,75% ежегодно (рассчитано по [261, с. 61; 369, 1982, № 21, с. 12]), после того как вскоре вслед за революцией 1969 г. в стране была полностью ликвидирована безработица. Последний показатель лишь незначительно опережает естественный прирост коренного населения СНЛАД на уровне 3,4—3,6% в год (рассчитано по [190, с. 9; 390, 08.06.1981]).

В условиях повышения доходов от нефти финансовый аспект

привлечения иностранной рабочей силы до последнего времени не вызывал особых затруднений. Гораздо острее встал вопрос о том, как стабилизировать обеспеченность страны трудовыми ресурсами по количественным и качественным параметрам. Характерно, что вплоть до 1977 г. основную массу иммигрантов, работавших по найму в Ливии, составляли египтяне (около 230 тыс. человек, или более 60% общего числа иностранных рабочих). Их численность, по которой Ливия занимала второе место после Саудовской Аравии, год от года возрастала, несмотря на неуклонное ухудшение египетско-ливийских отношений начиная с 1973 г. Однако после спровоцированного Египтом летом 1977 г. вооруженного конфликта с Ливией, а также после визита бывшего президента А. Садата в Иерусалим и объявления ливийским режимом бойкота АРЕ около половины египетских иммигрантов покинули Ливию, хотя на них эта мера ни в какой степени не распространялась [354, 18.03; 24.11. 1976; 372, 1977, т. 21, № 36, с. 7—9; 1979, т. 23, № 17]. Причем их отъезд временно вызвал частичную дезорганизацию в ряде отраслей экономики и социальной инфраструктуры Ливии, приостановил строительные работы на некоторых объектах. Особенно сильно это отразилось на конечных годовых показателях жилищного строительства, объем которого в 1978 г. оказался более чем в 3,1 раза ниже относительно 1976 г. и возобновил свой рост лишь к началу следующего десятилетия (рассчитано по [261, с. 74]).

Параллельно наступлению на позиции западных нефтяных монополий, подробно рассмотренному в предыдущем разделе, революционный режим Ливии предпринял шаги для овладения другими командными высотами в экономике. Вскоре после сентябрьской революции была проведена национализация иностранных банков и страховых компаний, в результате которой государство стало их крупнейшим, а позже и единственным акционером; шаг за шагом осуществлялась «ливизация» промышленности и торговли. Основные объекты производственной инфраструктуры — автодороги, линии связи, морские порты и аэропорты, воздушный транспорт, электроэнергетика — перешли во владение или под непосредственный контроль государства. Оно же стало основным собственником земель после высылки в 1969 г. из страны 12 тыс. итальянских колонистов, экспроприации членов королевской династии, высших чиновников и крупных феодалов.

Другим важнейшим направлением политики ливийского руководства стал курс на максимальное абсорбирование Ливией ее крупных нефтяных доходов с целью ускоренного социально-экономического развития. Решали эту задачу как путем интенсивного использования ограниченных природных (помимо нефти и газа), трудовых и материально-технических ресурсов страны, так и при помощи мирового рынка, за счет которого в основном и покрывался ливийский дефицит соответствующих ресурсов, хотя в меньшей степени проблему пытались решать также посредством привлечения иностранного предпринимательского капитала и ор-

ганизации смешанных предприятий с преобладающим участием ливийского государства.

Прежде всего были весьма радикально изменены основные направления расходования нефтеденег в Ливии. С этой целью были обеспечены опережающий рост государственного капиталонакопления по сравнению с текущими расходами, а также существенное повышение нормы государственных инвестиций или отношения капитальных расходов государства к общей сумме бюджетных поступлений. В результате темпы роста государственных капитальных затрат в 70-е годы в Ливии почти в 2,6 раза превысили темпы увеличения текущих расходов по административному бюджету, а норма государственных инвестиций от уровня менее 30% была доведена более чем до половины доходов госбюджета (рассчитано по [94, с. 2; 262, с. 40—42; 284, с. 122, 125]).

Прогрессивные изменения произошли также в структуре текущих бюджетных ассигнований, в общем объеме которых была существенно повышена доля затрат на социальные и культурные нужды. Причем расходы на образование заняли первое место по величине среди всех статей административного бюджета Ливии.

В итоге наиболее значительных и реальных успехов за первую половину 70-х годов Ливия добилась именно в развитии социальной инфраструктуры. По официальным данным, только за 1973—1975 гг. в рамках государственного и частного секторов с помощью государственных кредитов было построено 76,4 тыс. квартир. Общее число квартир, построенных с 1969 по 1975 г., составило около 110 тыс. Жильем была обеспечена половина из 180 тыс. остро нуждающихся семей, причем из этого числа до 70 тыс. накануне сентябрьской революции жили в бидонвиях и палатках [379, 1976, т. 92, № 2371, с. 278].

Значительные сдвиги наблюдались в системе образования и подготовки кадров, которая стала бесплатной на всех уровнях, в том числе школьное обучение — уже с конца 1969 г. В 1969 г. было декларировано, а в октябре 1975 г. введено законодательно всеобщее обязательное начальное образование, обеспечившее быстрый рост числа учащихся промежуточной и полной средней школы, профессионально-технических училищ, а также вузов. О значительно ускоренном процессе распространения народного образования в республиканской Ливии по сравнению с периодом монархии свидетельствуют следующие данные. Удельный вес учащихся начальной школы в общей численности детей 7—11 лет с 43,5% в 1965 г. возрос лишь до 46,7% в 1970 г., а в 1975/76 учебном году достиг уже практически 100% [190, с. 10, 15, 102; 253, с. 51]. Особенно большим достижением для этой мусульманской страны явился почти полный охват начальным школьным обучением девочек.

Весьма значительными стали и первые успехи Ливии в развитии здравоохранения. Число жителей, приходящихся на одного врача (без стоматологов), сократилось с 3140 человек в 1968—1969 гг. до 911 человек в 1976 г., а в расчете на одну

больничную койку — с 340 до 233 человек за тот же период [192а, с. 342; 192, с. 19]. Эти показатели вывели Ливию на первое место на Африканском континенте. Медицинское обслуживание стало предоставляться бесплатно, и, кроме того, государство брало на себя оплату выезда ливийских граждан на лечение за границу, выделяя на их содержание около 200 долл. в день [369а, 1977, № 873, с. 37]. Общим показателем улучшения условий жизни населения явился реальный рост среднеличного личного конечного потребления, которое в неизменных ценах увеличилось за 1970—1975 гг. с 199,2 до 485,6 дин., или почти на 244% (рассчитано по [190, с. 10, 289]).

Приоритет, которым пользовались социальные мероприятия, отчетливо прослеживается также по результатам выполнения ливийских инвестиционных программ в первой половине 70-х годов, особенно трехлетнего плана социально-экономического развития. В ходе «революции цен» на жидкое топливо 1973—1974 гг. общая сумма плановых инвестиций на 1973—1975 гг. была увеличена с 1165 млн. дин. в первоначальном варианте до 2586 млн. дин. (8735 млн. долл.) в окончательном, или более чем в 2,2 раза. Фактический объем реализованных капиталовложений составил 2723,7 млн. дин., или еще на 5,3% выше суммы, которая была выделена по расширенному варианту плана. Инвестиционная активность резко повысилась как номинально, так и в реальном измерении. Если за последние четыре года пребывания у власти королевского режима (1965—1969) средний темп прироста валовых вложений в основной капитал в постоянных ценах составил 12,8%, то за соответствующий период после сентябрьской революции (1969—1973) он возрос до 17,3%, преодолев кратковременный спад в 1970 г.

Весьма примечательно, что столь значительная интенсификация развития вначале не только не сопровождалась чрезмерным удорожанием капитальных товаров и услуг инвестиционного назначения, характерным в подобных ситуациях для большинства освободившихся стран-нефтеэкспортеров, но, напротив, в Ливии прирост цен на них существенно замедлился — с 8,9 до 1,4% в год за те же два периода. Однако на последующих этапах выполнения трехлетнего плана это равновесие оказалось до некоторой степени нарушенным: за 1974—1975 гг. средний дефлятор инвестиций повысился до 9,7%, вызвав в завершающем году трехлетки небольшое сокращение их реального объема (на 2,2% в ценах 1970 г.). И все же данное обстоятельство не настолько серьезно и явно недостаточно, чтобы объяснить, почему в итоге средний показатель выполнения предусмотренных планом проектов составил около 65% (рассчитано по [Прил., табл. 5; 199, с. 3—2; 350, с. 26, 268; 359, 1976, т. 4, № 36—37, с. 36; 373а, 1976, т. 3, № 9, с. 8]).

По нашей оценке, даже с учетом совокупного действия различных ценоповышающих факторов реальные инвестиции лишь на 0,3% уступили уровню, предусмотренному последним вариан-

том трехлетнего плана. Остается предположить, что превышение расходов над выделенными средствами, несмотря на отставание от плана по ряду натуральных критериев, объяснялось преимущественно неинфляционным ростом стоимости объектов. Основными его причинами помимо значительного подорожания приобретенных за рубежом оборудования и строительных материалов, а также накладных издержек было неоправданное, по мнению ливийских экономистов, завышение многими иностранными подрядчиками стоимости контрактных работ.

Наверняка последний факт занял важное место. Однако следует учитывать и другое обстоятельство: сооружение объектов, в особенности промышленных предприятий, на совершенно неподготовленных участках, как зачастую происходило в Ливии, всегда обходится дороже. Для нефтеперерабатывающего или нефтехимического комплекса превышение стоимости и сроков строительства нередко достигает 50%, а иногда даже 100—150% по сравнению с затратами на возведение такого же предприятия в промышленном районе страны с развитой производственной инфраструктурой [326, с. 45; 346, с. 30, 107]. Вероятно, эта местная специфика не была должным образом учтена в ливийском плане развития. В ходе реализации трехлетки заметно отклонилась от плановой также отраслевая структура капиталовложений.

Как видно из Прил., табл. 5, перевыполнение плана 1973—1975 гг. по стоимости валовых инвестиций сопровождалось его недовыполнением по сумме капиталовложений в промышленность почти на 20% и в сельское хозяйство — на 32%, даже в текущих ценах. В то же время освоенная сумма инвестиций в производственную инфраструктуру оказалась на 32%, а в социальную — на 17% выше плановой. Особенно крупное превышение плановых показателей — более чем на 76% — отмечено в жилищном строительстве.

Существенная перегруппировка материальных ресурсов уже в процессе реализации инвестиционной программы, по всей видимости, была объективно обусловлена и отражала выявленную с некоторым опозданием слабость инфраструктурной базы Ливии, а также неподготовленность ее административно-хозяйственного аппарата, в основном унаследованные от старого режима, для решения новых задач наряду с трудностями начальных этапов индустриализации и модернизации аграрного сектора экономики.

Усилия по ликвидации диспропорций принесли определенные результаты. Развернулась обширная программа первоочередного развития электроэнергетики и транспорта. Установленная мощность электростанций с 415 тыс. кВт в 1973 г. была увеличена к концу 1975 г. в 2,1 раза — до 879 тыс. кВт. Пропускная способность морских портов (без учета нефтегрузочных терминалов) за 1973—1975 гг. также расширилась более чем вдвое — с 5 млн. до 10,2 млн. т грузов в год. Однако этого расширения транспортной системы оказалось недостаточно для обслуживания потока

импортных грузов, который рос еще быстрее. В результате зимой 1975—1976 гг. суда в порту г. Триполи ожидали разгрузки до трех месяцев в среднем [100, с. 2; 190, с. 135; 311, с. 12, 32; 380, 1976, № 2, с. 4], и только к 1977—1978 гг. средние сроки ожидания сократились до двух недель и менее.

Преодолевая серьезные трудности, Ливия уже в первой половине 70-х годов сумела заложить некоторые основы для нынешнего развития обрабатывающей промышленности, в котором сразу наметился приоритет капиталоемких отраслей тяжелой индустрии. Судя по контрольным цифрам ассигнований на 1973—1975 гг., их удельный вес планировался на уровне 72,8%, а легкой промышленности — 27,2%.

Первые наиболее крупные и современные предприятия за время осуществления трехлетнего плана были созданы в ливийской промышленности строительных материалов, прежде всего в цементной, которая заняла в 1973—1975 гг. первое место по сумме ассигнований среди всех обрабатывающих отраслей, а также в нефтепереработке [189, с. 68—69].

Мощность предприятий по выпуску цемента была увеличена более чем на 900 тыс. т в год и достигла 1040 тыс. т к концу 1975 г. Однако следует отметить, что их продукция в 1976 г. достигла лишь 675 тыс. т, или 65% наличных мощностей на начало года [199, с. XXIII; 378, 1977, т. 1, № 20, с. 15]. Более успешно осваивался принадлежавший государственной нефтяной компании ЛНОК нефтеперерабатывающий завод в г. Завия. Его общая мощность составляет 6 млн. т в год (первая очередь — 3 млн. т — введена в строй в 1974 г.). Предприятие полностью удовлетворило внутренние потребности Ливии во всех основных нефтепродуктах, кроме асфальта, а также превратило страну из нетто-импортера в нетто-экспортера этих товаров [195, с. 16—17].

Непосредственно после сентябрьской революции особое внимание со стороны ливийского руководства стало уделяться сельскому хозяйству, перед которым ставилась задача повысить обеспеченность Ливии важнейшими видами продовольствия, а также прекратить или приостановить процесс переселения крестьян в города, а в перспективе создать условия и стимулы для возвращения части мигрантов в деревню. По суммам средств, выделяемых на развитие аграрного сектора экономики, и их удельному весу в общем объеме государственных инвестиционных ассигнований Ливия занимает одно из ведущих мест среди стран — мировых экспортеров углеводородного сырья. В отличие, например, от Алжира, где на сельское хозяйство по годовым бюджетам и в качестве плановых кредитов предприятиям за период реализации второго четырехлетнего плана 1974—1977 гг. было выделено 10,5% средств, или вчетверо меньше, чем на промышленность, в Ливии доля аграрного сектора в тот период поддерживалась на уровне 19,5—24,8%, примерно соответствуя удельному весу промышленных ассигнований (рассчитано по [199, с. 3—15;

283, с. XIV; 370, 1975, т. 31, № 1528, с. 583; 1977, т. 33, № 1629, с. 196—198]).

Для налаживания сельскохозяйственного производства в экстренном порядке была разработана и стала осуществляться комплексная программа развития аграрного сектора на 1973—1988 гг., которая предусматривает освоение и мелнирацию более 1,59 млн. га земель, лесопосадки, создание целого ряда зерноводческих, животноводческих и аграрно-промышленных комплексов, строительство зернохранилищ, предприятий по производству комбикормов, сооружение плотин и каналов, бурение артезианских скважин, создание жилых поселков в новых сельскохозяйственных районах, подготовку специалистов [105а, с. 240]. При этом модернизация охватывает все более значительную часть этой отрасли ливийской экономики, тогда как ранее она замыкалась лишь «переселенческим» итальянским сектором и небольшим числом современных хозяйств местных предпринимателей. О резком ускорении этого процесса свидетельствовала динамика численности тракторного парка в последние годы монархического правления и в первой половине 70-х годов. За пятилетие (1966—1970) он увеличился лишь на 500 машин, или не более чем на 11,8%, тогда как за 1971—1975 гг. вырос на 11 455 тракторов, т. е. почти в 3,9 раза (рассчитано по [31, с. 50; 332, с. VII]).

В 70-е годы революционная власть, трезво оценивая запущенное состояние сельского хозяйства, сосредоточилась на мерах по распределению среди малоимущих крестьян земель, конфискованных у королевской семьи и высших чиновников старого режима, изъятых у итальянских колонистов, а также у местных феодалов и родо-племенной аристократии. Каких-либо строгих норм землепользования в Ливии правительство не устанавливало, поскольку стремилось вовлечь максимум площади в сельскохозяйственный оборот и занять в отрасли как можно больше людей. Была лишь закреплена законодательно общественная собственность на землю, которая юридически перестала быть товаром. В то же время на рубеже 70—80-х годов около 60% обрабатываемых сельскохозяйственных угодий находилось в частном пользовании (в том числе до 35% сосредоточивали средние и ряд крупных индивидуальных фермерских хозяйств капиталистического типа, широко применявшие преимущественно иностранную рабочую силу и составлявшие пятую часть всех предприятий отрасли, и примерно 25% — мелкотоварные, в основном кооперированные, фермы), свыше 28% сохранилось за общинами, и лишь менее 12% земельных площадей занимали собственно государственные хозяйства и опытно-показательные фермы (рассчитано по [95, с. 1; 168, с. 102—104]).

Аграрная политика стимулировала одновременно развитие кооперативного процесса и самостоятельных частных хозяйств, а также включала организацию крупных, высокомеханизированных государственных комплексов. Но особый упор власти делали на поощрение кооперативов и частных земледельческих хо-

зяйств, для которых в рамках кампании по созданию «нового крестьянства» на государственные средства осваивались земля, строилось жилье и т. д. Организованным в кооперативы крестьянам правительство оплачивало $\frac{3}{4}$ расходов на возведение жилых и хозяйственных построек, оросительной и дренажной систем, на электрификацию ферм, а также на обзаведение инвентарем и сельхозтехникой. Субсидии единоличникам были ограничены до половины подобных капитальных расходов. Остальная часть произведенных государством затрат погашалась фермерами как долгосрочный кредит в течение 15—20 лет. Государство субсидировало половину стоимости удобрений и ядохимикатов, скота и кормов, закупаемых кооперативами, приобретало их продукцию по гарантированным ценам. Кредитовались также на срок до 15 лет закупки семян и оплата сезонной рабочей силы [72, с. 122; 356, 02.12.1980].

Наиболее распространенной формой ливийских кооперативов стали снабженческо-сбытовые, а также товарищества по совместной обработке земли. Большую помощь со стороны государства получил и частный сектор в сельском хозяйстве, который непосредственно пользовался многочисленными льготами, а главное, извлекал крупную выгоду из всех мероприятий по освоению новых земель и развитию сельской инфраструктуры. Тем самым получили импульс высокотоварные капиталистические хозяйства, специализирующиеся на производстве продовольственных культур. Немаловажное значение придавало ливийское руководство и постепенному решению такой проблемы, как перевод кочевников на оседлый образ жизни. Для этого начало практиковаться предоставление бедуинам скотоводческих ферм. К 1982 г. было намечено создать около 14 тыс. таких ферм.

Столь высокая инвестиционная активность государства принесла определенные плоды. Если во второй половине 60-х годов происходил спад сельскохозяйственного производства — уменьшение валовой продукции отрасли в среднем на 0,4% ежегодно за 1965—1969 гг., — то после преодоления кризиса в связи с конфискацией собственности итальянских колонистов в аграрном секторе отмечался среднегодовой реальный прирост на уровне 5% за 1971—1978 гг. (тот же темп прироста получается, если принять за точку отсчета объем продукции отрасли в 1969 г.). Однако развитие было неравномерным, сохраняло сильную зависимость от погодных условий (например, в неурожайном 1977 г. прерывалось кратковременным сокращением производства [350, с. 269]).

Вместе с тем оно не соответствовало чрезвычайно интенсивному росту населения и в особенности опережающему расширению потребительского платежеспособного спроса. Число жителей Ливии с учетом ускоренной иммиграции в страну увеличивалось на 4,1—4,2% в 70-х годах, а их уровень благосостояния повышался еще быстрее — на 10,9% в год, если измерять его динамикой среднедушевого личного конечного потребления в постоянных це-

нах, которое с 1971 по 1979 г. выросло в целом почти в 2,3 раза. По мере приближения абсолютной величины этого показателя в Ливии к уровню промышленно развитых стран происходили соответствующие сдвиги и в структуре потребительских расходов, в том числе на продукты питания в сторону продовольствия более высокого качества.

Таким образом, при демографической ситуации 70-х годов прирост сельскохозяйственного производства на душу ливийского населения составил не более 0,9—0,8% ежегодно (рассчитано по [199, с. XX, 3—2]), что было отнюдь не достаточно, принимая во внимание его быстро улучшавшееся социальное положение, а также тот факт, что с начала прошлого десятилетия революционное правительство субсидировало ряд основных видов продовольствия, поддерживая стабильные цены на них и тем самым фактически дополнительно стимулируя потребление. Диспропорции отражались на расширении импорта товаров этой группы. Причем доля импортированной продовольственной продукции в общем потреблении и приросте запасов, кстати весьма существенном, в первой половине 70-х годов сохраняла тенденцию к повышению, достигнув, вероятно, своего максимума — 86% — к середине десятилетия. Лишь впоследствии наметились пока еще чрезвычайно медленные позитивные сдвиги в противоположном направлении: на рубеже 80-х годов импорт продовольствия понизился до 70% [168, с. 104; 332, с. VII].

Таким образом, в первой половине 70-х годов уже в полной мере проявились коренные и, как свидетельствует практика вплоть до середины 80-х годов, необратимые перемены принципов, заложенных в основу ливийской государственной политики накопления нефтеденег и реализации этих сбережений.

В 60-е годы, по оценкам нескольких западных исследователей, инвестиционные возможности Ливии ограничивались пределом в 25—30% ее нефтяных доходов [272, с. 69]. Как здесь уже было отмечено, подобные пессимистические прогнозы подтверждались результатами финансовой деятельности королевского режима, который, по всей вероятности, именно на них и ориентировался. Причем авторы этих оценок, принимая за аксиому невыбытность концессионной системы в нефтяном хозяйстве и, следовательно, весьма ограниченные средства ливийской монархии регулировать масштабы и динамику фонда денежных накоплений, а также инвестиционный процесс, не находили ничего лучшего, как рекомендовать ей всевозможные способы размещения за рубежом «избыточных» сбережений.

По нашим подсчетам, к концу 60-х годов величины этого «избытка», переправленного по различным каналам за границу (преимущественно депонированного в иностранные банки и отчасти предоставленного в виде субсидий некоторым арабским государствам), или сальдо текущего платежного баланса, кроме государственных переводов, почти на треть — на 31,5% в 1969 г. — превысили национальные вложения в основной капитал, изме-

ренные разностью между валовым внутренним капиталообразованием и инвестициями западных компаний-концессионеров. При этом резкие сдвиги в пропорции данных показателей от 24:76 до 57:43 за короткий период 1967—1969 гг. свидетельствовали о быстро прогрессирувавшем относительном перенакоплении национального денежного капитала и его оттоке из страны (рассчитано по [262, с. 114, 115; 334, с. 15]), который стимулировался наплотной формой основной части свободных сбережений, либеральным банковским законодательством и валютно-финансовым режимом.

Вскоре после сентябрьской революции в Ливии, несмотря на порой довольно значительные отклонения, возобладала противоположная тенденция к опережающему росту внутренних инвестиций, которые уже к 1972 г. сравнялись с нереализованным остатком сбережений, а затем и превзошли его. За период выполнения трехлетнего плана развития 1973—1975 гг. среднее соотношение между капитальными расходами государства и его временно свободными валютными доходами составило 68:32 и в дальнейшем до конца десятилетия складывалось на уровне 62:38 (рассчитано по [94, с. 2; 96; 367, 1979, т. XXXII, № 12, с. 201; 1983, т. XXXIV, № 1, с. 215]). Аналогичные тенденции прослеживаются, если сопоставить валовые инвестиции вместе с суммой движения материальных запасов со всем фондом внутренних сбережений, т. е. ВВП за вычетом личного и государственного непроизводственного потребления. При этом баланс ресурсов (разность между сбережениями и инвестициями) включает среди прочих компонентов отток за рубеж не только национальных валютных накоплений, но также и дивидендов иностранных инвесторов наряду с частью заработков, переводимых занятыми в стране иностранными рабочими и служащими. Отношение валовых инвестиций к сбережениям повысилось в Ливии с 47,6% в среднем за 1966—1968 гг. до 60% к 1974 г.

Причем следует отметить, что в аравийских нефтеэкспортирующих монархиях, с которыми Ливия неоднократно сопоставлялась по ряду общих экономических признаков, начальный период «революции цен» на жидкое топливо породил диаметрально противоположные изменения данных макроэкономических пропорций. Так, в Кувейте доля капиталовложений понизилась с 24,6 до 9,7% фонда денежных накоплений, а в Саудовской Аравии — с 44,5 (что было весьма близко к ливийскому уровню конца 60-х годов) до 17,6% (рассчитано по [269, с. 192]). Безусловно, в основу этих разнонаправленных сдвигов были заложены различия национальных стратегий развития перечисленных государств, среди которых здесь особую роль сыграла весьма активная политика республиканской Ливии в области сдерживания разработки своих нефтяных запасов и производительного освоения доходов от их эксплуатации. Одновременно факты свидетельствуют о том, что основные народнохозяйственные параметры в этой стране стали в 70-е годы сравнительно более управляемы со стороны госу-

дарственной власти, благодаря более раннему и глубокому вмешательству ее в воспроизводственные процессы.

Еще нагляднее результаты активизации экономических функций ливийского государства прослеживаются непосредственно в его инвестиционной деятельности. За 1964—1969 гг. из суммы валовых вложений в основной капитал на его долю пришлось лишь 38% против 62% на долю частного сектора, в рамках которого, так же как в масштабах всей экономики, центральное место занимал иностранный нефтяной бизнес — до 46%. Прочие инвестиции — около 16% — принадлежали главным образом ливийским частным предпринимателям (рассчитано по [334, с. 20]). За время реализации трехлетнего плана развития удельный вес государственных капитальных расходов вырос почти в 2,2 раза, превысив 82% реального накопления [311, с. 17]. Эта тенденция продолжала действовать и в дальнейшем, так что в 1976—1979 гг. государство осуществило уже 88—89% всех внутренних капиталовложений (рассчитано по [94, с. 2; 376, 1980, т. XXXIV, № 12, с. 194; 1983, т. XXXVII, № 1, с. XXX]).

Но одновременно революционный ливийский режим почти вплоть до конца прошлого десятилетия предпринимал весьма энергичные меры, направленные на стимулирование частной инициативы в производственной сфере экономики (прежде всего в сельском хозяйстве, о чем здесь говорилось, а также в легкой промышленности). Они предусматривали чрезвычайно льготные условия финансирования новых предприятий специально созданным государственным Промышленно-ипотечным банком, который мог кредитовать до 60% их общей стоимости без взимания банковского процента; существенное снижение цен на продукцию госсектора, например на электроэнергию; полную либерализацию импорта оборудования и сырья при одновременном жестком таможенном протекционизме в отношении отечественной промышленной продукции [371, 1975, № 14]. Были предприняты и другие попытки круто изменить систему приоритетов, укоренившуюся в деловой практике ливийских предпринимателей за годы монархического правления.

Всемерно поощряя частнокапиталистический и мелкотоварный секторы в отраслях материального производства, Совет революционного командования уже в начальный период своего пребывания у власти стал ограничивать деятельность торгового капитала и собственников недвижимости. Так, была введена монополия государственных организаций на импорт ряда важнейших товаров, в первую очередь продовольственных, запрещен их реэкспорт и твердо зафиксированы внутренние рыночные цены на эти продукты, а также в целом подверглось запрету несанкционированное повышение цен в розничной торговле. Наконец, были лимитированы инвестиции в торговлю и недвижимое имущество, норма торговой прибыли, а также объявлено о снижении квартирной платы почти на треть [157, с. 136; 262, с. 71—74].

Этот обширный комплекс мероприятий не принес, однако,

сколько-нибудь существенных положительных результатов: не позволил в целом модернизировать ливийское частное предпринимательство, не устранил преобладания в нем так называемого старого капитала различных типов над современным промышленным капиталом. В данной связи представляет интерес и, как нам кажется, находит одно из подтверждений общее замечание советского исследователя Л. И. Рейснера о том, что участие «капитала старого типа в... накоплении обусловлено» не только «степенью модернизации всего экономического организма общества и колебаниями конъюнктуры», но и «социально-психологическими сдвигами в среде... буржуазии», а также другими факторами [141, с. 308—309, 313].

В новой обстановке сохранилась сугубо паразитическая торгово-спекулятивная природа основной части ливийской буржуазии, предопределенная в значительной мере условиями формирования этого класса. После революции, как и при монархии, она шла проторенным путем быстрого обогащения на посреднических операциях и сделках с недвижимостью, используя к своей выгоде на сей раз не подачки иностранного капитала и королевского режима, а резкое повышение общехозяйственной конъюнктуры и результаты социальных мероприятий в первой половине 70-х годов. Методы обогащения были весьма многообразны: от заведомо уголовных (например, контрабандный вывоз в соседние страны дешевых субсидируемых товаров из Ливии) до формально законных.

Отмеченные тенденции можно проследить на примере частного жилищного строительства и домовладения, куда ливийские предприниматели направили 41% всех своих капиталовложений за период выполнения плана развития 1973—1975 гг. В частном секторе было построено 40 тыс. жилищ (квартир и многоквартирных домов), или на 54% больше запланированного числа, в то время как в госсекторе — 35 тыс., или примерно на столько же меньше планового показателя. Поэтому к 1978 г. практически все занятые в Ливии иммигранты и до 30% самих ливийцев в основных городах были вынуждены арендовать жилье у частных домовладельцев, которые сумели взвинтить среднемесячную арендную плату в 2,7 раза только с 1976 г. до начала 1978 г., доведя ее почти до 130 дин. (450 долл.) за однокомнатную квартиру.

Это не могло не подрывать курса ливийского режима в социальной области, нанося удар по его эгалитаристским концепциям. Причем парадокс состоял в том, что бум в частном домовладении в значительной степени, хотя и косвенно, финансировался из государственной казны. Крупные долгосрочные беспроцентные займы на суммы до 14 тыс. дин. (47 тыс. долл.), выделяемые для строительства индивидуального жилья лицам с низкими доходами, на деле зачастую в результате недостаточного контроля или прямых злоупотреблений использовались не по их назначению, а для сооружения доходных домов. Учитывая, что

эти здания окупали свою стоимость полностью за двухлетний период, т. е. задолго до максимального семилетнего срока погашения займа, их владельцы делали деньги практически «из ничего» [372, 1978, т. 22, № 35, с. 5, 6; 1979, т. 23, № 17, с. 11; № 18, с. 17].

Одно из косвенных свидетельств быстрого обогащения ливийской буржуазии — резко ускорившиеся в 70-е годы темпы роста депозитов в коммерческих банках страны. Эти депозиты принадлежали преимущественно частным вкладчикам, поскольку в госсекторе Ливии преобладало не банковское, а бюджетное финансирование, особенно в процессе реализации новых проектов развития. Если за 1960—1969 гг. общая сумма вкладов (на текущие счета и срочных) увеличилась лишь на 60 млн. дин., то за 1970—1979 гг. — уже на 1247 млн. дин. (4,2 млрд. долл.) (рассчитано по [268, с. 295]). С одной стороны, рост депозитов до определенной степени относится к показателям быстрого повышения материального благосостояния населения, представляя, по сути, отложенный спрос на потребительские товары длительного пользования. Но, с другой стороны, динамика устойчивых остатков на банковских счетах указывает на явное перенакопление денежного капитала в частном секторе. Действительно, приблизительные подсчеты позволяют выяснить, что за первую половину 70-х годов не более 45% частных сбережений были трансформированы в реальный капитал (рассчитано по [348, с. 741, 742, 754]).

В то же время проблема свободных денежных накоплений ливийских предпринимателей и части населения из внешнеэкономической перешла преимущественно во внутривозвращенную область. По мере национализации иностранного, а позже и частного национального банковского капитала и установления полного государственного контроля над всеми кредитно-финансовыми институтами, а также благодаря постепенному принятию все более строгих мер валютного регулирования и, наконец, резкому ужесточению их на рубеже 70-х и 80-х годов были значительно сужены, а затем фактически полностью перекрыты легальные каналы оттока национальных частных сбережений за рубеж. Видимо, это послужило одной из немаловажных причин ускоренного прироста свободных ликвидных ресурсов внутри страны, включая также и накопление массы наличных денег вне банковской сферы — особо опасного потенциального и до некоторой степени реального источника инфляции.

Чтобы предотвратить бесконтрольное развитие инфляционных процессов и изъять из обращения хотя бы некоторую часть избыточной наличности, Центральный банк Ливии только в течение 1971—1975 гг. реализовал на внутреннем рынке ювелирам более 17,5 т импортированного золота (рассчитано по [190, с. 280]). Этими достаточно существенными для Ливии масштабами характеризовалась лишь официально санкционированная и зарегистрированная частная тезаврация, которой вряд ли ограничива-

лось помещение избыточных сбережений в сферу, столь прибыльную при высокой конъюнктуре на рынке благородных металлов и драгоценностей.

Таким образом, представляется вполне закономерным новое, гораздо более активное и широкое, чем все предыдущие мероприятия в этой области, наступление на позиции частного капиталистического, а в некоторых отраслях и мелкоотраслевого сектора национальной экономики, развернутое именно к концу 70-х годов, когда уже со всей очевидностью выявились пороки «новой» ливийской буржуазии. Идеино-теоретической основой этих преобразований в сфере экономической деятельности послужила главным образом вторая часть программной работы лидера ливийской революции М. Каддафи — «Зеленой книги» под заглавием «Решение экономической проблемы. „Социализм“, увидевшая свет в конце 1977 г.

Наиболее радикальные реформы охватили прежде всего те сферы хозяйственной деятельности, которые представлялись наименее благополучными: слишком демонстративно генерировали социальное неравенство, угрожали дестабилизировать внутреннюю экономическую и политическую ситуацию в Ливии и, что особенно важно, составляли финансовую базу для «новой», паразитической и бюрократической буржуазии — главного источника оппозиции. Первым начал претворяться в жизнь лозунг «дом — для того, кто в нем живет» [188, с. 16], согласно специальной резолюции Всеобщего народного конгресса (ВНК) от 6 мая 1978 г. Эта резолюция, несмотря на ряд содержащихся в ней оговорок и исключений, в целом успешно выполнила задачу борьбы с крупными домовладельцами и со спекулянтами недвижимостью, пресекла рост арендной платы за жилье. В соответствии с данным постановлением было произведено изъятие (в ряде случаев за соответствующую компенсацию) у владельцев доходных домов излишков жилого фонда, сдававшихся в аренду, и распределение их между бывшими съемщиками жилых помещений непосредственно либо передача в государственную собственность.

«Зеленая книга» не только послужила программным документом для правящей в Ливии национальной демократии, но и одновременно представила собой попытку теоретически обосновать ряд ее мероприятий, проведенных ранее или осуществлявшихся к моменту публикации, а также углубить уже взятые на вооружение политические и социально-экономические концепции. Так, провозглашенная во второй части «Зеленой книги» необходимость пресечения «непроизводительного» предпринимательства — «экономическая деятельность в условиях нового социалистического общества — это производительный труд ради удовлетворения материальных потребностей, а вовсе не активность, не создающая никаких благ, или предпринимательство с целью извлечения прибыли для накопления, превышающего потребности» [188, с. 20], — в какой-то мере начала фактически реализо-

вываться почти непосредственно вслед за сентябрьской революцией 1969 г.

Постепенное вытеснение частных предпринимателей из торговли, прежде всего внешней, продолжалось и в дальнейшем за счет расширения круга товаров, на которые распространялась государственная монополия, дифференциации таможенных тарифов и путем совершенствования лицензионной системы. В начале 1976 г. было принято решение ВНК об установлении контроля государства над внешнеторговыми операциями.

Однако эти меры оказались недостаточными для пресечения всякого рода спекулятивных сделок и в особенности получившего широкое распространение контрабандного вывоза из Ливии субсидируемых товаров. Поэтому в 1978—1980 гг. последовало решительное наступление на позиции торгового капитала и других «посредников», которое можно считать логическим завершением предыдущей линии ливийского руководства. В октябре 1978 г. был утвержден закон «О регулировании импорта», в соответствии с которым государственные корпорации, организации и предприятия получили исключительное право на ввоз в страну товаров с коммерческими целями. Практически это было равнозначно монополизации ливийским государством внешней торговли. Уже с 1974 г. оно полностью контролирует экспорт, почти целиком состоящий из нефти, газа и продуктов их переработки. Отныне такой же всеобъемлющий контроль устанавливался над импортными операциями.

С 1979 г. стала активно проводиться кампания по свертыванию частной оптовой торговли, завершившаяся к началу 1980 г. принятием постановления о полной ликвидации частнохозяйственных предприятий в данной области, о передаче их функций кооперативам и государственным учреждениям, а также о полном запрете посреднических операций как на индивидуальной основе, так и деятельности частных агентств, представительств и других подобных учреждений. После национализации внутренней оптовой торговли были приняты довольно энергичные и в целом успешные меры по вытеснению частных из розничной торговли главным образом с помощью интенсивного расширения государственной и кооперативной торговой сети, через которую предметы первой необходимости реализовывались по сниженным ценам.

Претворение в жизнь с 1978 г. центрального лозунга второй части «Зеленой книги», предусматривающего ликвидацию системы наемного труда во всех его формах, — «партнеры, а не наемные работники» [188, с. 3] — означало довольно крутой поворот от проводившегося ранее курса на всемерную поддержку частно-предпринимательской активности в сфере материального производства. Широкая его реализация началась после 1 сентября 1978 г., когда по призыву М. Каддафи была развернута кампания «захвата» предприятий и учреждений занятыми на них рабочими и служащими с целью осуществить действенный контроль над производственными и административно-хозяйственными ин-

ститутами посредством народных собраний и выборных народных комитетов — создаваемых повсеместно на рабочих местах органов самоуправления.

Нацеленная одновременно против эксплуатации в частном секторе и бюрократизма в государственном, эта кампания фактически, как представляется, изменила статус преимущественно национальных частнокапиталистических предприятий, охваченных ею почти без исключения. Вероятно, можно характеризовать объективную сущность этих мер как своеобразную смену формы собственности на средства производства (несмотря на то, что автор «Зеленой книги» не признает центрального системообразующего места собственности в политико-экономических социальных отношениях)², хотя их бывшие владельцы иногда вводились народными собраниями в состав новой администрации. Чаше же прежних владельцев или администраторов заменяли, как правило, кандидатами, рекомендованными органами государственно-политической власти. В целом система самоуправления начала практиковаться на предприятиях, имевших далеко не первостепенное значение для ливийской экономики: по некоторым оценкам, на их долю в 1978 г. приходилось 3% валового продукта [44, с. 26].

В государственном секторе данный хозяйственный эксперимент, по существу, до сих пор не распространен на ключевую отрасль — нефтегазовую промышленность. В другой важнейшей области, кредитно-банковской системе, введенное самоуправление фактически носит ограниченный характер. Оно сосредоточено преимущественно на решении кадровых вопросов, а также осуществляет отдельные функции контроля за кредитованием частных физических лиц. Объективная необходимость в более высокой стадии обобществления этих сфер хозяйственной деятельности находит выражение в том, что нефтяная, финансовая, внешнеторговая политика и еще целый ряд направлений экономической стратегии наряду с инструментами ее реализации остаются безраздельной прерогативой центральных правительственных органов страны. Кампания «захвата» предприятий не затронула также иностранные фирмы — партнеров государства по нескольким смешанным акционерным обществам и подрядчиков, занятых на контрактной основе осуществлением крупных проектов в рамках плана социально-экономического развития Ливии.

В то же время реализация упомянутых здесь принципов экономической теории М. Каддафи не замедлила активизировать проявления явной и скрытой оппозиции со стороны имущих слоев ливийского общества, а также их сторонников в государственном аппарате, армии и среди части духовенства. К таким проявлениям относились забастовки торговцев, акты саботажа и даже попытки государственных переворотов и покушений на М. Каддафи. Но, пожалуй, наиболее широкий размах получило пассивное сопротивление основной массы ливийских предпринимателей и собственников недвижимости, которые, лишившись своих коммерческих активов, арендной платы и ренты, стремились по-

кинуть страну и укрыть за границей свои накопления в ликвидной форме либо в виде драгоценностей, широко прибегая к валютным махинациям, услугам черного рынка.

Для предотвращения утечки капиталов революционный режим усилил валютно-финансовый контроль, ограничил свободу распоряжения крупных вкладчиков банковскими депозитами и, наконец, провел в мае 1980 г. денежную реформу в виде нуллификации наиболее распространенных банкнотов (достоинством 5 и 10 дин.) и ограничения их обмена. Так, за любое количество старых денежных знаков достоинством в 5 или 10 дин. владельцы могли получить не более 250 дин. на человека, а на остаток суммы выдавались обменные квитанции. Позже были также установлены новые ограничительные правила использования текущих счетов, в соответствии с которыми фактически все депозиты на суммы свыше 1 тыс. дин. были частично заморожены [238, с. 15, 17; 365, 14.06.1980; 372, 1980, т. 24, № 21, с. 33; № 24, с. 4].

Последние мероприятия имели под собой, вероятно, несколько мотивов. В экономическом плане их немаловажную чисто практическую сторону составила своеобразная политика одновременно кредитной и «дебитной» рестрикции, направленная против перенакопления свободных денежных средств частными лицами, а также на сдерживание инфляции. В социальном аспекте эти меры были призваны сгладить наиболее одиозные из сохранявшихся проявлений имущественного неравенства. Наконец, они вписывались в концептуальную схему «нового социализма» М. Каддафи, где любое накопление, кроме как за счет экономии на личных потребностях индивидуума и от продукта его собственного труда, признавалось «посягательством на общественное достояние» [188, с. 21, 29]. В политическом плане данные мероприятия лишали внутреннюю оппозицию последней легальной финансовой опоры.

Наиболее важным итогом социально-экономических преобразований конца 70-х — начала 80-х годов стала почти полная ликвидация национального ливийского частнокапиталистического сектора в большинстве отраслей, исключая сельское хозяйство, а из сферы обращения были в основном вытеснены даже мелкотоварные предприятия. Это способствовало наряду с продолжившимся процессом национализации активов зарубежных инвесторов дальнейшему упрочению позиций государства в экономике.

К началу 80-х годов на государственных и в меньшей степени на самоуправляемых предприятиях было сосредоточено в целом, по некоторым оценкам, $\frac{9}{10}$ всех средств производства. Причем в энергетике, капитальном строительстве, цементной промышленности, на транспорте и в области сбыта продукции нефтепереработки и нефтегазохимии эта доля достигла 100%, а в большинстве других отраслей обрабатывающей промышленности составила 90—95% [95, с. 1]. Только в сельском хозяйстве все еще преобладал частный сектор. Однако за последнее время, видимо,

четче определился курс ливийского руководства на радикальную перестройку аграрных отношений. Обращаясь к январской сессии ВПЕК 1982 г., М. Каддафи резко критиковал ранее принятые резолюции по аграрному вопросу, в особенности сохранение частного землепользования, служащее «корыстными целям личной наживы» фермеров, которые посредством монополии на производство продовольствия «эксплуатируют остальную часть общества», а также наемный труд иностранных рабочих-иммигрантов, что является грубым нарушением основных экономических принципов, провозглашенных в «Зеленой книге» [369, 1982, № 21, с. 10].

В еще большей степени, чем наличные основные фонды, сконцентрировались в рамках ливийского государственного сектора инвестиционная активность, осуществление абсолютно преобладающего числа проектов по первому пятилетнему плану социально-экономического развития на 1976—1980 гг. и практически всех — по второй пятилетке на 1981—1985 гг. Отраслевая структура капитальных ассигнований до конца 70-х годов сохранила основную тенденцию, которая проявилась в трехлетнем плане, т. е. акцент на инфраструктурные объекты. Однако распределение финансовых ресурсов было скорректировано в пользу производственной инфраструктуры с учетом уже достигнутого существенного прогресса в социальной области и объективных потребностей дальнейшего развития (см. Прил., табл. 6). Это проявилось в выполнении и даже в перевыполнении некоторых контрольных плановых показателей данной группой отраслей.

Одной из самых динамичных здесь стала выработка электроэнергии, которая в течение 1976—1980 гг. возросла в среднем на 20,8% ежегодно [370, 1981, т. 37, № 1838, с. 245—246] и в результате, достигнув 4,8 вместо 4 млрд. кВт·ч, превысила на 20% запланированный для последнего года пятилетия уровень (см. Прил., табл. 7).

В то же время возросли усилия Ливии, направленные на развитие современной обрабатывающей промышленности. За 1976—1981 гг. было введено в строй 68 средних и крупных промышленных объектов, т. е. вводилось по 11—12 предприятий ежегодно по сравнению с 8—9 в среднем за период реализации трехлетнего плана [85, с. 2; 311, с. 11; 370, 1981, т. 37, № 1838, с. 245; 378, 1977, т. 1, № 20, с. 13]. Благодаря улучшенному инфраструктурному обеспечению расширились абсорбционные возможности ливийского хозяйства.

В целом, однако, реализация намного увеличенной инвестиционной программы пятилетнего плана оказалась несколько менее успешной, чем предыдущего трехлетнего. Если в 1973—1975 гг. фактические расходы превысили плановые ассигнования, то в 1976—1980 гг. было освоено 83,6% выделенных финансовых ресурсов. Повысилась доля капитальных ассигнований, освоенных в сельском хозяйстве, но понизилась степень их освоения в производственной инфраструктуре. Наиболее полно вновь были реализованы ресурсы, предназначенные на развитие социальной ин-

фраструктуры, хотя между отдельными ее подразделениями наблюдалась значительная неравномерность капиталонакопления. Самая низкая доля освоенных ассигнований — 59,6% — за пятилетие, как и при выполнении трехлетнего плана, отмечена в промышленности, несмотря на возрастающую концентрацию усилий в сфере индустриального строительства (см. Прил., табл. 6).

Эти усилия принесли определенные положительные результаты, которые выразились в успешном выполнении плановых заданий по наращиванию производственных мощностей в ряде ключевых отраслей. В некоторых из них производственный потенциал был доведен до более значительных размеров, чем предусматривали первоначальные проекты. Например, в хлопчаточной промышленности они были превзойдены на 25%, в кирпичной — почти на 87, в производстве метанола — на 11%. Повысилась степень самообеспеченности страны отдельными видами промышленной продукции, в частности цементом — с 17% его внутреннего использования в 1975 г. до 75% в 1980 г. (расчитано по [244, с. 38—39; 311, с. 31—32; 370, 1981, т. 37, № 1838, с. 245—246]).

Однако насущной и все еще сложной задачей в условиях Ливии остается освоение созданных основных производственных фондов. Масштабы проблемы иллюстрируются данными официальной статистической информации ливийского секретариата (министерства) планирования (см. Прил., табл. 8).

Судя по этим сведениям, относительно благополучную ситуацию ко времени завершения первой пятилетки удалось поддержать в области нефтепереработки, а также обеспечить на предприятиях новой для страны отрасли — основной органической химии. В рамках последней было практически завершено освоение двух предприятий по производству метанола и аммиака, с которых началось создание крупного газохимического комплекса в г. Марса-эль-Брега и чьи годовые мощности по 330 тыс. т продукции эксплуатировались на 100 и 70% соответственно. Позже здесь введен в строй завод по выпуску карбамида с той же годовой производительностью. Одновременно иностранные подрядчики продолжали выполнять контракты на удвоение мощностей данного комплекса по производству аммиака и карбамида.

Особыми соглашениями предусмотрена подготовка национальных кадров для этих и других крупных предприятий, однако пока в их штатах велика доля зарубежных специалистов. «Ливизация» квалифицированного персонала, вероятно, займет еще не один год, тем более что по общему уровню квалификации всех занятых данная группа отраслей зачастую ставится исследователями на второе место после авиационной промышленности. Показатели функционирования предприятий по переработке углеводородного сырья весьма важны, поскольку уже вскоре после ввода в строй, к началу 80-х годов, они заняли ведущие позиции в ливийской обрабатывающей индустрии, произведя более половины ее валовой продукции [261, с. 73], и, судя по программам

развития СНЛАД, сохраняют эти позиции на достаточно длительную перспективу.

По степени загрузки производственных мощностей к нефтепереработке и основной органической химии приближались в других отраслях лишь отдельные промышленные предприятия, работающие часто не только на импортном оборудовании, но и на сырье, полуфабрикатах или комплектующих изделиях. Однако в большинстве случаев коэффициент использования их основного капитала был ниже 50%, причем иногда значительно.

Практически все ливийские и зарубежные исследователи единодушно выделяют решение кадровой проблемы в качестве главного условия обеспечения более удовлетворительной отдачи от растущего индустриального потенциала. Для легкой промышленности, которая вплоть до начала 80-х годов составляла основу ее «нефтяного» сектора в Ливии, кроме того, весьма серьезным остается вопрос снабжения местной сельскохозяйственной продукцией, поскольку валовое производство последней в постоянных ценах к 1980 г. достигло лишь 57% планового уровня (см. Прил., табл. 7).

Развитие нефтепереработки и основной органической химии позволило Ливии во второй половине 70-х годов нарушить сугубо сырьевую экспортную специализацию — наследие колониального прошлого и господства транснационального нефтяного бизнеса, приступить к вывозу базовых химикатов и тем самым развернуть долгосрочную стратегическую программу качественной перестройки отраслевой структуры как внутреннего производства, так и внешнеэкономических связей. Начало этому процессу было положено в 1978 г. экспортом метанола, достигшим почти 203 тыс. т, или 92% его производства, и направленного преимущественно в Италию и Нидерланды (45,2 и 34,5% соответственно от общего объема экспортных поставок), а также в Индию, Испанию и Турцию. В том же году начался вывоз основного количества произведенного аммиака, ведущими импортерами которого стали Греция (48,2%) и Италия (27,8%) наряду с Испанией, Алжиром, Нидерландами и Ливаном. В дальнейшем более 60% этого продукта предполагается использовать на месте в качестве полуфабриката для производства карбамида — конечной продукции, применяемой в основном как азотное удобрение (расчитано по [191, с. 102, 107—111]).

Однако мощности по выпуску химических туков также существенно превзойдут потребности довольно ограниченного (несмотря на интенсификацию сельского хозяйства и быстро возрасший в 70-е годы импорт удобрений) ливийского внутреннего рынка и будут иметь преобладающую экспортную ориентацию. Аналогичным профилем воспроизводственного процесса характеризуются и пять других крупных промышленных комплексов, которые сооружаются или проектируются в Ливии. Географически все они тяготеют к средиземноморскому побережью страны, привлекаются проектировщиками к действующим и строящимся пор-

там. В мае 1982 г. началась промышленная эксплуатация второго из этих шести (включая предприятия в Марса-эль-Брега) комплексов — химического комбината на базе богатого минерально-солевого месторождения в Абу-Каммаше, откуда была отгружена на экспорт первая партия поливинилхлорида. На заключительном этапе находилось строительство первых промышленных объектов крупного центра нефтепереработки (11 млн. т сырой нефти в год) и нефтехимии в портовом городе Рас-Лануфе.

В то же время наращивание экспортного производства Ливией, как и большинством других развивающихся стран, сопряжено с преодолением немалых трудностей в процессе реализации их готовых изделий и полупродуктов на мировом капиталистическом рынке. Так, еще в 1974—1975 гг. была разработана программа расширения ливийской нефтеперерабатывающей промышленности за вторую половину 70-х годов более чем до 48 млн. т годовой мощности, чтобы вывозить примерно половину добываемой нефти в виде нефтепродуктов. Однако ввиду значительной хронической недогрузки оборудования предприятий по первичной переработке этого сырья (до 39% в 1977 г. в странах ЕЭС) в зоне развитого капитализма, и особенно в Западной Европе — основном предполагаемом регионе сбыта ливийской продукции, и в связи с усилением государствами Запада протекционистской политики Ливии пришлось отложить несколько проектов, в частности нефтеперегонные заводы в Эз-Зуэтин и Мисурате, на более отдаленную перспективу [105, с. 140].

Целевые установки и инвестиционная программа второго пятилетнего плана развития на 1981—1985 гг., который осуществляет СНЛАД, свидетельствуют о том, что отмеченные проблемы и трудности не поколебали приверженности ливийского руководства избранной им стратегией хозяйственного строительства в сочетании, однако, с объективно необходимой тактической гибкостью, например, при определении очередности конкретных проектов. Во второй пятилетке впервые окончательно оформился приоритет индустрии, прежде всего тяжелой, в проведении курса на диверсификацию национальной экономики (см. Прил., табл. 9).

Доля сельского хозяйства в капитальных ассигнованиях, достигнув максимума к середине 70-х годов, постепенно снижается, несмотря на более чем 1,8-кратный абсолютный рост вложений в аграрный сектор, запланированный на вторую пятилетку относительно предыдущей. Для финансирования обрабатывающей промышленности, напротив, характерна не только наиболее высокая абсолютная, но и относительная динамика, которая вывела ее на второе место (23,1%) по удельному весу в плановых инвестициях на 1981—1985 гг. в сферу материального производства непосредственно вслед за производственной инфраструктурой (24,1%).

В рамках индустриального сектора отчетливо прослеживается приоритет обрабатывающих отраслей группы А, на которые вы-

делено до 70% ассигнований против 30% для группы Б. Основные усилия продолжают концентрироваться на развитии трех упомянутых промышленных комплексов в Марса-эль-Бреге, Абу-Камаше и Рас-Лануфе, а также трех других — основной органической и неорганической химии на базе минерально-солевого месторождения в Мараде, комбинатов черной металлургии полного цикла в Мисурате и по производству алюминия в Зуваре. Для экспорта предназначена наибольшая часть их конечной базовой продукции, поскольку импортзамещающее направление индустриализации в целом было в значительной мере исчерпано на более ранних ее этапах. Следовательно, с высокой степенью вероятности приходится предположить сохранение актуальности для Ливии таких проблем, как трансферт и освоение передовой зарубежной технологии и стабильность внешних рынков.

С несколько меньшей напряженностью, но все же весьма остро эти проблемы встают перед Алжиром, опирающимся на более длительный опыт индустриального развития и располагающим гораздо более емким внутренним рынком, а также в той или иной мере перед всей группой освободившихся стран-нефтеэкспортеров.

Различные подходы государств данной группы к решению этих вопросов — один из весьма характерных примеров воздействия их социально-экономической и политической ориентации на стратегию использования нефтеденег. Нефтяные монархии района Персидского залива, наиболее типичным представителем которых выступает Саудовская Аравия, видят практически единственный способ гарантировать освоение передовой технологии своей обрабатывающей промышленностью и обеспечить внешние рынки сбыта для ее продукции в налаживании максимально тесного сотрудничества с фирмами стран Запада и Японии, прежде всего с их крупнейшими транснациональными корпорациями, т. е. в привлечении их предпринимательского капитала к самому широкому участию в предприятиях обрабатывающей промышленности, особенно смешанных, и уже достаточно далеко продвинулись по этому пути. Причем иностранные инвесторы, нередко почти наравне с местными частными предпринимателями, здесь пользуются льготами и преимуществами, пожалуй, беспрецедентными в развивающемся мире.

Так, измененный в 1979 г. саудовский кодекс иностранных капиталовложений предусматривает полную свободу перемещения (ввоза и вывоза) инвестиций; в промышленности и сельском хозяйстве гарантирует освобождение их от налогов на 10 лет, а в прочих отраслях — на 5; вводит целый ряд других таможенных и финансовых преференций, в основном просто недоступных более бедным освободившимся государствам. Это, например, предоставление зарубежным предпринимателям за чисто символическую плату земельных участков, снабжение их на тех же условиях электроэнергией и водой, столь дефицитной в Аравии, и, наконец, финансирование государством через Саудовский фонд промыш-

ленного развития до 50% капитальных расходов из расчета 2% годовых.

Из 14 крупнейших промышленных объектов, которые создаются во второй половине 70-х и в 80-х годах в двух основных формирующихся индустриальных центрах Саудовской Аравии — Джубейле и Янбо, только один, отнюдь не самый крупный, нефтеперерабатывающий завод будет полностью принадлежать государственной компании «Петромин», а все остальные организуются как смешанные предприятия обычно с 50%-ным прямым иностранным участием таких гигантов, как «Экссон», «Ройал Датч-Шелл», «Тексако», «Корф Шталь», «Мицубиси», или консорциумов менее крупных фирм [291, с. 9, 32; 365, 30.08.1977, прил. с. IX; 385, 1978, т. XVIII, № 2, с. 7]. Трезвую оценку поощрению экспансии ТНК в национальному целенаправленному развитию экономики дают многие арабские исследователи, в частности А. М. Джейда, характеризуя «смешанные предприятия, в которых нефтеэкспортирующие страны несут все финансовые затраты и основной риск, тогда как иностранный партнер получает гарантированные... доходы и создает долговременную зависимость в области эксплуатации оборудования, его обслуживания, снабжения запасными частями... Где же здесь место для передачи опыта и подлинного индустриального рывка, такое положение необходимо изменить» [270, с. 155].

В Ливии и Алжире, напротив, почти все крупнейшие промышленные предприятия создаются как полностью государственные. После национализации на рубеже 70-х и 80-х годов 49%-ной доли «Экссон» в нефтеперерабатывающем и газосжижающем предприятиях в Марса-эль-Бреге и 20%-ной доли «Оксилиба» в заводе по производству метанола в ливийской промышленности по переработке углеводородного сырья почти не осталось иностранных инвестиций. Прогрессивные режимы обеих стран стремятся удовлетворить свои резко возросшие за последние годы потребности в инвестиционных товарах, и прежде всего в комплектном оборудовании, а также технологии и «ноу-хау», не прибегая к импорту предпринимательского капитала, при помощи других форм внешнеэкономических связей, среди которых получают приоритет различные виды подрядных контрактов.

Типичным примером является ливийское предприятие по производству аммиака в г. Марса-эль-Брега мощностью 1000 т/сутки и стоимостью 55 млн. дин. (189,7 млн. долл.), построенное для ЛНОК западногерманской компанией «Фридрих Уде» на основе подрядного соглашения и сданное «под ключ» осенью 1977 г. С английской фирмой «Коппэс Интернэшнл», выполняющей заказы на инженерно-консультационные услуги, был подписан контракт на оперативное управление и техническое обслуживание данного предприятия, по которому в Ливию командированы 250 чьи обязанности входят также подготовка ливийских технических кадров и постепенная передача в

их руки эксплуатации завода. Сумма контракта составляет 8 млн. ф. ст. (13,75 млн. долл.).

Подобная практика не ликвидирует основ научно-технической зависимости развивающихся стран в рамках мировой капиталистической системы, однако способствует ее ослаблению на ряде конкретных направлений. В целом освободившиеся государства, поскольку в их ведении находится вся коммерческая деятельность предприятий с начала функционирования, расширяют самостоятельность в мирохозяйственных связях, устранив ряд традиционных факторов своего неравноправного положения в качестве объектов инвестиционной деятельности монополий. Аналогичные организационные формы Ливия пытается применять и в области реализации своих химических товаров за рубежом. Например, с западногерманской фирмой «Хемише Верке Хюльс АГ» подписано соглашение о сбыте в ФРГ на комиссионных началах продукции комбината в Абу-Каммаше [263, с. 53—54; 372, 1977, т. 21, № 11, с. 25; № 40, с. 30].

Глава VII

НАКОПЛЕНИЕ ВАЛЮТНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Движение капитальных ресурсов из освободившихся государств в подавляющем большинстве случаев происходит на фоне хронического дефицита их национальных сбережений, иногда существенно усугубляя этот дефицит, который постоянно увеличивает потребности бывших колониальных и зависимых стран во внешних источниках финансирования и сохраняет за ними в целом роль крупного нетто-импортера капитала. Отличительным признаком нескольких участников ОПЕК, вывозящих нефтедоллары, напротив, является именно чистый экспорт денежного капитала в достаточно крупных объемах как выражение диспропорции между ростом их внутренних сбережений и отставанием реальных накоплений. Масштабы данной диспропорции определяются социально-экономической отсталостью этой группы производителей нефти и газа, количественной и качественной ограниченностью их трудовых и известных природных ресурсов, кроме углеводородного сырья, которые необходимы для диверсификации хозяйственной структуры. Но эта диспропорция во многом зависит и от стратегии экономического развития. По форме, экономическому и социально-политическому значению экспорт нефтедолларов характеризуется как общими закономерностями, так и спецификой применительно к различным странам, а иногда и к разным этапам развития одного государства, что особенно заметно на сравнительно менее изученном примере Ливии.

Благодаря беспрецедентно быстрым темпам наращивания добычи и экспорта нефти, а также особенностям финансово-эконо-

мической политики правившего тогда в стране реакционного монархического режима Ливия на рубеже 1964—1965 гг., т. е. уже на пятом году эксплуатации ее нефтяных ресурсов, стала после Кувейта второй развивающейся страной, у которой начали накапливаться свободные валютные сбережения. К 1970 г. их уровень приближался к миллиарду долларов, или $\frac{2}{3}$ общей суммы годовых концессионных отчислений западных нефтяных компаний ливийскому правительству (рассчитано по [262, с. 114—115]).

К тому времени относительные масштабы перенакопления денежного капитала обоими государствами примерно сравнялись, но их абсолютная величина у Ливии была значительно больше. Продолжая стимулировать приток в страну иностранного предпринимательского капитала, который полностью монополизировал нефтяной сектор экономики и чья доля в целом достигала половины валовых внутренних инвестиций, ливийский монархический режим весьма слабо использовал даже наличные возможности для производительного освоения нефтеденег, не говоря уже о расширении этих возможностей. В финансово-экономической политике был сделан акцент на размещении основной массы национальных денежных накоплений за рубежом преимущественно в форме валютных авуаров. Подобная тенденция превращения в государство-рантье рассматривается рядом советских исследователей как один из основных признаков «кувейтской модели» хозяйственного развития, характерной и для некоторых других нефтяных монархий Аравии [126, с. 7, 74; 148, с. 202].

К началу 80-х годов физический объем ливийского нефтяного экспорта составлял всего лишь около половины его уровня в начале прошлого десятилетия, а на 90-е годы перспективными программами предусмотрено более чем трехкратное его сокращение. Для сравнения отметим, что нефтеэкспортирующие государства Аравийского полуострова, за исключением Кувейта, в целом увеличили свои поставки жидкого топлива на мировой рынок (особенно Саудовская Аравия — в 2,6 раза) за тот же период, несмотря на возросший избыток валютных накоплений.

Глубокие перемены в стратегии социально-экономического развития Ливии после революции 1969 г., активная мобилизация и стимулирование ее абсорбционных возможностей, сочетаясь с экономией нефтегазовых ресурсов, способствовали снижению доли свободного остатка в сумме чистых доходов ливийского государства от экспорта жидкого топлива до 35% в среднем за 1974—1980 гг., или почти вдвое по сравнению с его удельным весом в 1969—1970 гг., несмотря на рост среднегодовых поступлений за тот же период до 10,6 млрд. долл., или в 8,7 раза. Между тем в аравийских нефтяных эмиратах — Кувейте, ОАЭ, Катаре — с присущей им в разной степени по-прежнему «кувейтской моделью» развития избыточные валютные сбережения в среднем превосходили половину бюджетных поступлений от их нефтегазовой промышленности (рассчитано по [319, с. 28, 30; 384, 1975, т. XLII, № 3, с. 85; 1981, т. XLIII, № 6, с. 232]).

Нельзя, однако, не отметить, что у Ливии при относительном сужении роли свободного валютного остатка его абсолютные размеры после первого энергетического кризиса возросли в среднем до 2,9 млрд. долл. ежегодно, а общая аккумулированная сумма за восемь лет (1973—1980) превысила 23,3 млрд. долл. (рассчитано по [Прил., табл. 10]). В известной мере данный процесс вполне можно считать управляемым. Этот вывод подтверждается, например, анализом пятилетнего плана социально-экономического развития Ливии на 1976—1980 гг., в котором баланс текущих операций был спроектирован с таким расчетом, чтобы обеспечить актив на уровне 23% нефтяных доходов государства (рассчитано по [311, с. 37—38]). Реальные итоги внешних платежных операций (без государственных переводов) менее чем на 8% превзошли контрольные плановые показатели главным образом за счет крупного актива (в размере 33,5% экспортных поступлений) во время «второй революции» цен на жидкое топливо 1979—1980 гг., тогда как в промежутке от первого до второго обострения энергетического кризиса актив в среднем не превысил запланированного уровня. Резкое сокращение нефтяного экспорта в 1981 г. обусловило образование значительного дефицита по текущим операциям в платежном балансе Ливии (см. Прил., табл. 10).

Ниже рассмотрены основные способы рециклирования ливийских валютных сбережений за рамки национальных границ. Отрывочная информация позволяет составить об этом лишь общее представление. Подчеркнем сразу: поскольку в Ливии кредитно-финансовая система представлена государственными учреждениями и осуществляется жесткий валютный контроль, особенно со второй половины 70-х годов, речь пойдет лишь о рециклировании свободных сбережений именно по государственным каналам, хотя это отнюдь не исключало попыток нелегального вывоза за рубеж ливийских частных капиталов. В большинстве других стран, регулярно экспортирующих нефтедоллары, правительства, напротив, стремятся активно вовлечь в данный процесс национальное частное предпринимательство, а зачастую подключают к нему и иностранные финансовые институты уже на начальной стадии мобилизации денежных накоплений.

Более половины свободного остатка валютных сбережений, накопленного Ливией за период от первого обострения энергетического кризиса до начала 80-х годов, использовано для наращивания валютных резервов этого государства, а также для увеличения его официального золотого запаса. Данный вывод основан на расчете абсолютного прироста этих активов с конца 1973 г. до середины 1981 г., когда ливийские резервы иностранной валюты достигли своей максимальной величины и от немногим более 2 млрд. приблизились к 13,8 млрд. долл. [367, 1982, т. XXV, № 2, с. 250—251]. Расходы центрального банка страны на приобретение в 1979—1981 гг. монетарного золота оценены условно по котировкам «желтого металла» на лондонском рынке, где, соглас-

но сообщения английских брокерских фирм, и произведены в основном его закупки.

Наибольшая часть (примерно $\frac{2}{3}$) валютных резервов Ливии хранится на текущих счетах или в краткосрочных депозитах, расщепленных между несколькими десятками зарубежных банков, главным образом на рынке евровалют. Определенная доля (до 20% во второй половине 70-х годов) приходилась также на разного рода краткосрочные ценные бумаги в конвертируемой валюте, включая государственные, например казначейские векселя. Удельный вес фондовых ценностей с более чем годичным сроком реализации был незначителен (рассчитано по [259, с. 214; 363, 1977, т. XVII, № 1—2, табл. № 2, 3]). Таким образом, общая ликвидность накопленных Ливией зарубежных активов на всем протяжении 70-х и в начале 80-х годов поддерживалась на достаточно высоком уровне с непродолжительными колебаниями, которые вызывались изъятием части резервов для ликвидации диспропорций в текущих расчетах.

Отмеченная особенность ливийской внешней инвестиционной политики отличает эту страну от арабских нефтяных монархий — крупнейших экспортеров капитала среди членов ОПЕК. Так, у Кувейта, Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара непосредственно за резкими повышениями цен на нефть следовало крупномасштабное, но непродолжительное накопление ликвидных зарубежных активов, которые становились по преимуществу лишь промежуточным звеном для трансформации свободных остатков валюты в долгосрочные вложения. В течение 1974—1978 гг. удельный вес краткосрочных инвестиций понизился с почти 70 до 20% общего объема ресурсов, аккумулированных четырьмя последними государствами на конец соответствующего года [361, 1979, т. 129, № 646, с. 17]. В дальнейшем после кратковременного преобладания инвестиций в ликвидные активы в 1979 г. уже с 1980 г. основная часть «свободного остатка» валютных сбережений вновь стала вкладываться в активы долгосрочные, причем прогнозировалось развитие тенденции к удлинению их сроков [213, с. 38, 40—41]. Из общей суммы зарубежных накоплений стран ОПЕК на уровне свыше 375 млрд. долл. за 1974—1981 гг. более 57% относят к долгосрочным и менее 43% — к краткосрочным вложениям (рассчитано по [307а, с. 78]).

Отличия в способах размещения за рубежом активов, по-видимому, объясняются как их функциональным назначением, так и политическими факторами. Первое обусловлено более заметной нестабильностью экспорта Ливии на фоне стран, с которыми она здесь сопоставляется. Колебания вызваны непредусмотренными спадами вывоза жидкого топлива не только ввиду перемен конъюнктуры на капиталистическом рынке, но и в связи с острыми конфликтами в 70-е и в начале 80-х годов между ливийским правительством и западными нефтяными компаниями — владельцами национализированных концессий, а также вследствие радикальной ценовой политики этого государства, которое, кроме

того, из-за своего последовательно антиимпериалистического курса на международной арене подверглось в начале 1982 г. экономическому бойкоту со стороны США — ранее одного из крупнейших покупателей продукции ливийской нефтяной промышленности и поставщика техники, технологии и квалифицированных специалистов для данной отрасли.

В то же время для Ливии вплоть до 1982 г. был характерен неуклонный рост расходов на импорт товаров и услуг. Поэтому, в частности, сокращение ее экспорта повлекло падение уровня валютных резервов с 13 770 млн. в июне 1981 г. до 6278 млн. долл. в сентябре 1982 г. и дальнейшее их снижение до 4806 млн. долл. в январе 1984 г. [367, 1982, т. XXXV, № 12, с. 265; 1984, т. XXXVII, № 3, с. 287]. Политические мотивы также обуславливают необходимость поддержания этих ресурсов в мобильном состоянии как гарантию от санкций наподобие тех, которые США применили к авуарам республиканского Ирана.

О реалистической оценке Ливией такой опасности свидетельствует то, что она почти не располагает активами в Соединенных Штатах, чей национальный рынок капиталов в то же время сохраняет свое значение в качестве одной из основных сфер приложения нефтедолларов из монархических государств Аравийского полуострова и скорее всего удерживает лидерство по объему их долгосрочных инвестиций.

Существенная часть ливийских валютных накоплений используется для оказания финансовой поддержки освободившимся государствам. По данным Комитета помощи развитию ОЭСР, чистый приток ресурсов из Ливии в эти страны, включая взносы в международные и региональные организации, фонды и банки развития, за 1973—1978 гг. превысил 2,2 млрд. долл., или, по нашим расчетам, почти пятую часть свободного остатка иностранной валюты за те же шесть лет. Из указанной суммы на долю льготной помощи (по классификации ОЭСР) пришлось 42% (рассчитано по [249, с. 269; Прил., табл. 10]). Остальные средства были предоставлены на коммерческих условиях или инвестированы в совместные предприятия Ливии с развивающимися странами.

Приведенные данные не включают ливийское военно-экономическое содействие (субсидии, стоимость поставок военной техники и другие расходы), которое можно оценить не менее чем в 2 млрд. долл. за тот же период. Вместе с оборонными затратами общие поступления из Ливии в освободившиеся государства, по всей вероятности, приблизились к 40% ее свободных сбережений.

В 1980 г. для дальнейшего расширения ливийского финансового содействия был создан специальный фонд с капиталом 200 млн. лив. дин. (свыше 675 млн. долл.) [372, 1980, т. 24, № 5, с. 31] в дополнение к ранее осуществлявшему эти функции филиалу Центрального банка Ливии — «Либан Араб Форин Банк» (ЛАФБ). Круг освободившихся государств Африки, Азии и Латинской Америки, с которыми СНЛАД поддерживает отношения экономического сотрудничества, весьма обширен. Но среди ха-

рактерных, особенно для последних лет, тенденций следует отметить упрочение связей между Ливией и странами с прогрессивными антиимпериалистическими режимами, которые в силу своей ориентации, как правило, не пользуются поддержкой со стороны консервативных нефтяных монархий, а нередко испытывают и явно недружественное отношение последних.

На Арабском Востоке наиболее успешно развивается сотрудничество СНЛАД с ее партнерами по Национальному фронту стойкости и противодействия — Сирией, НДРП, Алжиром. Весомая доля ливийской финансовой помощи приходится на страны Тропической Африки и молодые независимые государства юга континента (около 40% общей суммы обязательств перед освободившимися странами, принятых в середине 70-х годов). Причем один из крупнейших кредитов в этом регионе (150 млн. долл.) выделен Анголе весной 1976 г. [386, 1976, № 2, с. 6]. Содействие оказывалось также Эфиопии, Мавритании, Мали, Нигеру, Чаду, Мадагаскару, Гвинее и другим странам.

Наряду с предоставлением ресурсов по двусторонним каналам Ливия участвует в подавляющем большинстве финансовых фондов, банков развития, специализированных инвестиционных компаний и других учреждений, созданных под эгидой Лиги арабских государств, Организации африканского единства, Организации исламская конференция, ОПЕК, ОАПЕК. Причем в целом ряде случаев СНЛАД выступила инициатором их основания и одним из крупнейших доноров. Это относится, например, к Заемному фонду, который был учрежден в начале 1974 г. с поступлением преобладающей доли взносов от Ливии и Алжира и который позднее был включен в состав Арабского банка экономического развития Африки. Ливия является вторым после Саудовской Аравии крупнейшим подписчиком на капитал этого банка (16,3%), а также Исламского банка развития (17,3%) [199а, с. 77, 106, 118]. В то же время Ливия практически не принимает участия в системе финансовых учреждений МВФ и МБРР, в которую активно вовлечены нефтяные монархии, особенно Саудовская Аравия, являющаяся, в частности, наряду с США одним из основных доноров (по 30% взносов) так называемого фонда Виттевена при МВФ, созданного в 1978 г. для гарантирования уплаты долгов развивающихся стран [59а, с. 386—387].

Нередко заметные различия в целях и принципах, выражающие классово-политическую природу взаимоотношений между освободившимися государствами, препятствуют выработке общей согласованной линии нефтеэкспортеров на содействие развивающимся странам — импортерам жидкого топлива. В частности, не получило одобрения большинства членов ОПЕК и не было реализовано предложение о поставках нефти африканским государствам на льготных условиях, с которым выступил ливийский лидер М. Каддафи в конце 1973 г. на Исламской конференции в Лахоре [302, с. 16]. Не встретила широкой поддержки и другая инициатива Ливии на 55-й декабрьской конференции ОПЕК

1979 г.—отчислять с каждого барреля нефтяного экспорта определенную сумму на помощь освободившимся странам [387, 1979, № 826, с. 16].

В 70-е годы СНЛАД весьма активно участвовала в создании совместных промышленных, сельскохозяйственных, финансовых и других предприятий и организаций в развивающихся государствах, особенно в африканских, где в 1980 г., по официальным ливийским данным, существовало 51 учреждение такого типа [370, 1980, т. 36, № 1790, с. 476]. Создаются они и в других регионах. Например, в Лиме действует «Арабо-латиноамериканский банк», основанный при участии Ливии и Кувейта (по 20% уставного капитала), а также ряда арабских и арабо-западноевропейских кредитно-финансовых институтов и банков стран Латинской Америки (Аргентины, Бразилии, Колумбии, Перу и др.) [333, с. 12].

По своему удельному весу в размещенных за рубежом ливийских валютных накоплениях долгосрочные инвестиции в зоне развитого капитализма занимают более скромное место, чем у большинства других государств, вывозящих нефтедоллары. Однако общий объем долгосрочных активов, а также масштабы и разнообразие кредитно-финансовых операций Ливии как в отдельных государствах развитого капитализма, так и на международном рынке капиталов с конца 60-х годов до 1981 г. неуклонно расширялись.

До середины 70-х годов преобладал вывоз ссудного капитала Ливией преимущественно посредством участия в банковских синдикатах по предоставлению еврокредитов и еврооблигационных займов. При этом уже упомянутый ЛАФБ, на который возложено проведение этих операций, на том начальном этапе, как правило, выступал в сравнительно пассивной роли андеррайтера (т. е. подписчика или банка-гаранта).

В дальнейшем, однако, сохранив за собой данную функцию в качестве второстепенной, ЛАФБ все чаще входит в группы управляющих или соуправляющих банков (менеджеров или ко-менеджеров), сосредоточивая свою активность на рынке ссудного капитала в области организации евросиндикатов. Одна из наиболее крупных операций, в которой ливийский банк фигурировал одновременно в качестве менеджера и андеррайтера,—среднесрочный еврокредит на сумму 500 млн. долл., предоставленный итальянской государственной нефтяной компании ЭНИ в конце 1980 г. [361, 1981, т. 131, № 659, с. 24].

Заметно расширяется также вывоз Ливией предпринимательского капитала, начало которому было положено основанием в Западной Европе совместных банков и достаточно крупных банковских консорциумов, акционерами которых становились арабские и западные кредитно-финансовые институты. На рубеже 70-х и 80-х годов здесь уже функционировали по меньшей мере 12 подобных учреждений с непосредственным ливийским участием, в том числе четыре — в Париже, два — в Люксембурге и по одному — в Лондоне, Франкфурте-на-Майне, Брюсселе, Риме, Мад-

риде и Афинах [361, 1981, т. 131, № 661, с. 103—131; 372, 1979, т. 23, № 18, с. 15].

Причем и в данной области наблюдается активизация функций ливийской стороны. До середины 70-х годов участие Ливии в совместных банковских предприятиях, как с точки зрения доли в акционерном капитале, так и в особенности представительства граждан в руководящих органах этих финансовых учреждений, можно охарактеризовать лишь в качестве портфельных инвестиций. Однако в дальнейшем получили распространение и прямые капиталовложения страны. Например, «Либан Араб Форин Банк» владеет 1/3 акций «Арабо-испанского банка» в Мадриде (главный управляющий ЛАФБ — председатель совета директоров этого банка).

Во второй половине 70-х годов экспорт ливийского предпринимательского капитала в страны развитого капитализма вышел за рамки финансового сектора их экономики и распространился на промышленный. Крупнейшей операцией остается сделка, которая была заключена в декабре 1976 г. между Ливией и итальянским частным концерном ФИАТ на общую сумму около 416 млн. долл. и предусматривала приобретение акций и конвертируемых облигаций концерна, а также предоставление ему ливийского кредита на весьма благоприятных условиях. Ливия стала вторым крупнейшим акционером ФИАТ после семейства Аньелли (с начальной долей в капитале 9,1%, доведенной затем до 13,6% путем конверсии облигаций) и назначила троих своих представителей в его руководящие органы (из общего числа 26 высших администраторов) [358, 1976, № 237, с. 7; 372, 1982, т. 26, № 7, с. 15; 352, 14.10.1982, с. 1]. Сообщений о других подобных сделках не имелось вплоть до 1981 г., когда вступили в завершающую стадию переговоры о приобретении Ливией примерно за 400 млн. долл. полностью другой итальянской фирмы, «Марियो Маральди», незадолго до этого потерпевшей банкротство. Компании принадлежал ряд предприятий в пищевой промышленности, черной металлургии и производстве металлоконструкций (в том числе емкостей для продукции нефтегазовой промышленности). Операция по приобретению «Марियो Маральди» была проведена новым ливийским учреждением, «Либан Араб Форин Инвестмент Корп.» (ЛАФИК), к которому от ЛАФБ перешли функции контроля над всеми небанковскими активами Ливии за рубежом [372, 1981, т. 25, № 47, с. 29].

В целом Италия занимает, видимо, первое место в Западной Европе и одно из первых мест в мире по объему привлеченных из Ливии долгосрочных инвестиций, которые, по состоянию на 1981 г., приближались к 1,6 млрд. долл., если к упомянутым двум операциям добавить крупные прямые кредиты ЭНИ, в том числе для финансирования закупок ливийской нефти. В начале 80-х годов активизирована географическая диверсификация ливийских капиталовложений главным образом за счет наращивания активов в Японии до 1,7 млрд. долл. в 1980 г., согласно английской га-

зете «Файнэншл Таймс», которая, однако, не сообщила о характере этих инвестиций [362, 26.03.1979; 365, 28.09.1981, Прил.]. Давая общую характеристику внешней инвестиционной политике Ливии, американский специалист Дж. Т. Абед полагает, что это государство наряду с Кувейтом добилось наиболее высокой валютной диверсификации зарубежных активов, а также доли «реальных» вложений (т. е., по сути, преобладания предпринимательского капитала над ссудным) в структуре долгосрочных инвестиций на рубеже 70-х и 80-х годов [197, с. 48].

Формально ливийские официальные представители отрицают узкокоммерческую направленность внешней финансовой политики. Среди ее основ обычно выделяют интересы внутреннего развития Ливии, причем особо подчеркивают зависимость данного процесса от внешнеэкономических связей. Так, председатель правления «Либиян Араб Форин Бэнк» отмечал, что участие его страны в капитале ФИАТ обеспечивает ей доступ к «наиболее передовой западной технологии» (цит. по [333, с. 12]). Вероятно, и кредитование итальянской холдинг-компания ЭНИ имело под собой аналогичную мотивировку.

Действительно, эти компании принимают участие в индустриальном развитии Ливии. Особенно активна ЭНИ, которая на основе соглашения о партнерстве и о подряде осуществляет проекты в ливийской нефтедобывающей промышленности, включая работы на морских нефтепромыслах. Кроме того, филиалы ЭНИ построили и продолжают проектировать и сооружать в стране крупнейшие нефтеперерабатывающие комплексы, а также объекты нефте- и газохимии. Реализовано заключенное с ФИАТ соглашение о создании первого в Ливии автосборочного предприятия.

Нельзя, однако, не отметить слишком уж очевидный выигрыш от «обмена» технологии на капитал для западных концернов: они получили в свое распоряжение крупные ресурсы на гораздо более благоприятных условиях, чем рыночные. Что же касается выгод для Ливии, то вряд ли они столь существенны, как это пытаются представить ее западные партнеры. По мнению алжирского исследователя А. Сеййид-Ахмеда, «аргумент о доступе к технологии кажется сомнительным» [325, с. 306]. Мало того, значительная часть долгосрочных вложений Ливии на Западе, по сути, не связана прямо с решением ее внутриэкономических проблем и прежде всего преследует цель прибыльного размещения свободных валютных накоплений.

Наращивание заграничных финансовых активов неоднозначно воздействует на нефтеэкспортирующие государства. Зачастую перелив избыточных нефтедолларов в зону развитого капитализма ведет к сближению, а нередко и к совпадению интересов правящих кругов ряда стран ОПЕК с интересами буржуазии Запада. Данная тенденция особенно характерна для нефтяных монархий Персидского залива. Вероятно, она будет усиливаться по мере возрастания и сближения доходов от нефти и от зарубежных инвестиций. Мотивы прибыльного вложения капиталов за рубежом

уже находили отражение в политике Саудовской Аравии. Как правило, эта наиболее богатая нефтью страна занимает «умеренную» позицию в рамках ОПЕК по вопросам о ценах и квотировании добычи и экспорта жидкого топлива; известно также негативное ее отношение к инициативам, с которыми выступают многие члены ОПЕК, стремясь ослабить зависимость ценообразования и расчетов за нефть от доллара США.

Партнерство Ливии с западными монополиями пока не оказывает заметного воздействия на взятую ливийским руководством внешнеполитическую линию, которая остается последовательно антиимпериалистической. Однако силы, близкие к международным монополистическим кругам, не теряют надежды использовать процесс рециркуляции нефтедолларов для подрыва прогрессивного курса страны. Выдавая желаемое за действительность, орган американских деловых кругов «Бизнес Уик» с циничной откровенностью писал: «Чем больше нефтедолларов ливийские технократы инвестируют за рубежом, тем меньше останется для финансирования радикальных (читай: антиимпериалистических.— В. К.) движений» [362, 1979, № 2578, с. 94].

Сохранить прогрессивную ориентацию Ливии возможно лишь при опоре на сотрудничество с государствами социалистического содружества и путем укрепления солидарности освободившихся стран. Выше говорилось о финансово-экономических связях Ливии с развивающимися странами. Эти формы отношений получили распространение также в сфере расширяющегося экономического сотрудничества между СНЛАД и странами социализма. ЛАФБ и международные банки с его участием организовали несколько консорциумов, предоставивших синдицированные еврокредиты Венгрии, Кубе, Польше, Югославии. Осуществлялось также прямое кредитование Ливией, например, СФРЮ. Один из крупнейших кредитов на сумму 160 млн. долл. для закупки ливийской нефти был предоставлен Вьетнаму [199а, с. 77].

Если взять фактическую сторону зарубежных инвестиций стран—членов ОПЕК с различным социально-экономическим устройством и резко отличающихся друг от друга внутренней и внешней политикой, то обнаружится немало сходства. Действительно, как нефтяные монархии, так и революционная Ливия (до начала 80-х годов) вкладывают избыточные нефтяные деньги в различные сферы экономики развитых капиталистических государств и развивающихся стран в форме ссудного и предпринимательского капитала, в том числе приобретают акции компаний, становятся пайщиками или владельцами инвестиционных и кредитных фондов, основывают собственные предприятия с той или иной степенью участия иностранного капитала. В обоих случаях в политэкономическом смысле формируются и реализуются предпосылки для извлечения прибавочной стоимости, создаваемой трудящимися стран-реципиентов. В том и другом случае углубляется вовлеченность капиталовладельцев нефтеэкспортирующих государств в мировое капиталистическое хозяйство, в финанси-

вание частных и государственных монополий, включая ТНК и транснациональные банки (ТНБ). И нефтяным монархиям, и Ливии инвестиционная деятельность за рубежом в разной степени служит средством получения дополнительных валютных поступлений, которые могут частично компенсировать сокращение нефтяной ренты. Последнее обстоятельство действительно сыграло положительную роль в 80-е годы, когда текущие доходы от нефти и газа снизились в условиях депрессивной конъюнктуры на капиталистическом энергосырьевом рынке, а поступления от капитализированной нефтяной ренты, напротив, несколько возросли благодаря повышению банковских процентных ставок на Западе. Тем не менее было бы ошибочным, по сути, отождествлять заграничные инвестиции нефтяных монархий и Ливии.

В первом случае капитализированный за рубежом избыток нефтяной ренты способствует частно- и государственно-капиталистическому накоплению, развитию капитализма и упрочению позиций родо-племенной аристократии и новой буржуазии, во втором — расширенному воспроизводству в государстве, которое активно проводит, по существу, антикапиталистические преобразования в большинстве сфер хозяйственной деятельности национальной экономики. Интеграция нефтяных монархий в мировое капиталистическое хозяйство — одновременно причина и следствие их прозападного курса. Ливия же вопреки партнерству с рядом западных фирм и банков, как было отмечено, сохранила антиимпериалистический курс.

Следовательно, размещение ливийских нефтедолларов на Западе носит неоднозначный характер, содержит в себе явления различного порядка. Кроме того, именно опыт Ливии свидетельствует, что сами по себе эти экономические операции, как и другие способы применения нефтяной ренты, могут приобретать разное политическое содержание в зависимости от социально-экономической природы государства, его внутри- и внешнеполитического курса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 50—60-е годы энергосырьевой фактор занял чрезвычайно важное место среди условий социально-экономического развития афро-азиатских и латиноамериканских освободившихся государств — крупных поставщиков углеводородного сырья, а со временем и продуктов его переработки на мировой капиталистический рынок.

Практически для всех участников ОПЕК сырьевое хозяйство ныне — это прежде всего финансово-экономический стержень и катализатор развития, который определяет накопление общественного капитала в стоимостной форме. Действующие закономерности международного капиталистического разделения труда в сфере материального производства стимулируют и одновременно консервируют общую специализацию этих стран на ряде энергориесурсоемких отраслей. Вероятно, им предстоит продолжительный период, в течение которого будет превалировать вывоз углеводородного сырья при растущей доле продуктов его переработки и нефтехимической продукции. Вместе с отдельными видами продукции других отраслей обрабатывающей промышленности эти товары останутся важнейшими источниками внешнеторговых поступлений. Они же формируют посредством обмена значительную часть фонда потребления и наибольшую долю национальных сбережений — их центральный валютный компонент.

Среди членов ОПЕК, пожалуй, пока лишь в Кувейте другие текущие доходы в платежном балансе — прибыли от зарубежных инвестиций — могли бы в известной степени сыграть роль альтернативного источника валюты, тем более в начале 80-х годов, когда они резко возросли ввиду беспрецедентного вздорожания ссудного капитала на Западе и глубокого спада нефтяного экспорта по объему и стоимости. Не исключено, что в дальнейшем в таком же положении могут оказаться и некоторые другие малые арабские монархии. И все же горнодобывающая промышленность, а также создаваемые нижние эшелоны обрабатывающей промышленности останутся основными двигателями расширенного воспроизводства, и именно на этих отраслях будет базироваться сложный процесс диверсификации источников накопления.

Для группы освободившихся государств — мировых продуцентов углеводородного сырья не утратят свою высокую актуальность проблемы, связанные с внешнеэкономическими условиями производства указанных ключевых товаров и торговли ими. Для национальных хозяйственных систем, которые базируются на использо-

вании природно-ресурсного потенциала, эти условия будут и далее в немалой степени определяться перспективами реализации различных рентных доходов. Причем к собственно нефтяной ренте от разработки геологических ресурсов, вероятно, начнут присоединяться и другие разновидности рентных доходов, возникающих благодаря более широкой эксплуатации территориального и экологического потенциала индустриальными и инфраструктурными подразделениями экономики. Для нефтеэкспортеров, так же как и для развивающихся стран в целом, в обладании монополий на дефицитные естественные факторы воспроизводственного процесса и особенно в возможностях экономической реализации этой монополии заключено одно из весьма редких преимуществ — получение крупных валютно-финансовых ресурсов, которым освободившимся государствам иногда удается воспользоваться, вращаясь в стихии мирового капиталистического хозяйства. Именно на природные факторы чаще всего опирается более высокая национальная производительность капиталных и трудовых затрат.

Опыт длительной борьбы стран — членов ОПЕК за суверенитет над своими нефтяными богатствами показал, что при сохранении концессионной системы ресурсопользования практически невозможно ликвидировать прямую эксплуатацию их недр транснациональными монополиями даже посредством частичного перераспределения доходов от разработки этих ресурсов. Только эффективный государственный контроль над всем циклом операций минерально-сырьевого комплекса, и прежде всего над производственной деятельностью его предприятий, который ознаменовал окончательное крушение системы традиционных концессий и в первой половине 70-х годов, позволил нефтеэкспортерам полностью реализовать основные виды дифференциальной нефтяной ренты, а также принять участие в рентообразовании и тем самым устранить их непосредственную эксплуатацию нефтяными ТНК, хотя и сохранились некоторые другие основы экономического неоколониализма в отношении этих стран.

Как один из прямых результатов их активной регулирующей функции в нефтедобыче и отчасти на рынке жидкого топлива начала формироваться государственная монопольная рента, достигающая особо заметных размеров при обострениях дефицита этого товара, которые, по-видимому, приобрели периодический характер на современном продолжительном этапе глубокой структурной перестройки энергопроизводства и потребления.

Лишь к началу 70-х годов энергосырьевая политика участников ОПЕК стала более самостоятельной и вошла неотъемлемой составной частью в их общенациональные стратегии развития. Раньше всего и полнее ее новые качества проявились в группе государств с радикально-антиимпериалистическими режимами, к наиболее типичным представителям которой относятся Алжир и Ливия. Эти важные перемены имели несколько последствий. Среди них следует особо выделить три момента.

Во-первых, изменились приоритеты в стратегиях социально-экономического развития. До начала 70-х годов отраслевые параметры анклавного экспортного сектора по вывозу углеводородного сырья почти безраздельно диктовались иностранными концессионными компаниями, выступая как регулирующие по отношению к национальным секторам экономики. Государства-концеденты были вынуждены в своих финансовых и других программах руководствоваться результатами деятельности концессионеров, определявшими большинство макроэкономических показателей.

Вместе с ликвидацией традиционных концессий нефтегазовая промышленность, сохранив за собой важную роль, тем не менее утратила присущую ей ранее исключительность. Ее функционирование и развитие начали определяться главным образом общей стратегией хозяйственного и социального строительства, хотя, разумеется, она продолжает оказывать значительное обратное воздействие на условия реализации этой стратегии преимущественно под давлением извне стихийных рыночных сил и других внешних факторов, не поддающихся индивидуальному, а иногда и коллективному контролю государств-нефтеэкспортеров. К одним из наиболее последовательных сторонников данного принципа интеграции энергосырьевой политики в систему национального программирования также относятся оба государства, рассматриваемые в настоящей монографии.

Во-вторых, достигнутая самостоятельность нефтяной политики и определяющее влияние на нее стратегии развития повысили роль социально-экономических и политических особенностей государств — продуцентов углеводородного сырья. Ранее такая специфика обнаруживалась главным образом внутри национальных границ: в отношениях с концессионерами, в деятельности государственных компаний там, где они были созданы. На мировом же капиталистическом рынке сказывались прежде всего результаты частномонополистической практики крупнейших нефтяных корпораций и государственно-монополистических мероприятий основных импортеров этого сырья. Поэтому, например, различия в данной области между монархической Ливией и аравийскими нефтяными монархиями в 60-е годы отражали в первую очередь различия фирменной тактики членов МНК и некартелированных западных монополий, тогда как практика стран-концедентов лишь создавала в этих регионах условия, служила своего рода фоном для взаимного соперничества картеля с аутсайдерами. В современных условиях прерогативой национальных государств стала в равной мере внутренняя и внешняя энергосырьевая политика.

В-третьих, параметры нефтегазовой промышленности стран ОПЕК преимущественно из пассивных объектов внешнего воздействия превратились в активный долгосрочный фактор на международном топливно-сырьевом рынке. Действенное вмешательство освободившихся государств в области производства, обмена (экспортная политика) и использования (прежде всего в переработку) энергохимического сырья сначала в национальных границах,

а затем и за их пределами повысило роль стратегий социально-экономического развития, которые, в свою очередь, формируются под определяющим воздействием социально-политической ориентации нефтеэкспортеров. Особо важное значение приобрел курс многих из них на сдерживание разработки невозобновимых минеральных ресурсов. Ограниченное предложение углеводородного сырья служит одной из основных предпосылок для формирования государственной монопольной ренты с месторождений углеводородов. В целом события 70-х годов превратили капиталистический нефтяной рынок в многофакторный, усложнили анализ и прогнозирование протекающих там процессов. Помимо структурных сдвигов он стал еще более подвержен циклическим процессам в мировом хозяйстве капитализма, а также воздействию политики энергосбережения и диверсификации энергопотребления.

По всей видимости, механизм международных рентных отношений, выступающий ныне основным объективным регулятором взаимосвязей между экспортерами и импортерами топливно-сырьевой продукции, органически не способен их стабилизировать, особенно примирить противоречивые стремления промышленно развитых капиталистических стран всемерно удешевить ввозимые из развивающегося мира энергоресурсы и одновременно форсировать производство альтернативных энергоносителей, а также экономию топлива.

Тенденция к удешевлению энергетического сырья в 1981—1984 гг. оказала серьезное депрессивное воздействие на капиталистическую энергетику. Наличие крупных незагруженных производственных мощностей в нефте- и газодобыче сильно затрудняет выход этого комплекса из угнетенного состояния. Сохранение больших страховых запасов топлива у потребителей, асинхронность выхода из экономического кризиса различных государств развитого капитализма делают перспективы нефтяного рынка на ближайшие годы неясными. Во всяком случае, для нового оживления деловой активности здесь потребуются гораздо более мощные стимулы, чем просто стабилизация или незначительный рост цен.

Но в контексте нашего исследования важнее отметить другие последствия снижения мировых цен на жидкое топливо. Прежде всего, нефтеэкспортирующие государства были вынуждены корректировать свои программы развития применительно к пониженному уровню внешнеторговых поступлений. Даже при значительном улучшении конъюнктуры нефтеэкспортеры вряд ли будут столь интенсивно и не всегда обоснованно, как с середины 70-х до начала 80-х годов, увеличивать свои расходы, справедливо опасаясь новых потрясений на капиталистическом рынке. Вполне возможно, что, восстановив достаточный уровень валютных резервов, многие участники ОПЕК будут стремиться к большему соответствию денежных накоплений реальным. Опыт самостоятельного распоряжения этих стран нефтегазовыми ресурсами убедительно продемонстрировал ограниченные возможности акку-

мулирования и рациональной реализации ими сбережений в рамках мирового капиталистического хозяйства и в условиях переходного периода от самого широкого использования углеводородного сырья к его экономии и диверсификации топливно-энергетического баланса. Перечисленные обстоятельства должны послужить стимулом к созданию национальных воспроизводственных комплексов, все менее зависящих от нефти и газа, опирающихся на современные производительные силы, основанных на активной борьбе за экономическую самостоятельность и социальный прогресс.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ «Кроме тех вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности, — писал К. Маркс, — в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться. Прямо они не входят в него, но без них он или совсем невозможен, или может происходить лишь в несовершенном виде» [3, с. 191].

² За 1960—1980 гг. удельный вес энергетического сырья в общей стоимости продукции горнодобывающей промышленности не социалистического мира понизился с 52,1 до 75,6%, в том числе нефти — с 14,1 до 54,4%, а доля всех прочих полезных ископаемых понизилась с 47,9 до 24,4% (рассчитано по данным в долларах покупательной способности 1982 г. [366а, 1983, № 185, с. 48]). По другим данным, удельный вес нефти вместе с природным газом к началу 80-х годов достиг еще более высокого уровня — 80% продукции горнодобычи [331, с. 763].

³ Организация стран — экспортеров нефти, основанная в 1960 г., объединяет 13 развивающихся государств (в скобках указаны годы их вступления в ОПЕК на правах полного членства): Ирак, Иран, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла (1960), Катар (1961), Индонезия и Ливия (1962), Абу-Даби (1967), Алжир (1969), Нигерия (1971), Эквадор (1973), Габон (1974) [24, с. 15].

Часть I

Глава I

¹ Образованный в 1928 г., МНК включал пять ведущих частных нефтяных корпораций США — «Эксон», «Тексако», «Сокал», «Галф Ойл» и «Мобил Ойл», англо-голландскую компанию (с участием американского и французского капитала) «Ройал Датч-Шелл», английскую смешанную государственно-частную «Бритиш Петролеум» и близко к ним примыкавшую до начала 70-х годов французскую «Компани франсез де петроль». Эти фирмы являлись совладельцами основных нефтяных концессий в зависимых, а позже и в освободившихся странах, благодаря чему практически монополизировали мировой капиталистический рынок жидкого топлива за пределами США. На завершающем этапе своего почти безраздельного господства в этой области так называемые «семь сестер» (участники МНК, за исключением КФП) сосредоточивали в своих руках, по состоянию на 1968 г., свыше 82% нефтедобычи, 65% производства и 62% сбыта нефтепродуктов [264, с. 47].

² Попытка отождествления арендных платежей развивающимся странам с частью абсолютной ренты до начала 60-х годов включительно встречается, например, в работе А. И. Божедомова [43, с. 129].

Глава II

¹ См., например, [103, с. 219]. По определению Д. И. Костюхина, «свободный» рынок, как часть мирового, охватывает торговлю по краткосрочным контрактам, а также реальные сделки на товарных биржах. Его доля, напри-

мер, в мировой торговле медью снизилась с 40% в довоенный период до 25% в 50-е годы и 10—15% к середине 70-х годов.

² «Если мы рассмотрим случаи, когда в стране капиталистического производства капитал может вкладываться в землю без платежа ренты, то мы найдем, что все они предполагают, если не юридическое, то фактическое уничтожение земельной собственности, уничтожение, которое, однако, может произойти лишь при совершенно определенных и случайных по своему характеру обстоятельствах» [4, ч. 2, с. 309]. К подобным возможностям автор «Капитала» относит сочетание в одном лице предпринимателя и земельного собственника, а также исследует некоторые другие варианты [4, ч. 2, с. 309—312, 315, 316].

³ Подчеркивая значение неоднородности естественных факторов производства как единственной основы данного вида ренты, автор «Капитала» на конкретных примерах демонстрирует, что она «может иметь место при переходе ко все лучшей и лучшей земле; дифференциальная рента может иметь место, если низшую ступень занимает лучшая земля вместо прежней худшей; она может быть связана с растущим прогрессом земледелия. Ее условием является исключительно неравенство категорий земли» [4, ч. 2, с. 211]. В дальнейшем, анализируя разновидность этой ренты — дифференциальную ренту II, — К. Маркс вновь приходит к выводу, что воздействие на нее такого рентообразующего фактора, как убывающая или повышающаяся производительность дополнительных затрат капитала, определяется его влиянием на сравнительное качество природных ресурсов: «В той мере, в какой это различное влияние будет инвентаризовано или увеличивать различие, дифференциальная рента с лучших земель, а вместе с тем и общая сумма ренты понизится или повысится...» [4, ч. 2, с. 259].

⁴ Проведено немало количественных оценок этой тенденции, одна из которых принадлежит американскому специалисту Дж. Т. Абеду. Средний уровень «перепроизводства» нефти шестью арабскими участниками ОПЕК (четырьмя аравийскими монархиями, Ираком и Ливией) он определил в 300 млн. т в год на протяжении семилетнего периода (1974—1980) (имеется в виду количество жидкого топлива, стоимость которого превысила текущие финансовые потребности этих государств) [197, с. 59]. Если бы добытые за это время 2,1 млрд. т нефти были законсервированы до начала 80-х годов, то перечисленные страны с учетом фактического повышения цен смогли бы реализовать такие топливные ресурсы не менее чем на 150 млрд. долл. дороже (рассчитано по [197, с. 59, 69]). Однако Дж. Т. Абед полагает, что действительные потери шести арабских нефтеэкспортеров гораздо существеннее, так как его расчеты не отражают неизбежного ускорения роста нефтяных цен в результате сокращенного предложения углеводородного сырья.

⁵ Например, нефть перешла в категорию невозобновимых природных ресурсов лишь во второй половине XIX в., когда использование этого минерального топлива начало все стремительнее опережать накопление его запасов в земной коре [70, с. 139].

⁶ Отмеченные различия естественных средств производства стали приобретать практическое значение и оказывать возрастающее влияние на ценовые пропорции в сравнительно недавнем прошлом — отчасти в период между двумя мировыми войнами, но преимущественно в послевоенные годы, — когда резко, скачкообразно активизировалось использование многих минерально-сырьевых ресурсов и особенно сильно повысились темпы роста потребления энергетического сырья, причем почти исключительно за счет наиболее доступных запасов дефицитного минерального топлива. Ранее, в процессах становления и развития материально-технической базы домонополистического, а затем и монополистического капитализма, а также вплоть до достижения империализмом достаточно зрелой стадии и начала формирования государственно-монополистического капитализма преобладающее значение имела эксплуатация аграрного потенциала мирового капиталистического хозяйства и соответственно возобновимых природных ресурсов. Особенно отчетливо данные приоритеты в развитии комплекса сырьевых отраслей наблюдались в ходе промышленной революции. За первую половину XIX в. промышленное потребление хлопка в Англии увеличилось в 14 раз при росте добычи угля, становившегося основным энергоносителем и

сырьем для черной металлургии, лишь в 5 раз. Впоследствии акценты стали постепенно смещаться в пользу горнодобывающей промышленности и закономерно начало возрастать значение истощаемых источников минерального сырья по сравнению с возобновимыми — сельскохозяйственного. Правда, вклад аграрного сектора в производство совокупного валового внутреннего продукта мирового капиталистического хозяйства к середине 70-х годов все еще более чем в 3,7 раза превосходил долю горнодобычи. Однако тенденция опережающего роста промышленной группы отраслей сырьевого комплекса прослеживается достаточно четко. Согласно расчетам В. В. Рымалова, индекс физического объема продукции добывающей промышленности в 1976 г. достиг 365% относительно базисного 1938 г., тогда как динамика всей аграрно-сырьевой продукции за тот же период измеряется только 225% [144, с. 44, 100, 129, 130, 312]. Среди своих заключений этот исследователь формулирует и «вывод о неизбежности дальнейшего повышения роли минерального сырья в аграрно-сырьевой продукции несоциалистического мира» [144, с. 315].

Таким образом, специфика рентообразования при использовании истощаемых природных ресурсов по сравнению с возобновимыми еще только начинает проявляться. Причем отчетливость этих специфических признаков зависит не только от экономического значения двух групп естественных факторов производства, но и главным образом от их качественной определенности. Пока вовлечение невозобновимых природных средств производства в хозяйственный оборот не вышло из начальной стадии, их истощаемость не была еще установлена достоверно или, во всяком случае, представлялась слишком отдаленной практически. И до сих пор это качество сказывается заметно лишь на меньшей части продукции добывающей промышленности.

Вполне закономерно поэтому, что в исследованиях классиков марксизма, посвященных капиталистическим производственным отношениям в рентообразующих отраслях, сосредоточено внимание на разработке общих положений теории ренты, на методологических основах решения данной политико-экономической проблемы. Именно в таком контексте общих экономических законов, вероятнее всего, автором «Капитала» сделаны неоднократные указания на то, что «рента с рудников определяется совершенно так же, как земельная рента» [4, ч. 2, с. 336] или что «вместо земледелия можно было бы взять рудники, потому что законы — те же самые» [4, ч. 2, с. 164]. В современных же условиях возникает все более настоятельная необходимость различать и анализировать специфику этих закономерностей в конкретных отраслях сырьевого хозяйства, рассматривать частные случаи их проявления при возрастающем разнообразии ситуаций.

7 Следует учесть, что категория доказанных запасов подразумевает исключительно ту часть содержащейся в месторождениях нефти, которая может быть извлечена уже апробированными на них методами разработки. В арабских странах пока нередко преобладают первичные способы нефтедобычи за счет естественного снижения внутрипластового давления. Применение различных искусственных методов повышения нефтеотдачи позволяет пересмотреть оценки запасов в сторону их существенного увеличения. Повсеместное внедрение одних только технологий вторичного отбора нефти, уже длительно и широко применяемых в мировой практике (не говоря о третичных методах, пока в значительной мере экспериментальных), позволило бы, как полагают, повысить оценочную величину нефтяных запасов на Ближнем Востоке не менее чем наполовину [258, с. 668].

8 США давно практикуют консервацию ряда наиболее продуктивных нефтепромыслов по военно-стратегическим соображениям. Прямые ограничения на разработку высокоширотных месторождений на шельфе Северного моря существуют в Норвегии. В соответствии с курсом на лучшую утилизацию попутного нефтяного газа даже столь ревностный сторонник экономического либерализма, как консервативное правительство Великобритании, распорядился снизить производство консорциума «Эссо-Шелл» на нефтепромысле Брент на 44%. В случае прихода к власти лейбористской партии в этой стране ожидается неизбежная активизация подобной рестрикционной практики [258, с. 668, 670].

Причем государственные ограничения начинают распространяться на эксплуатацию не только традиционных, но и некоторых альтернативных источников

углеводородного сырья в зоне развитого капитализма. Так, политика «канадизации» национальной энергетической промышленности и ограничение деятельности иностранного капитала, введенное федеральным правительством Канады, привели к отказу в 1982 г. корпораций США от участия в согласованных ранее проектах освоения нефтеносных песков Атабаски в канадской провинции Альберта. Канадские фирмы пока не располагают достаточной финансовой и технологической базой для самостоятельной их разработки [354, 25.08.1982].

9 Например, суммарная годовая мощность двух канадских предприятий по переработке битуминозных песков в 1982 г. не достигла и 7,8 млн. т, причем к тому времени они были единственными производителями альтернативных жидких углеводородов в капиталистическом мире на рыночных условиях [381, 1982, т. XIII, № 2, с. 10].

Даже в крупнейшем регионе капиталистического мира по добыче «дорогой» нефти — на шельфе Северного моря — среднегодовой уровень ее производства не превышал 128 млн. т за первую половину 1982 г. (рассчитано по [380, 1982, т. 80, № 52, с. 94, 118, 126]).

10 Авторы коллективной монографии «Энергетический кризис в капиталистическом мире» справедливо подчеркнули, что уже в ходе первого его обострения роль государств-нефтеэкспортеров не ограничилась перераспределением наличных, преимущественно дифференциальных, рентных доходов, а повысилась до прямого участия в формировании нового компонента нефтяной ренты, свидетельствуя об экономической реализации их успехов в области восстановления национального суверенитета над топливно-энергетическими ресурсами [186, с. 23—24]. На то же явление указывает академик Е. М. Примаков, отмечая, что «определенное влияние на процесс ценообразования на мировом капиталистическом рынке нефти оказала реализация развивающимися странами — собственниками нефтяных ресурсов их суверенных прав в форме регулирования нефтедобычи» [134, с. 141].

Характерно, что такой факт не отрицается и В. В. Бирюлиным, который ссылается на высказывание американского деятеля о весьма вероятной отсрочке или даже о прекращении разработки части нефтяных запасов на шельфе США, на Аляске и в Северном море в случае утраты ОПЕК ее способности поддерживать цены [40, с. 43]. Однако в своем исследовании этот автор все же воздержался от вывода о рентообразующей роли сырьевой политики участников организации.

11 Некоторые другие подходы к решению данного вопроса страдают в известной мере односторонностью или формализмом. Например, И. Л. Пиотровская [126, с. 25—26], чтобы обосновать сохранение абсолютной ренты, считает достаточным указать на ее превращение в государственную. Но, по существу, верно констатированная ею смена получателей ренты и основных «субъектов» рентообразования мало что может объяснить, если признается практическое истощение старого стоимостного источника без определения нового. Этот исследователь отмечает и наличие монопольной ренты, но связывает его лишь со спекулятивной деятельностью транснациональных корпораций, вызывающей искусственное превышение спроса над предложением на нефтяном рынке и соответствующий рост цен.

Нельзя согласиться по этому поводу и с мнением Ю. В. Шишкова [180, с. 142—143], который выделяет среди типов недифференциальной нефтяной ренты абсолютную на прежней стоимостной базе и монопольную — основную в этом сочетании. Последняя образуется, как полагает Ю. В. Шишков, ввиду значительного отрыва рыночной цены редкого сырья вверх от его цены производства и стоимости за счет превышения спроса над предложением и объясняется невозможностью снижения цены иначе, чем сократив платежеспособный спрос. Предложение же нельзя увеличить, поскольку производство «данного редкого товара физически невозможно» расширить. Однако точка зрения на монопольную цену жидкого топлива, возникшую без какого-либо участия его производителей, не соответствует реальной ситуации, как было продемонстрировано.

В монографии А. И. Бельчука совершенно верно говорится о том, что под непосредственным воздействием государств-производителей формируются рентные доходы, чья стоимостная основа выходит за пределы одной сырьевой отрасли и за границы отдельной страны [38, с. 258—259]. Но чем же тогда оправдано со-

хранение термина «абсолютная», если, по сути, под ним подразумевается по всем главным признакам монополия рента определенного типа?

Аналогичный вопрос может быть обращен и к другому исследователю Р. О. Инджикяну, утверждающему, что абсолютная нефтяная рента сохраняется на базе монополии высоких цен [89, с. 31].

¹² Скорее всего именно это послужило основной причиной для волны отказов крупнейших нефтяных монополий от участия в нескольких широко разрекламированных проектах освоения альтернативных энергоносителей. Поскольку эти корпорации, как правило, являлись ведущими партнерами в консорциумах, сформированных для их осуществления, ставится под серьезное сомнение жизнеспособность проектов. Так, в мае 1982 г. «Экссон» отказалась от своей 60% доли в консорциуме «Колони Шэйл Ойл», созданном для разработки одного из крупнейших месторождений битуминозных сланцев США в штате Колорадо. В Канаде в аналогичной ситуации оказались проекты извлечения жидкого топлива из нефтеносных песков: консорциум «Алсэндз», из состава которого вышли все частные фирмы, возглавлявшиеся канадскими филиалами монополий «Ройал Датч-Шелл» и «Галф Ойл», а также проект «Коулд Лэйк», работы над которым приостановлены в 1981 г. Среди других отрицательных моментов, сдерживающих приток инвестиций в подобные предприятия, зарубежные специалисты отмечают также повышение темпов инфляции, удорожание банковских кредитов и резкое сокращение государственных ассигнований на энергетику в США при администрации Р. Рейгана [313, с. 241—242; 363а, 1983, т. 289, № 7311, с. 84].

¹³ Сглаживание различий прослежено советскими исследователями как в нефтеемкости производства промышленной продукции, так и ВВП в целом [156, с. 53—59].

¹⁴ Вычисления опираются на следующие исходные посылки: 1) начальные удельные инвестиции в нефтедобывающую мощность 1 барр. в сутки — более 9,73 тыс. долл. (В случае применения методов интенсификации добычи они резко возрастают, приближаясь к 19,5 тыс. долл.) [117, с. 8]; 2) издержки добычи нефти (амортизация основного капитала и текущие затраты) — 11,6—12,7 долл. на барр. [389, 1982, т. 195, № 3, с. 159] и 3) расчетные данные о средней норме валовой предпринимательской прибыли на собственный инвестированный капитал в США и ФРГ [63, с. 191—192; 125, с. 94, 97; 335, с. 12—24].

¹⁵ Специфику рентообразования, связанную с этими разнотипными источниками жидких углеводородов и с их особенностями, предлагалось даже обозначить специально введенным новым термином «межпродуктовой» ренты (см. 89, с. 31—32). Однако, на наш взгляд, для подобных терминологических новшеств нет достаточно веских оснований. Пока стоимостная база для массовой эксплуатации альтернативных источников углеводородного сырья не обеспечена достаточно обширным платежеспособным спросом и пока использование небольшой части его ресурсов зависит от консервации, по тем или иным причинам, более крупных запасов дешевой традиционной нефти, «межпродуктовая» рента по признанию самого автора термина, в сущности, мало чем отличается от монопольной. Когда же эта база упрочится настолько, что преодолет указываемую зависимость, разность индивидуальных цен производства жидкого топлива и по форме, и по содержанию придет в соответствие с понятием дифференциальной ренты.

Часть II

Глава III

¹ Например, американский исследователь М. Танзер, давая довольно ледо-радикальную оценку некоторым проблемам стран — экспортеров нефти того периода, подчеркивает, что «разногласия между членами ОПЕК и особенно консервативная природа режимов в большинстве стран-участниц» навязывали «умеренный подход» [336, с. 68].

² В свете приведенных фактов нельзя согласиться с предположением совет-

ского исследователя Н. И. Кирея о том, что поставлять нефть во Францию «было относительно выгодно Алжиру» ввиду более высокой экспортной цены — 2,3 долл./барр. в сравнении с 1,8 долл./барр., — той, по которой приобреталось ливийское жидкое топливо [98, с. 110]. Условно-расчетный характер обеих цен для стран-концедентов лишает это сравнение приданного ему экономического смысла.

Даже французский специалист Ж.-М. Шевалье, который активно сотрудничал в экономическом управлении крупнейшего во Франции государственно-монополистического нефтяного объединения «ЭЛФ — ЭРАП», признал, что Эмианские соглашения «свели к нулю налоговый суверенитет стороны, выдавшей концессию», и что иностранный нефтяной капитал на начальном этапе независимости Алжира пользовался «здесь гораздо большими преимуществами по сравнению с концессионными режимами, действовавшими в тот же период в других странах — производителях нефти» [175, с. 108, 109].

³ Чисто пассивное финансовое участие национальных государственных компаний в обеих арабских монархиях предусматривало фактически единственное преимущество — несколько более высокие доходы по сравнению с традиционными концессиями. К «ройалти» и налогам на прибыль иностранного инвестора или только к налогам добавлялась прибыль от реализации доли добытой нефти, принадлежащей государству как акционеру предприятия. Подробнее об этой неконцессионной форме привлечения иностранного капитала в нефтяное хозяйство см., например, [24, с. 63—70].

Смешанным предприятиям обычно сдавались в аренду незначительные по площади территории, свободные от основных концессий, и, что самое главное, гораздо менее перспективные. Так, созданная в 1967 г. КНПК и испанской фирмой «Хиспаноил» совместная компания к концу 70-х годов прекратила геологоразведочные и поисковые буровые работы на арендованных участках, не обнаружив коммерческих нефтяных запасов.

⁴ После национализации «Шелл, Алжирна» в 1970 г. алжирская доля в акционерном капитале СПА достигла 68%, а в результате национализации французских нефтяных компаний в 1971 г. нефтеперерабатывающие мощности полностью перешли в собственность государства [208, с. 31—33, 35].

⁵ Другие национальные компании государств — членов ОПЕК, как уже отмечено, располагали более ограниченными экспортными ресурсами жидкого топлива, которые сводились главным образом к возможности получать нефть от иностранных концессионеров в счет «ройалти» и в гораздо меньшей степени — благодаря доле участия в смешанных нефтедобывающих предприятиях. Однако даже эти узкие возможности почти не использовались. Сбыт нефти в счет паяного участия поручался обычно полностью иностранным партнерам, а платежи «ройалти» принимались валютой. Поскольку объем последних исчислялся на основе справочных, а не фактических рыночных цен, такая практика с чисто финансовой точки зрения больше устраивала правительства нефтеэкспортирующих государств в 60-е годы (подробнее об этом см. [24, с. 89—92]).

Глава IV

¹ Подобной точки зрения придерживаются, в частности, А. И. Бельчук [38, с. 281]; Ж.-М. Шевалье [175, с. 58—59, 86]; Ф. Чаголи и Э. Муракези [246, с. 352, 360—362].

² В договоре фиксировался объем работ по интенсификации нефтедобычи, разведки или других мероприятий, компенсирующих истощение доказанных нефтяных запасов. Кроме того, оставалось в силе ранее возложенное на иностранные фирмы обязательство относительно погашения их задолженности, аккумулированной с 1965 г. [340, с. 243—244].

³ К данному периоду относится накопление основной части национализированных впоследствии активов (см. [330, с. 422—423]).

⁴ В ее составе оказались четыре самостоятельных концессионера: 1) «Эссо Стандарт оф Либиа, Инк.» («Экссон»). (Здесь и далее в скобках указаны «материнские» фирмы, названия которых отличаются от названий филиалов, оперировавших в Ливии.); 2) «Эссо Сирт К°, Инк.» в составе «Эссо Сирт К°, Инк.» («Экссон»), «Либия-америкэн Ойл К°» («Лиамко») («Атлэнтик Рич-

филд К°») и «Грейс Петролеум Корп.» (две последние компании — американские аутсайдеры, имевшие 25,5 и 24,5% участия соответственно); 3) «Мобил Ойл Либиа, Лтд.» в составе «Мобил Ойл Либиа, Лтд.» («Мобил Ойл К°») и «Гельзенкирхенер Бергверке Бенцин А. Г. оф Либиа» (сокращенно «Гельзенберг») — филиала западногерманской фирмы с 35% акций; 4) «Америкэн Оуверсиз Петролеум К°, Инк.» («Амосиз»), принадлежавшая порошину «Тексако Оуверсиз Петролеум К°» («Тексако») и «Калифорния Эйшизтик Ойл К°» («Сокал»). Кроме них также национализированы активы «Shell Exploration and Productie Maatschappij (Libya) N. V.» («Ройал Датч-Шелл») — одного из акционеров (16,7%) концессионной компании «Оэйсиз Ойл К° оф Либиа, Инк.», отказавшегося подписать вместе с тремя другими ее участниками соглашение о 51%-ном участии [218; 285, с. 5—6].

⁵ Организация арабских стран — экспортеров нефти объединяет Алжир, Бахрейн, Ирак, Катар, Кувейт, Ливию, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Сирию и Тунис. Членство Египта в этой организации приостановлено с 1979 г.

⁶ В 1976 г. уровень производства первой из этих двух компаний-концессионеров, чьим оператором выступал филиал французской государственной фирмы СНПА («Акитэн Либиа») и где участвовали кроме нее другая французская фирма, ЭЛФ, испанская «Хиспаника петролеос СА» и филиал американского аутайдера «Мерфи Либиа Ойл К°», составил всего около 380 тыс. т, неуклонно снижаясь ввиду малой продуктивности месторождения. Вторая компания, принадлежавшая западногерманскому капиталу, в которой оператор — «Винтерсхалль АГ Либиа», а другой участник — «Элверат Ойл К° оф Либиа», добыла лишь 65 тыс. т [385, 1977, т. XV, № 38, с. 6].

⁷ В свете этих фактов выявляется некоторая противоречивость позиции И. Л. Пиотровской по данному кругу проблем. Справедливо подчеркивая различное содержание национализации нефтяной промышленности, проведенной революционно-демократическими и консервативно-монархическими режимами, не следовало сводить его «принципиальное значение», по сути, к разнице «в методах достижения этого результата». Не менее серьезные возражения вызывает тезис о том, что «монополии предпочитают пойти на уступки и согласиться на огосударствление их собственности путем передачи» ее «феодалному или буржуазному государству, но отчаянно сопротивляются против значительно меньших уступок революционному государству» [126, с. 36].

Безусловно, элемент солидарности между транснациональным нефтяным капиталом и эксплуататорскими классами в развивающихся странах присутствовал в тактической линии первого, но данный момент был далеко не столь превалирующим в стратегии нефтяного бизнеса, чтобы тот поступился своими непосредственными выгодами. Реальная ценность компромиссного варианта формально «полной» национализации для этих кругов состояла именно в сочетании более высоких дивидендов у обладателей «гарантированных» источников углеводородного сырья с немалым демонстрационно-пропагандистским эффектом, направленным против широкой оппозиции слева нефтяной политике некоторых режимов. Недооценка непосредственных практических результатов, включая финансовые, от радикальных антиимпериалистических мероприятий неоправданно идеализирует мотивы сопротивления им со стороны монополий.

Глава V

¹ Соглашение заключено вместо предоставленных ранее Ливией этим двум фирмам концессий в ее территориальных водах, а также вместо договора об участии в разработке нефти на суше, по которому СНПА получила 50% акций, ЭЛФ — 25 и ЛНОК — 25% с последующим увеличением до 50%. Эти старые контракты отменялись.

² Кроме соглашений с французскими фирмами, по которым Ливия вносит полностью свою квоту (85%) в оборудование сухопутных нефтепромыслов, она финансирует лишь 30% расходов на освоение морских месторождений [252, с. 200].

³ В консорциум входят «Саарбергверке», «Феба Оель», «Юнион Райнинг Браунколен» и «Винтерсхалль АГ» [223, с. 11—12].

⁴ В отношении Венесуэлы следует оговориться, что прогнозы касаются не

пользования ее традиционных нефтяных ресурсов. Существенные поправки могло бы внести освоение сосредоточенных здесь крупнейших в мире запасов тяжелой нефти. Однако в условиях номинального и тем более реального удешевления жидкого топлива с 1981 г. планы разработки нефтяного пояса Ориноко заморожены на неопределенный срок [381, 1983, т. XIV, № 6, с. 68—70].

Кроме того, подавляющее большинство известных нам прогнозов из области развития энергосырьевого хозяйства государств — членов ОПЕК, а также других развивающихся стран — экспортеров жидкого и газообразного топлива затрагивает перспективы производства и внешней торговли какими-либо отдельными товарами топливной группы. Поэтому на их основе затруднительно составить целостное впечатление о совокупном экспортном потенциале нефтяной и газовой промышленности этих стран. Так, Индонезия и Венесуэла обладают достаточно крупными, а Иран — даже крупнейшими среди капиталистических и развивающихся стран запасами природного газа, но разрабатывает и осуществляет проекты расширения его экспорта лишь Индонезия. К концу 80-х годов она смогла бы более чем втрое увеличить вывоз сжиженного природного газа, доведя его к 1990 г. до 22,4 млрд. куб. м, или около 22,4 млн. т в переводе на нефтяной эквивалент. Однако даже такой рост газового экспорта не будет в состоянии компенсировать сокращение зарубежных поставок нефти почти на 32 млн. т в год за тот же период преимущественно за счет роста ее внутреннего потребления. Поэтому совокупный внешнеторговый потенциал индонезийского нефтегазового хозяйства сократится, вероятно, более чем на 20 млн. т ежегодно в нефтяном эквиваленте и вряд ли сможет существенно превысить половину добычи углеводородного сырья (оценка автора на основе источников Прил., табл. 4, а также [256, с. 25; 301, с. 122—125]).

⁵ Категорические утверждения о координации политики членов ОПЕК в этих областях, о реализации согласованных ими программ на общеорганизационном уровне начиная с 60-х годов, а также об активизации этого процесса с начала прошлого десятилетия содержатся, например, в следующих работах [101, с. 64—66, 80—81; 172, с. 39].

⁶ К концу 70-х годов Саудовская Аравия начала принимать ограничительные меры — устанавливать обязательные процентные соотношения между различными сортами вывозимой из страны нефти, — с тем чтобы постепенно преодолеть существовавшие резкие диспропорции между качественной структурой ее экспорта и структурой разведанных запасов, предотвратить преждевременное истощение резервов наиболее дефицитных легких и низкосернистых видов этого сырья. Однако данные мероприятия оказались столь же непоследовательными, как саудовская практика контингентирования в национальном нефтегазовом хозяйстве в целом. Не успев получить достаточного развития, они были прерваны на указанный период и возобновлены в ноябре 1981 г., когда наряду с общим снижением добычи на 10,5% была восстановлена пропорция 65:35 между производством аравийской легкой и тяжелой нефти [133, с. 132; 146, с. 129; 384, 1981, т. XLVIII, № 12, с. 514].

⁷ Совет сотрудничества государств Арабского залива основан весной 1981 г. Эта организация включает шесть арабских монархических государств региона Персидского залива — Саудовскую Аравию, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Оман и Бахрейн — и провозглашает целью развитие двустороннего сотрудничества между участниками в политической, экономической и военной областях. Деятельность организации во второй половине 1982 г. заметно активизировалась.

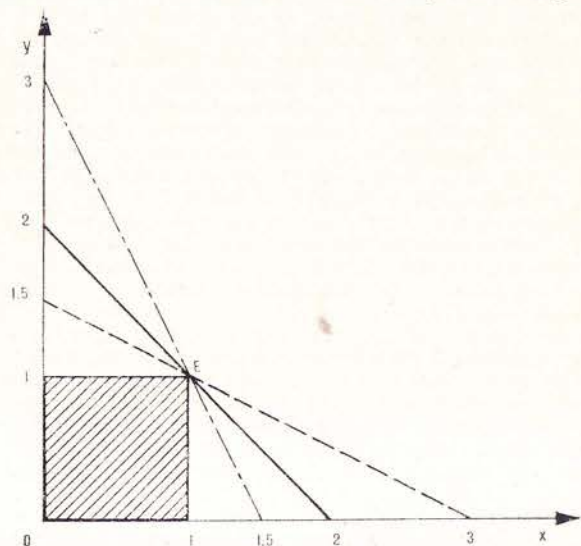
⁸ Рассчитано по [381, 1981, т. XII, № 1, с. 17, 27; 268, с. 75, 89, 295, 391, 459]. Средний показатель ценовой динамики по развивающимся странам — нефтеэкспортерам не охватывает трех участников ОПЕК — Алжир, Габон и Экватор, — но в то же время включает одно государство за пределами организации — Оман. Эта группировка применяется в статистике Международного валютного фонда.

⁹ Несколько дольше — фактически до конца 1974 г. — унифицированная система надбавок и скидок за разницу в качественной характеристике и в географическом положении портов отгрузки сохранялась применительно к справочным ценам на нефть в зоне Персидского залива. Однако и здесь она перестала действовать с начала 1975 г., уступив постепенно место практике индивидуаль-

ного учета этих факторов ценообразования различными нефтеэкспортирующими государствами [260, с. 115, 125].

¹⁰ См. [88, с. 58—59, 68—69]. Важность производственного взаимодействия членов МНК на стадии добычи нефти как основы картелизации отмечается и некоторыми специалистами из развивающихся стран и западными исследователями (см., например, [205, с. 2; 239, с. 7, 11, 33—34; 286, с. 22—24; 321, с. 34]).

¹¹ Ценовая эластичность спроса измеряется здесь соотношением противоположно направленных процентных изменений цен товара и в зависимости от них — платежеспособного спроса. Например, если на 10%-ный рост цен покупатели реагируют 5%-ным снижением спроса, что соответственно уменьшает и физическую массу реализуемой продавцами продукции, то эластичность составит $5/10=0,5$. Когда обе переменные отклоняются от базового уровня в противоположных направлениях на равные величины, показатель соответствует 1. Графически данную функциональную зависимость и ее воздействие на суммарную стоимость продаж можно в упрощенном виде отобразить следующей моделью:

В принятой здесь системе координат:

X — цена; Y — объем спроса или реализации; XY — величины денежной выручки за количество товара Y, реализованного по цене X. Графически это произведение представляется площадью соответствующих прямоугольников, которые вписаны между осями координат и линиями эластичности; E — эластичность спроса, обозначена прямыми, углы наклона которых относительно осей координат определяют величину данного показателя.

Оговорка об упрощенности предложенной схемы касается главным образом последнего пункта, а именно формы линий эластичности. В действительности взаимосвязь спроса с ценой обычно далеко не столь однозначна. Как правило, в разных диапазонах изменения цены она варьируется. Следовательно, эластичность должна была бы принять графическую форму выпуклых или вогнутых кривых, а возможно, и ломаных линий, но скорее всего сочетать все эти элементы в какой-то более сложной конфигурации. Однако чисто условно-иллюстративный характер схемы позволяет абстрагироваться от подобной конкретики, которая, что важно подчеркнуть, не влияет на направление общих выводов. (По этому поводу см. также [300, с. 121, 123, 125]. Здесь автор внес коррективы в предложенную статью методику количественного анализа, которая и тому же, на наш взгляд, обосновывает во многом иные выводы, если последовательно придерживаться по крайней мере формальной логики.)

1. При $E=1$ (линия X_2Y_2) направленность отклонений не влияет на скорость уменьшения произведения XY. Иными словами, стоимость продаж снижается на равную величину как при понижении, так и при повышении цен.

2. Пример ситуации с высокой эластичностью приведен для $E=2$ (линия $X_{1,5}Y_3$). В данном случае даже незначительное превышение «равновесной» цены ведет к ускоренному сокращению спроса и суммы продаж, тогда как понижение цены сопровождается быстрым расширением физической массы реализованной продукции, благодаря которому уменьшение ее стоимости значительно отстает от ценовой динамики.

3. Наконец, в третьем случае низкая эластичность, представленная $E=0,5$ (линия $X_{3,5}Y_{1,5}$), выявляет зеркально противоположную картину. Понижение цены здесь способно вызвать лишь весьма вялое оживление спроса, чей медленный рост не сдерживает быстрый спад доходов продавца. При повышении цен, напротив, этот характер спроса приобретает положительное качество, позволяя быстрым удорожанием товара в значительной степени компенсировать более умеренное сужение рынка сбыта и тем самым замедлять сокращение общей стоимости реализованной массы продуктов.

¹² Данные об энергоемкости приведены в граммах условного топлива (угольного эквивалента) на доллар ВВП [112, с. 90, 92].

Часть III

Глава VI

¹ Рассчитано по [173, с. 21; 376, 1981, т. XXXV, № 6, с. XX, 170; 301, с. 33, 36; 210, с. 447, 448]. Более значительный рост «покупательной способности» нефтяных доходов Алжира объясняется преимущественно тем, что в 1970 г. отчисления компаний-концессионеров этому государству с каждой физической единицы вывезенного жидкого топлива оставались на 34% ниже, чем в Ливии, где несколько раньше начался процесс роста этих доходов (см. главу IV).

² По мнению М. Каддафи, абсолютизирующего в нынешнюю эпоху опыт лишь эксплуататорских общественно-экономических формаций, «решение экономической проблемы в современном мире в целом еще не найдено. Усилия сделать это в сфере отношений собственности не разрешили проблемы производителей... изменения, в результате которых собственность переходила из рук в руки, не решили вопроса о праве работника на производимый непосредственно им продукт» [188, с. 2—3, 6].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Средние доходы арабских государств — членов ОПЕК
в расчете на баррель нефтяного экспорта *,
центы

Страна	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.
Алжир	23	28	28	29	39	51	68	82	81
Ливия	45	60	65	67	79	95***	100***	106***	105***
Ирак	76	76	76	80	80	81	87	109	106
Катар	84	84	84	82	83	87	87	88	92
Кувейт	74	68	69	66	70	71	79	73	77
ОАЭ **	—	33	33	17	32	76	79	84	74
Саудовская Аравия	71	69	95	76	84	85	90	83	81

* [301, с. 33—39].

** Абу-Даби.

*** С учетом компенсации, выплаченной концессионерами ливийскому правительству «post factum» по соглашениям 1970 г.

Таблица 2

Доля государственного сектора в нефтегазовой промышленности АНДР *,
% к итогу

	1962 г.	1966 г.	1970 г.	1972 г.	1978 г.	1980 г.	1981 г.
Площади под разведкой и разрабатываемые месторождения	5	12	92	...	95	...	...
Добыча нефти и газового конденсата	10	11	35	77	81	82	98,6
Добыча природного и попутного газа	...	18	29	100	100	100	100
Транспортировка нефти и газа по трубопроводам	9	38	51	100	100	100	100
Переработка нефти	10	21	90	100	100	100	100
Сбыт нефтепродуктов на внутреннем и внешнем рынке	0	0	100	100	100	100	100

* [201; 303, с. 29; 208, с. 36; 375, 20.03.1969].

Таблица 3

Средние доходы арабских государств — членов ОПЕК
в расчете на баррель нефтяного экспорта *,
долл.

Год	Алжир	Ливия	Ирак	Катар	Кувейт	ОАЭ	Саудовская Аравия
1970	0,75	1,12	0,96	0,91	0,77	0,84**	0,88
1971	1,28	1,67	1,42	1,26	0,84	1,20**	1,13
1972	1,88	1,97	1,51	1,45	1,21	1,26	1,27
1973	2,71	2,80	2,61	1,92	1,67	1,62	1,56
1974	9,64	11,03	8,45	8,46	7,31	8,97	7,28
1975	10,18	9,77	9,98	10,78	8,93	9,89	9,93
1976	10,73	11,36	10,39	11,35	10,51	9,92	10,49
1977	11,27	12,48	12,17	12,52	12,67	12,43	11,63
1978	12,54	12,41	11,72	10,99	11,98	12,37	11,46
1979	21,43	21,21	17,81	18,58	17,53	18,87	16,53
1980	35,91	36,42	29,79	31,63	31,33	31,27	29,22
1981	38,28	39,10	34,88	37,00	36,84	34,16	31,67
1982	34,62	34,87	32,92	34,57	30,44	33,72	33,05
1983	30,49	30,34	28,18	28,34	27,23	28,94	28,51

* Составлено и рассчитано по [211, с. 30, 35, 431, 434; 301, с. 33—39, 59; 384, 1975, т. XLII, № 3, с. 85; 1976, т. XLIII, № 9, с. 338; 1982, т. XLIX, № 6, с. 225; 367, 1984, т. XXXVII, № 4, с. 70, 78, 244, 282, 288, 372, 452].

** Абу-Даби.

Таблица 4

Определяющие факторы нефтеэкспортного потенциала стран ОПЕК
в конце 70-х годов и прогноз их эволюции *

	1979 г.				1990 г.			
	Добыча, млн. т	Внутреннее потребление		Экспорт**	Добыча, млн. т	Внутреннее потребление		Экспорт**
		млн. т	%			млн. т	%	
Арабские участники ОПЕК, всего	1 046,0	37,1	3,5	1 007,2	96,5	783	119	15
Алжир	56,9	5,6	9,8	51,3	90,2	45	22	49
Ливия	101,0	4,0	3,8	95,3	96,2	60	16	26
Ирак	169,0	10,0	5,9	159,0	94,1	225	27	12
Саудовская Аравия	476,0	12,5	2,6	463,5	97,4	328	42	13
Кувейт	126,5	2,0	1,6	124,5	98,4	50	5	10
ОАЭ	91,6	2,5	2,7	89,1	97,3	50	6	11
Катар	25,0	0,5	2,0	24,5	98,0	25	1	4
Иран	149,0	29,8	20,0	119,2	80,0	135	83	61
Нигерия	114,5	5,0	6,9	109,5	93,1	90	21	23
Индонезия	78,0	16,4	21,0	61,6	79,0	75	46	61
Венесуэла	123,0	14,5	11,8	108,5	88,2	65	40	61
Габон	10,0	1,2	12,3	8,8	87,7	10	3	25
Эквадор	10,5	3,0	28,6	7,5	71,4	10	6	60
Итого ОПЕК	1 531,0	107,0	7,0	1 422,3	92,9	1 168	318	27
								850
								73

* Составлено и рассчитано по [258, с. 668—669; 210, с. 447; 351].

** Включая нефтепродукты.

Таблица 5

Ассигнования по плану развития Ливии на 1973—1975 гг.
и фактические валовые внутренние капиталовложения за плановый период *,
в текущих ценах

Статья ассигнований	Плановые ассигнования		Фактические инвестиции	
	млн. дин.	%	млн. дин.	%
Всего	2 585,9	100,0	2 723,7	100,0
Промышленность **, всего	515,0	19,9	412,9	15,2
В том числе				
нефтегазовая ***	185,7	7,2	143,4	5,3
«нефтяной сектор»	329,3	12,7	269,5	9,9
Капитальное строительство	...	...	92,4	3,4
Сельское хозяйство, ирригация и рыболовство	574,4	22,2	390,7	14,3
Производственная инфраструктура, всего	546,3	21,1	719,6	26,4
В том числе				
электроэнергетика	261,8	10,1	340,9	12,5
транспорт и связь	284,5	11,0	378,7	13,9
Социальная инфраструктура, всего	950,2	36,7	1 108,1	40,7
В том числе				
коммунальное хозяйство и услуги	274,7	10,6	219,4	8,0
жилищное строительство	366,8	14,2	646,9	23,8
образование и подготовка кадров	243,7	9,4	174,5	6,4
здравоохранение	65,0	2,5	67,3	2,5
Плановые резервы	9,3	0,4	—	—

* Составлено и рассчитано по [193, с. 103; 190, с. 294; 194, с. 7].

** Общая группировка отраслей промышленности в планах и ежегодных бюджетах развития Ливии и в ее сводных статистических публикациях не совпадает. В данной таблице выдержана в основном плановая классификация. В других областях экономической деятельности также имеются подобные расхождения, которые по возможности устранены перегруппировкой.

*** Добывающие и обрабатывающие отрасли, включая нефтепереработку и нефтегазохимию.

Таблица 6

Распределение ассигнований
по пересмотренному варианту плана развития Ливии на 1976—1980 гг.
и фактическая их реализация *

Статья ассигнований	Плановые ассигнования		Фактическая реализация		Степень выполнения плана, %
	млн. дин.	%	млн. дин.	%	
Всего	9094	100,0	7600	100,0	83,6
Промышленность, всего	1794	19,7	1070	14,1	59,6
В том числе:					
«нефтяной сектор»	1224	13,5	848	11,2	69,2
нефтегазовая	570	6,3	222	2,9	38,9
Сельское хозяйство и ирригация	1852	20,4	1638	21,8	88,4

Продолжение табл. 6

Статья ассигнований	Плановые ассигнования		Фактическая реализация		Степень выполнения плана, %
	млн. дин.	%	млн. дин.	%	
Производственная инфраструктура, всего	2216	24,4	1793	23,6	80,9
В том числе:					
транспорт и связь	1270	14,0	930	12,2	73,2
энергетика	946	10,4	863	11,4	91,2
Социальная инфраструктура, всего	3232	35,6	3099	40,8	95,9
В том числе:					
жилищное строительство	1101	12,1	...	...	...
коммунальное хозяйство	784	8,6	683	9,0	87,1
образование	565	6,2	351	4,6	62,1
здравоохранение	335	3,7	209	2,8	62,4

* Составлено и рассчитано по [85, с. 2; 211, с. 212].

Таблица 7

Реализация первого пятилетнего плана развития Ливии (1976—1980) *,
млн. дин., в ценах 1975 г.

	Показатели 1980 г.		Степень выполнения плана, %
	плановый	фактический	
ВВП, всего	6692,2	5058,0	76
В том числе:			
«нефтяные отрасли»	3385,2	2822,0	83
сельское хозяйство	174,4	99,0	57
обрабатывающая промышленность	323,4	171,0	53
Валовые вложения в основной капитал **	7869,0	6356,5	81
Потребление, всего	3326,4	3547,0	106,6
В том числе:			
государственное	1537,7	1949,0	127
частное	1788,7	1598,0	89
Экспорт, всего ***	3045,5	2340,0	77
В том числе:			
сырая нефть и газ	2646,7	2156,9	81
прочие товары	398,5	133,1	33
Выработка электроэнергии, млн. кВт·ч	4000	4800	120
Производство промышленной продукции			
метанол, тыс. т	297	330	111
цемент, »	4025	2050	51
кирпич, »	182	153	84
металлические трубы »	40	16,8	42
обувь, млн. пар	1,7	3,0	176
Построенные квартиры и многоквартирные дома, тыс. ****	150	77,8	52
Численность учащихся в системах образования и профессиональной подготовки всех ступеней, тыс.	909,4	1025,2	113

* Составлено и рассчитано по [244, с. 29, 38—39; 311, с. 31—32].

** За 1976—1980 гг.

*** Включая услуги.

**** Суммарный итог жилищного строительства за пятилетие.

Таблица 8

Производственные мощности
в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности
Ливии и их использование (по состоянию на 1980 г. *)

Отрасль	Единица измерения	Мощности действующих предприятий	Производство	Загрузка мощностей, %
Нефтепереработка	млн. т	5,4	4,9	89
Основная органическая химия				
аммиак	тыс. т	330	231	70
метанол	»	330	330	100
Производство стройматериалов				
цемент	»	4100	2050	50
кирпич	»	340	153	45
Машиностроение и металлообработка				
металлические трубы	»	45,0	16,8	37
тракторы (сборка)	тыс. шт.	3,0	0,9	30
Пищевая промышленность и производ- водство кормов				
мукомольная	тыс. т	381,0	285,8	75
хлебопекарная	»	329,0	263,2	80
переработка фруктов и овощей	»	54,6	13,7	25
комбикормовая	»	294,0	250,0	85
Текстильная и кожевенно-обувная промышленность				
хлопчатобумажные ткани	млн. м	21,0	10,5	50
обувь	млн. пар	3,6	3,0	84

* [244, с. 38—39].

Таблица 9

Распределение ассигнований
по плану развития Ливии на 1981—1985 гг. *

Статья ассигнований	Мли. дин.	Про- цент
Всего	17 000	100,0
Промышленность, всего	4 130	24,3
В том числе:		
«нефтяной сектор»	3 930	23,1
В том числе:		
тяжелая	2 730	16,1
легкая	1 200	7,0
нефтегазовая	200	1,2
Сельское хозяйство и иррига- ция	3 100	18,2
Производственная инфраструк- тура, всего	4 100	24,1

Продолжение табл. 9

Статья ассигнований	Мли. дин.	Про- цент
В том числе:		
транспорт и связь	2 100	12,3
энергетика	2 000	11,8
Социальная инфраструктура, всего	5 670	33,4
В том числе:		
жилищное строительство	1 700	10,0
коммунальное хозяйство	1 300	7,6
образование	1 000	5,9
здравоохранение	560	3,3
Плановые резервы	1 500	—
Итого	18 500	—

* Составлено и рассчитано по [85, с. 2; 211, с. 212; 263, с. 52].

«Свободный остаток» текущих валютных поступлений Ливии *,
млн. долл.

Статья текущих операций	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.	1981 г.
Экспорт (фоб)	3528	7803	6418	8748	10406	9900	15981	21919	14731
Импорт (фоб)	2011	3746	4424	4277	5458	6386	8938	10891	14025
Сальдо торгового баланса	1517	4057	1994	4471	4948	3514	7043	11028	706
Прочие текущие операции:									
поступления	216	434	375	349	376	469	565	1446	1788
платежи	1237	1372	1553	1574	1607	1816	3171	3567	4074
Сальдо прочих текущих операций	1021	938	1178	1225	1231	1347	2606	2121	2286
Сальдо частных переводов	273	350	260	257	856	577	371	622	1314
Итого: «свободный остаток» валюты	223	2769	556	2989	2861	1590	4066	8285	2894**
Доходы от экспорта сырой нефти	3485	7125	6035	8298	9748	9296	14912	21919	14700
«Свободный остаток», % к доходам от экспорта сырой нефти	6,4	38,8	9,2	36,1	29,3	17,1	27,3	37,8	19,7

* Составлено и рассчитано по [367, 1979, т. XXXII, № 12, с. 201, 246; 1984, т. XXXVII, № 3, с. 237, 286].

** В 1981 г. баланс текущих операций Ливии был сведен с дефицитом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА *

1. Маркс К. Нищета философии. — Т. 4.
2. Маркс К. Революционная Испания. — Т. 10.
3. Маркс К. Капитал. Т. I. — Т. 23.
4. Маркс К. Капитал. Т. III. — Т. 25. Ч. 1—2.
5. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). — Т. 26.
6. Маркс К. (Капитал). Вторая книга. Процесс обращения капитала. — Т. 49.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Т. 4.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. [Рец. на:] Гизо. «Почему удалась английская революция? Рассуждение об истории английской революции». Париж, 1850. — Т. 7.
9. Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». — Т. 5.
10. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Т. 16.
11. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Т. 27.
12. Ленин В. И. Государство и революция. — Т. 33.
13. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. — Т. 37.
14. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
15. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
16. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
17. Аваков Р. М. Развивающиеся страны: научно-техническая революция и проблема независимости. М., 1976.
18. Актуальные проблемы межафриканских отношений. М., 1983.
19. Алжир (справочник). М., 1977.
20. Андреасян Р. Н. Арабская нефть: слагаемые феномена. — «Азия и Африка сегодня». 1982, № 10, 11.
21. Андреасян Р. Н. «Нефтяное процветание» и капиталистическая трансформация арабских монархий (к постановке вопроса). — «Азия и Африка сегодня». 1979, № 1.
22. Андреасян Р. Н. ОПЕК: развитие, проблемы, перспективы. — «Азия и Африка сегодня». 1978, № 10.
23. Андреасян Р. Н. Энергетический аспект развития и проблема цен на нефть. — «Мировая экономика и международные отношения». 1984, № 1.
24. Андреасян Р. Н., Казюков А. Д. ОПЕК в мире нефти. М., 1978.
25. Андреасян Р. Н., Эльянов А. Я. Ближний Восток. Нефть и независимость. М., 1961.
26. Андреев Р. ОПЕК: корни разногласий. — «Азия и Африка сегодня». 1984, № 1.
27. Антропов П. Я. Топливо-энергетический потенциал Земли. 2-е изд. М., 1976.
28. Арбатов А. А., Шакай А. Ф. Обострение сырьевой проблемы и международные отношения. М., 1981.
29. Аршаруни Н. А. Основные социально-экономические проблемы стран Северной Африки (Алжир, Тунис, Ливия). М., 1976.
30. Африка в 70—80-е годы: становление национальной экономики и стратегия развития. М., 1980.
31. Африка. Экономический справочник. М., 1974.
32. Ашхаб Н. Народ не сломлен, борьба продолжается. — «Проблемы мира и социализма». 1982, № 10.

* Труды К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений, труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

33. Бартель Г. Октябрь и борьба за экономическую независимость в нефтедобывающих государствах Ближнего Востока и Северной Африки.— *Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира*. М., 1979.
34. Бартель Г. ОПЕК в мировом капиталистическом нефтяном хозяйстве.— *Арабские страны. История и современность (социальные, экономические и политические проблемы)*. М., 1981.
35. Бартель Г., Ратман Л. Значение арабской нефти для мирового капиталистического хозяйства и борьба за ее использование.— *Актуальные проблемы стран Арабского Востока и Северной Африки (сборник статей)*. М., 1977.
36. Башмаков И. Особенности расширенного воспроизводства в нефтедобывающих странах.— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1983, № 4.
37. Бельчук А. И. Структурные кризисы современного капитализма.— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1981, № 12.
38. Бельчук А. И. Экономические кризисы современного капитализма: циклические, промежуточные и структурные. М., 1981.
39. Бесчинский А. А. Топливо-энергетическая ситуация в мире.— *Энергетика мира*. М., 1982.
40. Бирюлин В. В. Особенности ценообразования на капиталистическом рынке нефти.— *«Внешняя торговля»*. М., 1977, № 4.
41. Богданов О. С. Валютная система современного капитализма. (Основные тенденции и противоречия). М., 1976.
42. Бодянский В. Л. Современный Кувейт (справочник). М., 1971.
43. Божedomов А. И. Нефтяная рента в странах капитализма. М., 1962.
44. Борисов Л. Б. Особенности социально-экономического развития современной Ливии.— *«Народы Азии и Африки»*. М., 1982, № 3.
45. Борисов Р. В. США: Ближневосточная политика в 70-е годы. М., 1982.
46. Боронов Р. Нефть и политика США на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1977.
47. Брутенц К. Н. Неоколониализм на пороге 80-х годов: «модернизация» стратегии.— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1979, № 6, 7.
48. Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979.
49. Бугров Е. В. США: нефтяные концерны и государство. М., 1978.
50. Былинник С. А. Валютные проблемы и экономический рост развивающихся стран. М., 1976.
51. Бэйсил П. С., Папин А. А. Долгосрочные проблемы покрытия мировой потребности в жидком топливе.— *Достижения и перспективы*. Вып. 3. Энергетика. Топливо. М., 1981.
52. Вартазарова Л. С. Международный обмен энергетическими ресурсами. Основные тенденции. М., 1983.
53. Васильев А. М. Персидский залив в эпицентре бури. М., 1983.
54. Васильев А. М. Саудовская Аравия между архаизмом и современностью.— *«Азия и Африка сегодня»*. 1980, № 8, 9.
55. Васильев А. М. Трудности ОПЕК.— *«Правда»*, 22.02.1983.
56. Васильев А. М. Факелы Персидского залива. М., 1976.
57. Васильев В. Развивающиеся страны в системе международного капиталистического разделения труда.— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1982, № 11.
58. Видясова М. Ф. Экономика стран Магриба. М., 1982.
59. Виравов А. Г. Очерки экономического и социального развития Алжира (Некоторые вопросы теории и практики). М., 1981.
- 59a. Внешнеэкономическая политика США: проблемы и противоречия. М., 1982.
60. Внешнеэкономические связи развивающихся государств с капиталистическими странами. Книга первая (Международные экономические отношения развивающихся стран. В 3-х книгах). М., 1980.
- 60a. Внешняя торговля СССР за 1973 год. Статистический обзор. М., 1974.
61. Волянский В. Ф., Траскунова А. М. Алжир: от национального освобождения к социальному (некоторые особенности независимого развития, 1962—1976 гг.). М., 1976.
62. Восток: рубеж 80-х годов (Освободившиеся страны в современном мире). М., 1983.
63. Выгодский С. Л. Современный капитализм (Опыт теоретического анализа). Изд. 2-е. М., 1975.
64. Гайнуллина И. Л., Лушников А. И. Эволюция зависимости нефтеэкспортирующих стран Ближнего и Среднего Востока — членов ОПЕК от развитых капиталистических государств.— *Арабские страны. История и современность (социальные, экономические и политические проблемы)*. М., 1981.
65. Гельвановский М. Мировые цены в условиях кризиса капитализма начала 80-х годов.— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1984, № 3.
66. Георгиев А. Г., Озолинг В. В. Нефтяные монархии Аравии. Проблемы развития. М., 1983.
67. Георгиев Л. О социально-политическом содержании национализации в освободившихся странах.— *Узловые проблемы развивающихся стран*. Прага, 1980.
68. Герасимов О. Иракская нефть. М., 1969.
69. Глебов С. Проблема обеспечения человечества сырьем и энергией.— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1980, № 10.
70. Глобальные проблемы современности. М., 1981.
71. Глобальные проблемы современности и Африка. М., 1983.
72. Глухов Ю. Ливия — пора обновления и перемен.— *«Международная жизнь»*. 1977, № 1.
73. Голанский М. М. Саморазвивающиеся системы в экономическом анализе и планировании (на примере развивающихся стран). М., 1978.
74. Гончаров Л. В. Африка в борьбе за новый международный экономический порядок.— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1982, № 6.
75. Гончаров Л. В. Экспорт капитала в развивающиеся страны Африки. М., 1975.
76. Государственный капитализм и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М., 1980.
77. Громыко А. А. Основные черты вывоза капитала США в современных условиях.— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1983, № 4.
78. Громыко А. А. Африка: прогресс, трудности, перспективы. М., 1981.
79. Гусаров В. И., Семин Н. С. Арабская нефть. М., 1975.
80. Динкевич А. И. Мировое капиталистическое хозяйство: центры и периферия.— *«Азия и Африка сегодня»*. 1982, № 6.
81. Егоров И. Борьба развивающихся стран за экономическую самостоятельность (Итоги десятилетия).— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1983, № 5.
82. Егоров И. А. Социально-экономическая структура Алжира. М., 1976.
83. Ершов Ю. А. Сырье, топливо, политика. Топливо-сырьевая политика империализма. М., 1975.
84. Ершов Ю. А. «Энергетический кризис» и маневры нефтяной дипломатии.— *«Международная жизнь»*. 1973, № 10.
85. Журавлев А. Ю. Планирование развития экономики Ливии.— *БИКИ*, 13.08.1983.
86. Захаров А. М. Ливия.— *Международный ежегодник. Политика и экономика*. Вып. 1978. М., 1978.
87. Занова Л., Чернявина В. Государственное регулирование энергетики в развитых капиталистических странах.— *«Мировая экономика и международные отношения»*. 1984, № 4.
88. Иванов И. Д. Современные монополии и конкуренция (формы и методы монополистической практики). М., 1980.
89. Инджикян Р. О. ОПЕК в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1983.

90. Иностраный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии и Северной Африки. М., 1977.
91. Инфляция в условиях современного капитализма. М., 1980.
92. Каминский С. А. Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981.
- 92а. Капиталистические и развивающиеся страны. Социально-экономический справочник. М., 1973.
93. Капиталистический рынок промышленного сырья и топлива (краткий справочник). — БИКИ. М., 1980. Прил. № 10.
94. Кеворков С. Г. Валютно-финансовая политика Ливии. — БИКИ, 23.05.1981.
95. Кеворков С. Г., Григорян О. Р. Государственный сектор в экономике Ливии. — БИКИ, 08.06.1982.
96. Кеворков С. Г., Чекай В. И. Валютно-финансовое положение Ливии. — БИКИ, 24.03.1979.
97. Ким Г. Ф. От национального освобождения к социальному. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций. М., 1982.
98. Кирей Н. И. Алжир и Франция. 1962—1971 (Проблемы экономических и политических отношений). М., 1973.
99. Ключников К. Ф. Международные банки развития (Проблемы и перспективы). М., 1974.
100. Козырев А. С. Современное экономическое положение Ливии. — БИКИ, 19.10.1982.
101. Комлев Л. И. В борьбе с нефтяными спутами (Кризис системы империалистической эксплуатации нефтяных ресурсов развивающихся стран). М., 1976.
102. Комлев Л. И. Становление национальной нефтяной промышленности Алжира. — БИКИ, 1971. Прил. № 5.
103. Костюхин Д. И. Современный мировой рынок. М., 1977.
104. Кузьмин А. И. Алжир: верность прогрессивному курсу. — Международный ежегодник. Политика и экономика. Вып. 1980 г. М., 1980.
105. Кукушкин В. Ю. Проблемы использования Ливией доходов от нефти на современном этапе. — Нефедоллары и социально-экономическое развитие стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1979.
- 105а. Кямилев С. Х., Смирнова Г. И., Рошин М. Ю. Роль нефтяного фактора в социально-экономических и политических преобразованиях в Ливии (70-е годы). — Арабские страны: нефть и дифференциация. Сборник статей. М., 1984.
106. Левин Ю. Ассоциации стран — экспортеров сырья. — «Мировая экономика и международные отношения». 1979. № 11.
107. Левин Ю. Мировая торговля сырьем и развивающиеся страны. — «Мировая экономика и международные отношения». 1982, № 2.
108. Левковский А. И. Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. М., 1978.
109. Левковский А. И. Социальная структура развивающихся стран (Проблемы многоукладного, переходного общества). М., 1978.
110. Линицкая Г. С. Обеспеченность ресурсами угля промышленно развитых капиталистических стран. — Изд. т. 9 «Энергетические проблемы». Серия «Экономика и организация производства отраслей тяжелой промышленности (Итоги науки и техники ВИНТИ АН СССР)». М., 1983.
111. Лосев С. А., Тыссовский Ю. К. Ближневосточный кризис: нефть и политика (Новые политико-экономические факторы и их влияние на расстановку сил в регионе). М., 1980.
112. Мангушев К. И. Рынок нефти: конъюнктура и долгосрочные факторы. Энергетические проблемы не социалистического мира. — «Проблемы мира и социализма». 1983, № 4.
113. Мангушев К., Миролубов В. «Нефтяная» политика США. — «Мировая экономика и международные отношения». 1982, № 2.
114. Мануковский А. О некоторых аспектах структурных кризисов в экономике капитализма. — «Мировая экономика и международные отношения». 1984, № 2.
115. Международное географическое разделение труда в капиталистическом мире. М., 1981.
116. Меркулов В. В. Нефтяной промышленности Саудовской Аравии. — БИКИ, 31.07.1982.
117. Меркулов В. В. Обеспеченность нефтяными ресурсами промышленно развитых капиталистических стран. — Изд. т. 9 «Энергетические проблемы». Серия «Экономика и организация производства отраслей тяжелой промышленности (Итоги науки и техники ВИНТИ АН СССР)». М., 1983.
118. Мировой капиталистический рынок и проблемы интернационализации хозяйственной жизни. М., 1983.
119. Мировые цены: долговременные тенденции и новые явления. — «Мировая экономика и международные отношения». 1978, № 6—7.
120. Никитин С. М. Мировые цены: проблемы и перспективы. — «Мировая экономика и международные отношения». 1981, № 1.
121. Новые явления в энергетике капиталистического мира. М., 1979.
122. Осипов А. И. Экономическая экспансия США в арабских странах. М., 1980.
123. Осипов Ю. М. Развивающиеся страны: финансирование экономики и инфляция. М., 1978.
124. Пензин Д. Я. Новые маневры нефтяного империализма. — «Международная жизнь». 1973, № 4.
125. Перло В. Монополистический капитал США: тенденции в изменении норм прибыли. — «Мировая экономика и международные отношения». 1983, № 11.
126. Пиотровская И. Л. Страны Аравийского полуострова: нефть, финансы, развитие. М., 1981.
127. Политическая экономия современного монополистического капитализма. В 2-х томах. Т. 1. М., 1970.
128. Помрой У. «Семь сестер» — нефть и политика. — «Проблемы мира и социализма». 1976, № 10.
129. Пономарев Б. Н. В. И. Ленин и международное коммунистическое движение. — «Коммунист». 1974, № 2.
130. Пономарев Б. Н. Вступительное слово на международной теоретической конференции «Научно-техническая революция и углубление экономических и социально-политических противоречий капитализма на современном этапе». — «Мировая экономика и международные отношения». 1979, № 6.
131. Потемкин Ю. В. Алжир: проблемы развития (Опыт национально-демократической революции). М., 1978.
132. Примаков А. Е. Персидский залив: нефть и монополии. М., 1983.
133. Примаков А. Е. Саудовская Аравия: нефть и политика. — «Мировая экономика и международные отношения». 1980, № 6.
134. Примаков А. Е. Восток после краха колониальной системы. М., 1982.
135. Примаков А. Е. Место освободившихся стран в мировой экономике (Некоторые проблемы). — «Мировая экономика и международные отношения». 1982, № 3.
136. Производительные силы стран Африки. Горнодобывающая промышленность. М., 1982.
137. Производительные силы стран Африки. Энергетика. М., 1982.
138. Прошин Н. И. История Ливии (конец XIX в. — 1969 г.). М., 1975.
139. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983.
140. Рачков Б. В. Нефть и мировая политика. М., 1972.
141. Рейснер Л. И. Развивающиеся страны: очерк теорий экономического роста. М., 1976.
142. Ресурсы нефти и газа и перспективы их освоения. М., 1983.
143. Ригин Ю. Нефть и политика. — «Международная жизнь». 1976, № 10.
144. Рымалов В. В. Структурные изменения в мировом капиталистическом хозяйстве (послевоенные тенденции). М., 1978.

145. Самойлов А. ОПЕК: экономика и политика.— «Азия и Африка сегодня». 1981, № 8.
146. Саудовская Аравия (справочник). М., 1980.
147. Седов В. И. Богатство и бедность. Классовые антагонизмы буржуазного общества. М., 1983.
148. Симония Н. А. Методологические проблемы анализа экономического развития в освободившихся странах.— Экономика развивающихся стран: теории и методы исследования. М., 1979.
149. Смирнов И. К. Алжир: индустриализация и социально-экономический прогресс. М., 1981.
150. Смолин В. В. Борьба Алжирской Народной Демократической Республики за равноправные внешнеэкономические связи (в вопросах освоения и использования нефти и газа Сахары). Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1970.
151. Смыслов Д. В. Кризис современной валютной системы капитализма и буржуазная политическая экономия. М., 1979.
- 151а. Советско-африканские отношения. Справочник. М., 1982.
152. Стоклицкий С. Л. Дифференциация арабских стран и мировой капиталистический рынок.— «Азия и Африка сегодня». 1983, № 2.
153. Стоклицкий С. Л. Роль государства в мобилизации внутренних накоплений в странах Магриба. М., 1975.
154. Стоклицкий С. Л. Экономические проблемы социалистической ориентации: практика арабских стран.— «Азия и Африка сегодня». 1983, № 3.
155. Стырикович М. А., Синяк Ю. В., Чернавский С. Я. Дальние перспективы развития мировой энергетики.— Достижения и перспективы. Вып. 3. Энергетика. Топливо. М., 1981.
156. Сырьевой кризис современного капитализма: (мирохозяйственные аспекты). М., 1980.
157. Товмасын С. А. Ливия на пути независимости и социального прогресса. М., 1980.
158. Топливно-энергетические ресурсы капиталистических и развивающихся стран. М., 1978.
159. Тьюгендхэт К., Гамильтон А. Нефть. Самый большой бизнес. Перев. с англ. М., 1978.
160. Тюльпанов С. И. Очерки политической экономии. Развивающиеся страны. М., 1969.
161. Тягуненко В. Л. Международное разделение труда и развивающиеся страны. М., 1976.
162. Углубление общего кризиса капитализма. М., 1976.
163. Узловые проблемы развивающихся стран. Прага, 1980.
164. Ульяновский Р. А. О национальном освобождении и национализме.— «Азия и Африка сегодня». 1980, № 10.
165. Ульяновский Р. А. Очерки национально-освободительной борьбы. Вопросы теории и практики. М., 1976.
166. Ульяновский Р. А. Современные проблемы Азии и Африки. Политика. Экономика. М., 1978.
167. Ульяновский Р. А. Энергетический кризис и борьба освободившихся стран за экономическое равноправие.— «Народы Азии и Африки». 1976, № 2, 3.
168. Фатис В. Л. Ливия. М., 1982.
169. Хабицов Б. Б. Роль общества СОНАТРАК в развитии национальной нефтегазовой промышленности Алжира.— Экономическая политика и государственный капитализм в странах Востока (Сборник статей). М., 1972.
170. Хахалин А. В. Теория мировых цен и особенности ценообразования на сырьевую продукцию развивающихся стран.— Развивающиеся страны: современные тенденции мировых хозяйственных отношений. М., 1983.
171. Хвойник П. И. Международная капиталистическая торговля (проблемы и перспективы развития). М., 1977.
172. Хштоян А., Максимов М. «Нефтедоллары» и развитие национальной экономики в арабских странах.— «Азия и Африка сегодня». 1976, № 12.
173. Ценообразование на мировом капиталистическом рынке. М., 1982.
174. Шадровский А. В. Глобальные проблемы и развитие международной торговли в 70-е годы.— Глобальные проблемы и международные экономические отношения.— «Сборник трудов ВНИИ системных исследований». М., 1981, № 6.
175. Шевалье Ж.-М. Нефтяной кризис. Перев. с франц. М., 1975.
176. Шестопалов В. Я. Персидский залив: проблема континентального шельфа. М., 1982.
177. Широков Г. К. Проблемы зависимости стран Востока.— «Народы Азии и Африки». 1982, № 3.
178. Широков Г. К. Промышленная революция в странах Востока. М., 1981.
179. Широков Г. К. Социально-экономические изменения в странах Востока.— «Азия и Африка сегодня». 1982, № 2.
180. Шишков Ю. В. Капиталистическая экономика без компаса. М., 1981.
181. Шмелев Н. П. О современном уровне и перспективах мировых цен на нефть.— «Мировая экономика и международные отношения». 1983, № 10.
182. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1980 г. и начало 1981 г. М., 1981.
183. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1982 г. и начало 1983 г. М., 1983.
- 183а. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1983 и начало 1984 г. М., 1984.
184. Экономическое сотрудничество между развивающимися государствами. Книга третья (Международные экономические отношения развивающихся стран. В 3-х книгах). М., 1982.
185. Эльянов А. Я. Развивающиеся страны: проблемы экономического роста и рынок. М., 1976.
186. Энергетический кризис в капиталистическом мире. М., 1975.
187. Яковлев А. И. Саудовская Аравия и Запад. М., 1982.
188. Аль-Каззафи М. Аль-Китаб аль-ахдар. Аль-Фасль ас-сани. Халль аль-мушкиль аль-иктисадий. «Аль-Иштиракийя». [Б. м.], 1977.
189. Маарад Тараблус ад-дувалий 1977. Далиль расмий. Триполи, 1977.
190. Аль-Маджмуа аль-ихсанийя ли-аам 1975. Триполи, 1977. (Statistical Abstract of Libya 1975. Tripoli, 1977).
191. Масират кытаат ан-нафт фи ашар санават 1969—1979. Аль-Му'ассаса аль-ватанийя ли-н-нафт ва ширкатиха. СНЛАД. [Б. м., б. г.].
192. Масират ас-сыхха фи ашар санават 1969—1979. Иманат аль-ляджна аш-шаабийя аль-амма ли-с-сыхха. СНЛАД. [Б. м., б. г.].
193. Масраф Либия аль-марказий. Ат-Такрир ас-санавий аль-ашрун ли-маджлис аль-ндара ли-с-санат аль-маллийа 1975. Триполи, [Б. г.].
194. Аль-Му'ассаса аль-ватанийя аль-амма ли-т-тасния. Аль-Инджазат ас-сынавий ли саураат аль-Фатих аль-азыма фи мыдиха ат-тасния. Триполи, [Б. г.].
195. Ан-Нафт сарват аш-шааб. [Б. м., б. г.].
196. Сеййид-Ахмед А. Таваккуат ат-така: аль-фава'ид аль-маллийа ва-т-танмийят аль-арабийя. Бейрут, 1979.
197. Abed G. T. Arab Financial Resources: An Analysis and Critique of Present Deployment Policies.— Arab Resources. The Transformation of a Society. Wash.—L., 1983.
198. Adelman M. A. The World Petroleum Market. Wash., 1974.
199. African Statistical Yearbook 1980. Part 1. North Africa. UNECA. Addis Ababa, 1981.
- 199а. Aid from OPEC Countries. Efforts and Policies of the Members of OPEC and of the Aid Institutions Established by OPEC Countries. OECD. P., 1983.
200. Ajami R. A. The Multinationals and Arab Economic Development: A New Paradigm.— «Journal of Contemporary Business». 1980, vol. 9, № 3.
201. L'Algérie en quelques chiffres. Alger, 1982.
202. Algérie: vingt ans.— «Le Monde». P., 03.07.1982.
203. Aliber R. Z. Policies toward the OPEC Oil and Wealth. Tübingen, 1975.
204. Allan T. Capital Has Not Substituted for Water in Agriculture.— Libya Since Independence: Economic and Political Development. London—Canberra—New York, 1982.

205. Alnasrawi A. OPEC: the Cartel That it is Not. — «OPEC Bulletin». 1981, vol. XI, № 2.
206. Alwattari A., Ibrahim J. The Relative Price of Oil and Inflation. — «OPEC Review». Vienna, 1981, vol. V, № 4.
207. Amuzegar J. Oil Wealth: A Very Mixed Blessing. — «Foreign Affairs». N. Y., 1982, vol. 60, № 4.
208. Arab Oil and Gas Directory 1976-77. Beirut, 1977.
209. Arab Oil and Gas Directory 1979-80. P., 1979.
210. Arab Oil and Gas Directory 1982. P., 1982.
211. Arab Oil and Gas Directory 1983. P., 1983.
212. Atiga A. A. The Need for Oil Conservation Policies in Oil Exporting Countries. — «OPEC News Bulletin». Kuwait, 1977, vol. 3, № 8/9.
213. Bagh-shomali H. OPEC Investment Strategies — Past and Future. — «Interconomics». Hamburg, 1983, 18th Year, № 1.
214. Barker P. The Development of Libyan Industry. — Libya Since Independence: Economic and Political Development. London - Canberra - New York, 1982.
215. Barker P., McLachlan K. Development of the Libyan Oil Industry. — Libya Since Independence: Economic and Political Development. London - Canberra - New York, 1982.
216. Basic Facts about the Organization of Arab Petroleum Exporting Countries. Kuwait, 1976.
217. El Beblawi H. The Oil Decade: An Appraisal in Perspective. — «L'Egypte contemporaine». Le Caire, 1983, an. LXXIV, № 393-394.
218. Ben-Omran A. Nationalization and Participation and Their Impact on the Economic Structure of State. — The First African Petroleum Congress. Tripoli, L.A.R., 2-12 February 1974. UNECA. Tripoli, 1974.
219. Bergmaier H. Calme trompeur dans le secteur de l'énergie. — «Bulletin Crédit Suisse». Zürich, 1982, an. 88, № 11-12.
220. Birks S., Sinclair C. Libya: Problems of a Rentier State. — North Africa: Contemporary Politics and Economic Development. London - Canberra - New York, 1984.
221. Bohi D. R., Russel M. US Energy Policy: Alternatives for Security. Baltimore - London, 1975.
222. Boutaleb G. Economie africaine: tenir les engagements de Lagos. — «Révolution Africaine». 1982, № 951.
223. Boutaleb G. Explorations pétrolières: La relance. — «Révolution Africaine». 1980, № 857.
224. Boutaleb G. Hydrocarbures: A la recherche d'un nouvel équilibre. — «Révolution Africaine». 1982, № 950.
225. Boutaleb G. Hydrocarbures: l'histoire d'une bataille. — «Révolution Africaine». Alger, 1980, № 835.
226. Boutaleb G. Hydrocarbures: La promotion du gaz et la bataille des prix. — «Révolution Africaine». 1982, № 932.
227. Boutaleb G. Marché pétrolier: Une stagnation conjoncturelle. — «Révolution Africaine». 1982, № 981.
228. Boutaleb G. OPEP: A la recherche d'un juste prix. — «Révolution Africaine». 1980, № 841.
229. Boutaleb G. OPEP: la désescalade. — «Révolution Africaine». 1983, № 995.
230. Boutaleb G. OPEP: l'esquisse d'une stratégie à long term. — «Révolution Africaine». 1980, № 847.
231. Boutaleb G. OPEP: Une partie remise. — «Révolution Africaine». 1983, № 994.
232. Boutaleb G. OPEP: prééminence des intérêts particuliers. — «Révolution Africaine». 1982, № 960.
233. Boutaleb G. OPEP: programmer la production. — «Révolution Africaine». 1982-1983, № 984.
234. Boutaleb G. Pétrole: des pressions répétées à la baisse. — «Révolution Africaine». 1983, № 990.
- 234a. Boutaleb G. Pétrole: stabilisation du marché. — «Révolution Africaine». 1982, № 953.
235. Boy de la Tour X. Perspectives de développement des nouvelles sources d'hydrocarbures. — «Revue de l'énergie». P., 1982, an. 33, № 346.
236. BP Statistical Review of World Energy 1981. L., [6. r.].
237. Brown W. R. The Oil Weapon. — «The Middle East Journal». Wash., 1982, vol. 36, № 3.
238. Castoriades G. Eradication of Private Business Brings Problems to Libya's Banks. — MEED, 1979, vol. 23, № 18.
239. Al-Chalabi F. J. OPEC and the International Oil Industry. A Changing Structure. Ox., 1980.
240. Chasseriaux J.-M., Abord de Chatillon R. Les données nouvelles du marché pétrolier. — «Problèmes économiques». P., 1980, № 1681.
241. Chevalier J.-M. Les nouvelles technologies énergétiques: leur impact sur l'évolution des prix de l'énergie. — «Problèmes économiques». P., 1982, № 1765.
242. Choucri N. Energy and Arab Development. — Arab Resources. The Transformation of a Society. Wash. — L., 1983.
243. Cockburn P. Production Little Affected by World Glut. Main Source of the Federation's Wealth. — «The Financial Times». 26.10.1982. Suppl.
244. Country Industrial Development Profile. The Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya. UNIDO/IS. 295. [B. m.], 1982.
245. Crawford J. OPEC's Next Hurdle. — «The Middle East». L., 1982, № 93.
246. Cságyó F., Muraközi E. Fundamental Economic Interrelations Underlying the Development of the World Market Prices of Primary Energy. — «Acta Oeconomica». Budapest, 1979, vol. 22, № 3-4.
247. Deeb M. K., Deeb M. J. Libya Since the Revolution. Aspects of Social and Political Development. N. Y., 1982.
248. Desprairies P. Perspectives du marché international du pétrole et du gaz. — «Gaz d'aujourd'hui». P., 1983, an. 107, № 4.
249. Development Co-Operation. 1979 Review. OECD. P., 1979.
250. Doran Ch. F. Three Models of OPEC Leadership and Policy in the Aftermath of Iran. — «Journal of Policy Modeling». N. Y., 1979, vol. 3, № 1.
251. Dow A. The Collection of Natural Resource Rents in a Divided World. — «Atlantic Economic Journal». Richmond (USA), 1982, vol. 10, № 3.
252. L'Economie des pays d'Afrique du Nord. 1re éd. P., 1982.
253. Education in Africa in the Light of the Lagos Conference. UNESCO. Educational Studies and Documents. P., 1976, № 25.
254. Elazzabi A. M. Transport and Investment in the Libyan Jamahiriya 1963-1980. — Libya Since Independence: Economic and Political Development. London - Canberra - New York, 1982.
255. Energy: from Surplus to Scarcity? Barking, 1974.
256. Faridany E. K. The Future of LNG Trade. — «Petroleum Times». Sutton (Surrey), 1981, vol. 85, № 2146.
257. Ferroukhi A., Samii M. V. OPEC Trade Prospects: Barriers to Export Diversification. — «OPEC Review». Vienna, 1982, vol. VI, № 1.
258. Fesharaki F. World Supplies of Petroleum in the 1980s. — «Energy». L., 1981, vol. 6, № 8.
259. Field M. A Hundred Million Dollars a Day. (Inside the World of Middle-East Money). L., 1975.
260. Field M. Oil in the Middle East and North Africa. — The Middle East and North Africa 1982-1983. 29th ed. L., 1982.
261. Gazzo Y. L'économie libyenne. — «Maghreb-Machrek. Monde arabe». P., 1981, № 93.
262. Gazzo Y. Pétrole et développement. Le cas libyen. P., 1980.
263. George A. Libya Gambles on Heavy Industry. — «The Middle East». 1982, № 87.
264. Gerlach E. Die OPEC und die «Ölmultis». — «IPW Berichte». B., 1980, H. 9, № 11.
265. Hiraoka L. Sweet Oil Imports in the USA — the Continuing Dependence. — «Energy Policy». Guildford (England), 1980, vol. 8, № 4.
266. Hussein S. On Oil Nationalisation in Iraq. 1st ed. Baghdad, 1973.
267. Ibrahim M. K. Highlights of Libyan Legislation on Oil Resources. Tripoli, 1974.

268. International Financial Statistics. Yearbook 1982. Wash., 1982, vol. XXXV.
269. Issawi Ch. An Economic History of the Middle East and North Africa. L., 1982.
270. Jaidah A. M. Downstream Operations and the Development of OPEC Member Countries. — OPEC: Twenty Years and Beyond. Boulder (Colorado) — London, 1982.
271. Jean Ch. Riyad joue contre les peuples. — « Afrique-Asie », P., 1981, № 242.
272. El Jehaimi T. A Practical Approach to Measuring Absorptive Capacity in Developing Countries with Special Reference to Libya. — « Economia Internazionale », Roma, 1979, vol. 32, № 1.
273. Johany A. D. L'Arabie Saoudite, l'O.P.E.P. et les prix pétroliers. — « Revue de l'énergie », P., 1982, an. 33, № 342.
274. Johany A. D. The Myth of the OPEC Cartel. The Role of Saudi Arabia. Dhahran — Chichester — New York — Brisbane — Toronto, 1980.
275. Johany A. D. OPEC and the Price of Oil: Cartelization or Alteration of Property Rights. — OPEC: Twenty Years and Beyond. Boulder (Colorado) — London, 1982.
276. Jonas R., Minte H. Petrodollar: Chance für die kooperative Weltwirtschaft. Bonn — Bad Godesberg, 1975.
277. Jones A. Oil: the Missed Opportunity or Naft and Shaft. L., 1981.
278. Kiernan T. The Arabs. Their History, Aims and Challenge to the Industrialized World. Boston — Toronto, 1975.
279. Larbi M. Afrique: le transfert des problèmes. — « Révolution Africaine », 1983, № 992.
280. Lawless R. Algeria: The Contradictions of Rapid Industrialisation. — North Africa: Contemporary Politics and Economic Development. London — Canberra — New York, 1984.
281. Legros E. Le pétrole comme vecteur de développement: l'exemple africain. — « L'Industrie du pétrole. Gaz-chimie », P., 1982, vol. 50, № 549.
282. Leibson J. Energy Resource Utilization in the Pacific Basin Countries. — « Mining Congress Journal », Wash., 1981, vol. 67, № 9.
283. Libya. MEED Special Report. — MEED, 1977, vol. 21, № 7.
284. Libyan Oil. 1954—1971. Libyan Arab Republic. Ministry of Petroleum. [Б. м., б. г.].
285. Libyan Oil 1972-1973. Ministry of Petroleum. Tripoli, 1974.
286. Luciani G. The Oil Companies and the Arab World. London — Canberra — New York, 1984.
287. Maachou A. L'OPAEP et le pétrole arabe. P., 1982.
288. Maddox J. Beyond the Energy Crisis. L., 1975.
289. Mahiout R. Le pétrole algérien. Alger, 1974.
290. Mainguy M. Pétrole et gaz en Afrique du Nord. — « Revue de l'énergie », P., 1983, an. 34, № 350.
291. Marketing in Saudi Arabia. — « Overseas Business Reports », Wash., 1979, № 40.
- 291a. Marovelli R. L., Karhnak J. M. The Mechanization of Mining. — « Scientific American », 1982, vol. 247, № 3.
292. Matthies K. The Years after the First Oil Crisis — OPEC's Past and Future. — « Intereconomics », Hamburg, 1983, 18th Year, № 3.
293. McLachlan K. Strategies for Agricultural Development in Libya. — Libya Since Independence: Economic and Political Development. London — Canberra — New York, 1982.
294. Mead W. J. An Economic Analysis of Crude Oil Price Behavior in the 1970s. — OPEC: Twenty Years and Beyond. Boulder (Colorado) — London, 1982.
295. Meloe T., Dickens S. P. Free World Energy Outlook: 1980-2000. — « NLGI Spokesman », Kansas City, 1982, Vol. 46, № 2.
296. Mikdashi Z. The International Politics of Natural Resources. Ithaca — London, 1976.
297. Morgenthau H. J. World Politics and the Politics of Oil. — Energy: the Policy Issues. Chicago — London, 1975.
298. O'Brien D. J. Future Production and Marketing Decisions of OPEC Nations. — OPEC: Twenty Years and Beyond. Boulder (Colorado) — London, 1982.
299. Oil and Development, Ed. by Ellis F. — « Institute of Development Studies Bulletin ». Special Issue. Brighton, 1974, vol. 6, № 2.
300. The Oil Price: Back to Fundamentals. — « The Banker », L., 1977, vol. 127, № 613.
301. OPEC Oil Report. 2nd ed. L., 1979.
302. Otaek R. La Libye révolutionnaire au sud du Sahara. — « Maghreb — Machrek. Monde arabe », 1981, № 94.
303. Ould-Moussa Y. Energie: un combat multiforme. — « Révolution Africaine », 1980, № 877.
304. Ould-Moussa Y. Energie: A Vienne, l'OPEP sort renforcé. — « Révolution Africaine », 1982, № 944.
305. Ould-Moussa Y. OPEC: Discerner ses véritables intérêts. — « Révolution Africaine », 1982, № 943.
306. Oweiss I. M. Petrodollar Surpluses: Trends and Economic Impact. — « L'Egypte contemporaine », Le Caire, 1983, an. LXXIV, № 393-394.
307. Park Y. S. Oil Money and the World Economy. L., 1976.
- 307a. Parkin A., Scholle R. Shifting Pattern of OPEC Investment. — « The Middle East », 1982, № 95.
308. Petrie-Ritchie M. Bartering an Unfashionable Commodity. — MEED, 1982, vol. 26, № 12.
309. Picardi A. C., Shorb A. McK. Simulating Saudi Arabia's Oil Export Strategy. — « Simulation and Games », Beverly Hills (USA), 1983, vol. 40, № 1.
310. Pindyck R. S. Some Long-Term Problems in OPEC Oil Pricing. — OPEC: Twenty Years and Beyond. Boulder (Colorado) — London, 1982.
311. The Plan of Economic and Social Transformation (1976-1980). Ministry of Planning and Scientific Research. Libyan Arab Republic, 1976.
312. Le plan d'industrialisation de la Libye. — « Problèmes économiques », P., 1980, № 1674.
313. Rahmer B. A. Successes and Setbacks for Alternatives. — « Petroleum Economist », 1982, vol. XLIX, № 6.
314. Rand Ch. T. Making Democracy Safe for Oil. Oilmen and the Islamic East. Boston — Toronto, 1975.
315. Résolutions adoptées par la 4ème session du comité centrale. Décembre 1980. — « Révolution Africaine », 1981, № 882, suppl.
316. Roerber J. What Determines Crude Oil Prices? (Rotterdam Oil Market). — « Petroleum Economist », 1982, vol. XLIX, № 5.
317. Rooney S. The Cold Blast from the Desert. — « Euromoney », 1979, July.
318. Rustow D. A. Modernization, Oil and the Arab Countries. — Arab Resources. The Transformation of a Society. Wash. — L., 1983.
319. Sader M., Baz F. Où vont les surplus pétroliers arabes? — « L'Economiste arabe ». Beyrouth, 1981, vol. XXIV, № 272.
320. Sampson A. The Seven Sisters. The Great Oil Companies and the World They Made. L., 1975.
321. Sayigh Y. A. Arab Oil Policies in the 1970s. Opportunity and Responsibility. London — Canberra, 1983.
322. Seguret J. Les leçons de la crise pétrolière. — « Problèmes économiques », P., 1982, № 1765.
323. El Serafy S. Oil and the World Economy — a Different Perspective. — « Finance and Development », Wash., 1982, vol. 19, № 1.
324. El Serafy S. The Oil Price Revolution of 1973-1974. — OPEC: Twenty Years and Beyond. Boulder (Colorado) — London, 1982.
325. Sid-Ahmed A. L'OPEP. Passé, présent et perspectives (Eléments pour une économie politique des économies rentières). P., 1980.
326. Smith D. Downstream Petroleum Industries. — Middle East Annual Review 1977. Vol. 3. Saffron Walden — London, 1976.
327. The Statute of the Organisation of Petroleum Exporting Countries, Wien, 1968.
328. Stevens P. J. Joint Ventures in Middle East Oil 1957-1975. Beirut, 1976.
329. Stewart-Gordon T. J. Exaggerations. — « World Oil », 1983, vol. 196, № 4.
330. Stocking G. W. Middle East Oil (A Study in Political and Economic Controversy). L., 1971.
331. Stoffaës Ch. Pétrole: un temps pour la réflexion. — « Revue de l'énergie », P., 1982, an. 33, № 346.

332. Sultan A. Agriculture. Population Growth Spurs Self-Sufficiency Plans. — MEED. 1977, vol. 21, № 7.
333. Sultan A. LAFB Expanding Fast into International Markets. — MEED. 1977, vol. 21, № 27.
334. Summaries of Economic Data: Libya. UNECA. 5th Year. № 21. [B. m.], 1973.
335. Tammer H. Profiten und Profitraten in der BRD-Industrie. — «IPW-Berichte». B., 1978, H. 7, № 6.
336. Tanzer M. The Energy Crisis: World Struggle for Power and Wealth. N. Y. — L., 1974.
337. Tugendhat Ch., Hamilton A. Oil. The Biggest Business. L., 1975.
338. Uhler R. S. The Rate of Petroleum Exploration and Extraction. — Advances in the Economics of Energy and Resources. Vol. 2. Greenwich (Connecticut), 1979.
339. Vielvove R. Low Liftings Hold Lid on OPEC Crude Prices. — «Oil and Gas Journal». 1981, vol. 79, № 29.
340. Waddams F. C. The Libyan Oil Industry. L., 1980.
341. White R.C.A. Expropriation of the Libyan Oil Concessions. — Two Conflicting International Arbitrations. — «The International and Comparative Law Quarterly». L., 1981, vol. 30, P. 1.
342. Wiese W. Der Umbruch auf dem Weltrohölmarkt und seine Folgen. — «VIK-Mitteilungen». Essen, 1980, № 4.
343. Winger J. G. The Search for Oil Depends on Profits. — «Euromoney». 1979, July.
344. World Energy Supplies 1950-1974. UN. N. Y., 1976, № 19.
345. World Energy Supply in Review: a Viewpoint from Shell. — «World Oil». Houston (Texas), 1981, vol. 193, № 4.
346. World Petrochemicals (Conference Organised by «The Financial Times» in Association with «The Oil Daily» 5-6 February 1975. Speakers' Papers). Royal Lancaster — London, [6. r.].
347. Wright J. Sonatrach-Key to Algeria's Future. — «Petroleum Economist». 1977, vol. XLIV, № 1.
348. Yearbook of National Accounts Statistics 1978. Vol. I. Individual Country Data. UN, N.Y., 1979.
349. Yearbook of National Accounts Statistics 1978. Vol. II. International Tables. UN. N. Y., 1979.
350. Yearbook of National Accounts Statistics. 1980. Vol. II. International Tables. UN. N.Y., 1982.
351. Yearbook of World Energy Statistics. 1981. UN. N. Y., 1983.
352. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М.
353. «Мировая экономика и международные отношения» (МЭ и МО). М.
354. «Правда». М.
355. «Проблемы мира и социализма». Прага.
356. «Аль-Ард». Триполи.
357. «Аль-Джихад». Триполи.
358. «Аль-Усбу' ас-сиясий». Триполи.
359. «Acier Arabe». Alger.
360. «African Business». L.
361. «The Banker». L.
362. «Business Week». N. Y.
363. «Central Bank of Libya. Economic Bulletin». Tripoli.
- 363a. «The Economist». L.
364. «Euromoney». L.
365. «The Financial Times». L.
366. «Fortune». Chicago.
- 366a. «Industrial Minerals». L.
367. «International Financial Statistics». (IFS). International Monetary Fund. Wash.
368. «International Herald Tribune». P.
369. «Jamahiriya Review». L.
- 369a. «Jeune Afrique». P.
370. «Marchés tropicaux et méditerranéens» (MTM). P.
371. «The Middle East». L.
372. «Middle East Economic Digest» (MEED). L.
373. «Middle East Economic Survey» (MEES). Nicosia.
- 373a. «Middle East Money» (MEMO). Beirut.
374. «The Mining Magazine». L.
375. «Le Monde». P.
376. «Monthly Bulletin of Statistics». UN. N.Y.
377. «Nachrichten für Aussenhandel». Eschborn.
378. «An-Nahar Arab Report and MEMO». Beirut.
379. «New Statesman». L.
380. «Oil and Gas Journal». Tulsa (Oklahoma).
381. «OPEC Bulletin». Vienna.
382. «Le pétrole et le gaz arabe». Beyrouth.
383. «Pétrole informations». P.
384. «Petroleum Economist». L.
385. «Petroleum Intelligence Weekly». N. Y.
386. «Quarterly Economic Review. Libya, Tunisia, Malta». L.
- 386a. «Quarterly Energy Review. Africa». L.
387. «Révolution Africaine». Alger.
388. «Syrie et monde arabe». Damas.
389. «World Oil». Houston (Texas).
390. «Al-Zahaf al-Ahdar». Tripoli.

SUMMARY

The monograph *Oil and Development: Libya, Algeria* by V. Kookooshkin covers a series of questions connected with the utilization of oil and gas resources by two progressive national-democratic states, OPEC members. For the liberated countries, members of this organization, the exploitation of hydrocarbonic raw materials is the main source of foreign currency revenues which form the major and most important share of monetary accumulations. Most often the principal share of consumption funds, especially in countries specialising in a single industry, Libya included, is financed from this source. This is why the author's attention is primarily focused on raw material and financial policies of Libya and Algeria, on their orientations, methods and results.

The evolution of national oil economy of both countries and its impact on the socio-economic development are shown against the background of a description of the world capitalist oil market and OPEC activities. The author provides a comparative analysis of economic policies of OPEC members presenting both their specific and general features and contradictions.

The initial two chapters of the monograph deal with the formation and distribution of oil rent. This is primarily done to define the role of oil exporting countries in these processes. The author analyses the reasons behind the sharp increase of the role of their energy fuels' strategy accounted for by the disintegration of "traditional" oil concessions and price revolution on liquid fuels in 1973-74. This strategy ensured oil and gas exporters the appropriation of differential rent as well as became one of the prerequisites for a specific rent income defined by the author as the state-monopoly rent.

From the theoretical analysis of objective and subjective rent-forming factors the author proceeds, in Chapters III and V, to specific consideration of energy and raw material policies of Libya and Algeria within the framework of historical conditions from early 1960s to mid-80s, with the emphasis placed on the active struggle of these states for sovereignty over their natural resources (Ch. IV) and present-day problems of cementing this sovereignty (Ch. V).

Chapter VI is focused on utilization of oil revenues in the light of a stepped-up economic and social development strategy, primarily on the Libyan experience. Chapter VII assesses the peculiarities of accumulation and utilization of Libyan currency funds abroad, its financial and economic cooperation with the developing and socialist countries as well as investment in the West.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть I. Ресурсопользование и нефтяная рента: проблемы и оценки	9
Глава I. Особенности нефтяной ренты до энергетического кризиса	19
Глава II. Современные рентные отношения на мировом капиталистическом рынке нефти	30
Часть II. Борьба за экономическую самостоятельность и сырьевая политика Ливии и Алжира	53
Глава III. Классово-политическая природа государственной власти и подходы арабских стран к нефтяным проблемам в 60-е годы	53
Ливия: нефтяная политика феодально-монархического режима	55
Алжир: этапы пути к суверенитету над нефтегазовыми ресурсами	61
Глава IV. Ливия и Алжир на решающем этапе борьбы за контроль над нефтегазовым хозяйством (1970—1974)	69
Глава V. Современные тенденции и проблемы энергосырьевой стратегии стран — участниц ОПЕК	93
Государство и иностранный капитал в добывающем секторе нефтегазового хозяйства	93
Особенности производственной и экспортной стратегии	106
Ценовая политика	128
Роль ОПЕК во взаимодействии нефтеэкспортирующих государств	137
Часть III. Доходы от нефти и социально-экономическое развитие	150
Глава VI. Способы и результаты внутреннего применения нефтяных доходов	155
Глава VII. Накопление валютных сбережений и их использование за рубежом	182
Заключение	193
Примечания	198
Приложение	208
Использованная литература	215
Summary	228

вышла книга

Ментешашвили З. А. Берберы в общественно-политической жизни Марокко (50—70-е годы XX в.). 10 л.

Монографическое исследование по новейшей истории берберов. Рассмотрены социально-экономическая организация берберских племен, определяющая их место в этносоциальной структуре марокканского общества, межэтнические отношения в стране, а также французская колониальная политика в отношении берберов; освещаются особенности и формы участия берберской помещичье-буржуазной верхушки в политической жизни современного Марокко.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 «Академкнига» («Книга — почтой»).

вышла книга

Дьяков Н. Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX—XX вв. 11 л.

Монография посвящена исследованию одного из главных направлений антиколониальной борьбы алжирского народа в конце XIX — начале XX в. Впервые анализируется комплекс социально-экономических и политических предпосылок зарождения в условиях французского колониального господства общественного движения «модернизированной» алжирской национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции, прослеживаются основные этапы организационной и идейной эволюции младоалжирцев.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 «Академкнига» («Книга — почтой»).

Владимир Юрьевич Кукушкин

**НЕФТЬ И РАЗВИТИЕ:
ЛИВИЯ, АЛЖИР**

*Утверждено к печати
Институтом Африки
Академии наук СССР*

Редактор М. Д. Панасьянц
Младший редактор Н. Н. Комарова
Художник Н. П. Ларский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректор Н. Б. Осягина

ИБ № 15129

Сдано в набор 21.12.84. Подписано к печати 29.05.85. А-03744. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,75. Уч.-изд. л. 17,43. Тираж 1500 экз. Изд. № 5769. Зак. № 342. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28